

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2026. Т. 48, № 4

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2026. Т. 48, № 4

Главный редактор

В. Н. Барышников, доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@petsu.ru

uchzap.petsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

А. В. ГОЛОВНЕВ

д. и. н., профессор, академик РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (МАЭ РАН) (Санкт-Петербург, Россия)

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ

д. и. н., Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. В. ВОЛОШИНА

д. ф. н., доцент, Томский государственный университет (Томск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

Е. Н. ИЛЬИНА

д. ф. н., профессор, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

И. А. КЮРШУНОВА

д. ф. н., доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. ЛИТВИН

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)

С. А. НИКОНОВ

д. и. н., доцент, Мурманский арктический университет (Мурманск, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

Е. А. РОСТОВЦЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Н. А. САМОЙЛОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. СЕМЯЧКО

д. ф. н., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

И. А. СПИРИДОНОВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. Ю. ТАРАСОВ

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. В. ТОЛСТИКОВ

к. и. н., доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2026. Vol. 48, No 4

Editor-in-Chief

Vladimir N. Baryshnikov, Doctor of Sciences in History, Professor
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Deputy Editors-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

Sergei G. Verigin, Doctor of Sciences in History, Professor
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@petsu.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- A. GOLOVNEV**
Doctor of History, Professor, RAS Academician, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) (St. Petersburg, Russia)
- I. ZHEREBTSOV**
Doctor of History, Komi Scientific Center of Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VOLOSHINA**
Doctor of Philology, Associate Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- E. ILYINA**
Doctor of Philology, Professor, Vologda State University (Vologda, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
Candidate of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- I. KYURSHUNOVA**
Doctor of Philology, Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- YU. LITVIN**
Candidate of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Federal State University of Education (Mytishchi, Russia)
- S. NIKONOV**
Doctor of History, Associate Professor, Murmansk Arctic University (Murmansk, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- E. ROSTOVTSEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
Candidate of History, Associate Professor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- N. SAMOYLOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- S. SEMYACHKO**
Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of RAS (St. Petersburg, Russia)
- I. SPIRIDONOVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. TARASOV**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. TOLSTIKOV**
Candidate of History, Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Никонов С. А.</i>	
От редакции	7
АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Васильева Т. А., Чебаковская А. В.</i>	
Григорий Александрович Панкрушев – организатор археологической науки в Карелии	8
<i>Попов Е. В., Карманов В. Н., Зарецкая Н. Е.</i>	
Пойменные памятники археологии бассейна реки Вычегды и их познавательные возможности	18
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Барышников В. Н.</i>	
Цели политического руководства Финляндии в войне против СССР в 1941 году	27
<i>Зотов С. А.</i>	
Британская тематика на страницах «Вестника Европы» в первые годы его издания (1866–1869)	37
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Захарова А. М.</i>	
Издание сборника проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный» (1681) в Верхней типографии	44
<i>Курашов В. А.</i>	
«Вестник Русского национального комитета»: реконструкция структуры, идеологии и практик политического объединения эмиграции	52
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Бочкарев А. С.</i>	
Особенности сословного статуса олонечских солдат и драгун: к вопросу о горизонтальной мобильности в России XVII века.	60
<i>Кривоноженко А. Ф., Крижановский А. А.</i>	
Мелкий кредит и неземледельческие заработки крестьян в дореволюционной Карелии	69
<i>Резанов А. Д.</i>	
Главы жандармского управления в Архангельской губернии в 1834–1917 годах: опыт просопографического анализа.	77
<i>Филимончик С. Н.</i>	
История треста «Кареллес»	85
<i>Ермолаев И. В.</i>	
Образ Японии в периодической печати Православной церкви в период Русско-японской войны	94
<i>Козловский Д. В.</i>	
Роль иностранцев в торговле археологическими древностями в Российской империи.	101
ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ	
<i>Муллонен И. И., Кондратюк А. А.</i>	
Опыт реконструкции топонимической карты Соломьянского погоста XV века	110
Рецензии	
<i>Никитин О. В.</i>	
Рец. на кн.: Архангельская (Двинская) таможенная книга 1719 года.	121
Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал вошел в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список», присвоен 2-й уровень (№ ДС/122-пр от 09.09.2025 года)

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIN PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 29.05.2026. Формат 60 × 90 ¹/₈. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 40 экз.). Изд. № 46

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

С. А. Никонов
доктор исторических наук,
доцент
Мурманский арктический
университет

Sergey A. Nikonov
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (History),
Associate Professor,
Murmansk Arctic University

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В очередном номере журнала опубликованы разноплановые материалы. Представлены статьи по археологии, историографии, источниковедению, методам исторического исследования, отечественной и всеобщей истории, этнологии, антропологии и этнографии. Авторы публикаций – представители научных и образовательных учреждений Арзамаса, Архангельска, Москвы, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Сыктывкара. Это позволяет журналу отразить проблемы региональной, общероссийской и всеобщей истории.

Актуальной, на наш взгляд, является статья А. Ф. Кривоноженко и А. А. Крижановского (Петрозаводск) по проблеме крестьянского кредита в Карелии начала XX века, основанная на широком круге источников и анализе большого массива данных. В статье А. С. Бочкарева (Петрозаводск) рассмотрен социальный статус пашенных солдат и драгун Олонецкого уезда в контексте военных преобразований Русского государства второй половины XVII века. Серьезная источниковедческая проблема представлена в статье А. М. Захаровой (Москва) о подготовке в Верхней типографии публикации сборника проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный». Несомненно, интерес вызовет статья В. Н. Барышникова (Санкт-Петербург) о целях участия Финляндии в войне против СССР в 1941 году. Результаты исследования И. И. Муллонен и А. А. Кондратюк (Петрозаводск) актуальны в контексте этнокультурной истории и языкового наследия карельского Приладожья.

Нельзя обойти стороной и рецензию О. В. Никитина (Москва) на издание «Архангельская (Двинская) таможенная книга 1719 года / Изд. подгот. И. А. Малышева / Институт лингвистических исследований РАН» (СПб., 2024). Эта книга является единственным полностью сохранившимся документом таможенного ведомства Архангельска эпохи Петровских преобразований. Источник раскрывает масштабы внутривосточной и международной торговли, содержит ценные сведения о занятиях и промыслах населения Русского Севера, дает полную картину состава российских и европейских предпринимателей, торговавших в Архангельске и других городах России.

Надеемся, что публикации данного выпуска будут интересны и полезны нашим читателям и авторам.

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ВАСИЛЬЕВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник МНОЦ Nordica Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9951-1024; tattya@list.ru

АЛЕКСАНДРА ВЯЧЕСЛАВОВНА ЧЕБАКОВСКАЯ

кандидат исторических наук, научный сотрудник МНОЦ Nordica Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5750-956X; chebakovskaja@yandex.ru

**ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПАНКРУШЕВ – ОРГАНИЗАТОР
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В КАРЕЛИИ**

А н н о т а ц и я . Цель статьи – изучение биографии и научного наследия Г. А. Панкрушева, исследования которого оказали значительное влияние на становление и развитие археологии в регионе. Благодаря выборке материалов из каталога об археологических изысканиях был проведен анализ сведений, что позволило впервые составить карту-схему памятников, обнаруженных и изученных Г. А. Панкрушевым. В течение 35 лет Григорию Александровичу удалось открыть и обследовать четвертую часть всех известных археологических памятников на территории Карелии, пройти путь от младшего научного сотрудника сектора истории до руководителя основанного им сектора археологии. Ученым обнаружены многочисленные памятники эпохи мезолита, неолита, энеолита, бронзового века и раннего железа не только на территории Карелии, но и в соседних регионах: Архангельской, Вологодской и Ленинградской областях. В ходе масштабных полевых исследований сформированы фонды хранилища Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, что обеспечило перспективу дальнейшего изучения древней истории края. Организованная Г. А. Панкрушевым научная школа способствовала подготовке новых поколений специалистов и заложила научно-методологическую базу для решения актуальных археологических и исторических проблем региона.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Г. А. Панкрушев, биография, археология, научное наследие, Карелия

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 124100400230-1).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Васильева Т. А., Чебаковская А. В. Григорий Александрович Панкрушев – организатор археологической науки в Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1314

ВВЕДЕНИЕ

Благодаря трудам ученых, прежде обращавшихся к изучению и документированию археологических памятников, современная наука получает ценную источниковую базу, которая позволяет не только уточнить хронологию и культурные связи, но и развивать новые методы исследования. В рамках данной статьи внимание уделяется вкладу Григория Александровича Панкрушева, чьи исследования значительным

образом повлияли на развитие археологической науки и понимание исторического наследия Карелии. Его деятельность стала важным этапом в расширении знаний о древних культурах края и формировании современного археологического направления. Памяти Григория Александровича Панкрушева посвящен сборник «Хронология и периодизация археологических памятников Карелии» [7] и статьи его учеников и коллег – Н. В. Лобановой [4] и Ю. А. Савватеева

[5]. В 2025 году на базе Карельского научного центра РАН состоялась научная конференция «Соединяя пространство и время: методы пространственного анализа в изучении позднего каменного века Евразии», посвященная 140-летию со дня рождения выдающегося советского археолога А. Я. Брюсова. Благодаря его исследовательскому дару в Карелии сформировалось самостоятельное направление под руководством Г. А. Панкрушева – ученика А. Я. Брюсова, для которого 2025 год также стал юбилейным. Научному наследию известных археологов были посвящены доклады, подчеркивающие неотъемлемую исследовательскую связь между учеными и преемственность в научных изысканиях.

Данная статья приурочена к 105-летию со дня рождения Г. А. Панкрушева, археолога, доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории, человека, которого по праву можно считать основателем профессиональной археологии в Карелии (рис. 1). В ней впервые представлена карта памятников, открытых и исследованных им на территории республики.

НА ПУТИ К АРХЕОЛОГИИ

Г. А. Панкрушев родился 2 марта 1920 года в крестьянской семье в д. Гаврушино Ковжинского района Вологодской области. Кроме него в семье было еще трое детей: две девочки и мальчик. Григорий был вторым ребенком и старшим сыном [4: 274]. Из-за работы отца семья часто меняла место проживания, в Петрозаводск они переехали в 1930-х годах, но, опасаясь репрессий, были вынуждены переселиться в с. Ковда Мурманской области. В 1935 году Г. Панкрушев закончил семилетку и поступил в речной техникум в Великом Устюге на судоводительское отделение, поскольку с детства хотел стать моряком [4: 275]. Однако из-за ухудшения зрения Григорий был вынужден отказаться от своей мечты, он покинул техникум и начал трудовую деятельность в качестве чернорабочего на лесозаводе в с. Ковда, затем был счетоводом. Постепенно у Григория сформировалась идея продолжить образование и стать историком. В 1939 году он поступил на подготовительные курсы, после окончания которых был зачислен в Карело-Финский государственный университет. Однако в 1940 году учебу пришлось прервать, чтобы устроиться на работу и обеспечивать себя. Г. Панкрушев работал на лесозаводе, а затем в школе села Надвоицы.

С августа 1941 года Григорий Александрович воевал, в январе – апреле 1942 года, окончив

Рис. 1. Григорий Александрович Панкрушев. 1970-е годы. Из архива сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН (автор неизвестен)

Figure 1. Grigory Aleksandrovich Pankrushev, 1970s. Photo from the archive of the Archaeology Sector of the Institute of Language, Literature and History of the RAS Karelian Research Centre, author unknown

курсы младших лейтенантов, участвовал в оборонительных боях на Мурманском направлении Северного фронта в качестве командира минометного взвода [4: 275]. В конце апреля получил тяжелое ранение и длительное время проходил лечение в госпитале. В ноябре того же года лейтенант Г. А. Панкрушев был направлен в 37-й запасной полк, где служил до момента мобилизации.

В мирное время продолжил обучение на историческом факультете Карело-Финского государственного университета, после окончания работал директором и учителем истории в Кондопожской семилетней школе. В Петрозаводске был заведующим методическим кабинетом истории в Институте усовершенствования учителей, корреспондентом в Карело-Финском телеграфном агентстве. Именно в этот период сформировалось стремление заняться научными исследованиями в области археологии, тем более что специалистов подобного рода в Карелии не было.

АСПИРАНТУРА

В очную аспирантуру Института истории материальной культуры Академии наук СССР (Институт археологии РАН, Москва) по научной специальности «Археология» Г. А. Панкрушев поступил в 1951 году, будучи человеком семейным. Отметим, что до поступления Григорий Александрович не работал в данной сфере, никогда не участвовал в разведках и раскопках археологических памятников. До 1955 года проходил обучение под руководством ученого-археолога с мировым именем – Александра Яковлевича Брюсова. Для Григория Александровича А. Я. Брюсов был не только руководителем научного исследования, но учителем, наставником и авторитетом на всю жизнь. Благодаря влиянию А. Я. Брюсова произошло его становление как археолога [5: 142]. У них сложились теплые дружеские отношения, и немалую роль в этом сыграло то, что А. Я. Брюсов в довоенные годы исследовал археологические памятники на территории Карелии, которым посвятил свою монографию «История древней Карелии», изданную в 1940 году [4: 276].

По воспоминаниям археолога Н. В. Лобановой, научный руководитель Г. А. Панкрушева действительно оказывал ему большую помощь во время обучения в аспирантуре. Более того, если А. М. Линевский убеждал Григория Александровича, что в его возрасте (30 лет) уже поздно становиться археологом, то Александр Яковлевич, напротив, поддерживал, отмечая, что «никогда не поздно», так как и сам он пришел в археологию после 30 лет. Надежда Валентиновна с благодарностью отзывается о поддержке Григория Александровича не только в ее научной деятельности, но и в жизни. Он внес большой вклад в подготовку диссертационного сочинения и был в числе тех, кто «прочитал его от корки до корки», предлагая правки начинающему исследователю.

РАБОТА В ИНСТИТУТЕ

Успешно окончив аспирантуру, через три года Григорий Александрович вернулся в Петрозаводск. В ноябре 1954 года он был принят на должность младшего научного сотрудника в сектор истории Института языка, литературы и истории Карело-Финского филиала Академии наук СССР (заведующий сектором – Я. А. Балагуров).

В мае 1955 года состоялась защита кандидатской диссертации Григория Александровича «Локальные варианты карельской археологической культуры и их отношение к этническим общ-

ностям». В этой работе ставилась задача обобщить все собранные к тому моменту материалы по археологии Карелии, обосновать выделение локальных вариантов в карельской археологической культуре [4: 277]. В целом Г. А. Панкрушев стал последователем взглядов А. Я. Брюсова относительно понимания и использования термина «археологическая культура».

На основе успешного диссертационного исследования в 1964 году вышла в свет монография «Племена эпохи неолита и раннего металла в Карелии», которая детально представила изучение узколокальной карельской археологической культуры, сложившейся из нескольких небольших племен, связанных единством территории, природных условий и хозяйственного уклада, а также единством происхождения некоторых из этих племен¹. Г. А. Панкрушев отмечал важность исследования узколокальных культур для полноты развития археологической науки: «...необходимо вести работу параллельно как по изучению локальных микрокультур, так и объединяющих их больших культурных ареалов» [1: 4]. Основной задачей книги стала демонстрация процесса сложения и развития племен карельской археологической культуры в некоторых наиболее изученных районах Карелии с подробным освещением датировок археологических памятников, времени и путей заселения ее территории².

Григорий Александрович ориентировался на опыт предшественников, выделяя три этапа в археологическом изучении Карелии: первый (дореволюционный) – коллекционирование древних вещей; второй (1920–1930-е годы) – начало регулярных разведок и раскопок археологами из Ленинграда и Москвы; третий (послевоенный) – значительное увеличение объема целенаправленных исследований [5: 141]. До середины 1950-х годов археологическое изучение края проводилось столичными археологами. Появление в науке Г. А. Панкрушева ознаменовало новый этап в развитии археологических исследований Карелии. Именно с этого периода археологическая деятельность приобрела системный и масштабный характер, охватив почти всю территорию республики, а также прилегающие районы Ленинградской, Вологодской, Архангельской и Мурманской областей.

Высокая трудоспособность Г. А. Панкрушева и его систематический, основательный подход к исследовательской деятельности сыграли ключевую роль не только в достижении научных успехов, но и в успешной организации археологической науки в Карелии, формировав-

шейся в несколько этапов: из небольшой группы археологов, входившей в сектор истории, с 1968 года – в сектор археологии и этнографии, с 1970 года – в самостоятельный сектор (под руководством Г. А. Панкрушева). С самого начала работы в Институте Григорий Александрович активно занимался вопросами отбора и подготовки профессиональных кадров, что способствовало развитию археологических исследований в регионе (рис. 2). В их числе его ученики и коллеги А. В. Анпилогов, Ю. А. Савватеев, С. И. Кочкуркина, А. П. Журавлёв, Ю. В. Титов, В. Ф. Филатова, Н. В. Лобанова, П. Э. Пессонен, И. Ф. Витенкова, ставшие признанными исследователями археологических древностей Карелии. Александр Васильевич Анпилогов стал правой рукой Григория Александровича, вместе они участвовали в поисках археологических памятников и проводили научные изыскания. Г. А. Панкрушев осуществлял организацию полевых отрядов, проводил подбор сотрудников, направлял специалистов в аспирантуру, а также оказывал поддержку новым кадрам.

Рис. 2. Г. А. Панкрушев и сотрудники сектора археологии (слева направо: первый ряд – Г. А. Панкрушев, С. И. Кочкуркина, А. В. Анпилогов; второй ряд – Ю. А. Савватеев, А. П. Журавлёв, Ю. В. Титов). 1970-е годы. Из архива сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН (автор неизвестен)

Figure 2. G. A. Pankrushev and staff of the Archaeology Sector, 1970s. First row, from left: G. A. Pankrushev, S. I. Kochkurkina, A. V. Anpilogov. Second row, from left: Yu. A. Savvateev, A. P. Zhuravlev, Yu. V. Titov. Photo from the archive of the Archaeology Sector of the Institute of Language, Literature and History of the RAS Karelian Research Centre, author unknown

Во второй половине XX века в ходе поисково-разведочных работ Г. А. Панкрушевым открыто свыше 400 древних стоянок эпохи мезолита, неолита, раннего металла и железного века, памятники исследовались широкими площадями. Масштабные археологические изыскания включали разведочные работы и раскопки на территориях, предназначенных для хозяйственного освоения, в районах дорог и других стратегических участках. Как отмечает Ю. А. Савватеев, материалы раскопок отличаются выразительная топогра-

фия, мощный культурный слой, наличие жилищ и хозяйственных сооружений, богатые коллекции находок [5: 141].

Под руководством Г. А. Панкрушева разрабатывались давно назревшие проблемы, связанные с систематизацией накопленных знаний о древнейшем прошлом территории Карелии. Коллеги отмечают, что исследователь обладал удивительным талантом находить археологические объекты, умением «выходить на памятники». Григорий Александрович много времени и сил тратил на разработку собственного метода датирования – и относительного, и абсолютного, который базировался на данных неотектоники, так называемых высотных отметках. С их учетом прокладывались маршруты по древним береговым линиям и террасам, отстоящим далеко от уреза воды современных водоемов – озер, рек, болот [5: 142]. Благодаря этому методу удалось открыть много новых памятников.

Г. А. Панкрушев выступал не только автором работ, но и редактором ряда сборников, посвященных археологическим памятникам и исследованиям в Карелии. В 1966 году был опубликован сборник статей, где на основе анализа собранных коллекций предпринята попытка рассмотреть известные памятники под новым углом зрения и по-новому решить ряд актуальных научных вопросов³. Статья Г. А. Панкрушева открывает сборник материалом о его новом методе абсолютной датировки стоянок, который мог получить широкое применение не только в Финноскандии, но и во всех уголках земного шара, где поздние тектонические движения земной коры хорошо изучены и где археологические работы ведутся с достаточной полнотой⁴. По мнению Григория Александровича, сочетание этого метода с другими методами датировки может позволить археологам в значительной мере приблизиться к решению одной из сложнейших задач археологии – установлению достаточно точной датировки древних памятников⁵. В мае этого же года в Петрозаводске проходила научная конференция по итогам работ за 1965 год, результаты были опубликованы в сборнике тезисов докладов, в редакционной коллегии которого был и Г. А. Панкрушев⁶.

В 1970-е годы археологи Института продолжали планомерные исследования, раскрывая все новые страницы древнейшей истории Карелии⁷. Хранилища Института пополнились многочисленными коллекциями древностей, обладающими значительным научным потенциалом, что открыло новые возможности для реше-

ния ряда проблем, связанных с историческими процессами региона.

Как отмечает археолог Ю. А. Савватеев, поглощенность наукой, трудолюбие, жизнерадостность, оптимизм привлекали к Григорию Александровичу внимание окружающих [5: 144]. Историк М. И. Шумилов видел, что

«в этом незаурядном человеке с твердым характером, с обостренным чувством справедливости сочетались безукоризненная честность, добросовестность, бескомпромиссность. Он делал все на совесть, никогда никого не подводил, не оставлял в беде» [6: 540].

Исследовательница Н. В. Лобанова характеризует Григория Александровича как трудолюбивого, упорного и целеустремленного в достижении поставленных целей человека, хорошего полеводчика-разведчика [4: 279, 280].

Используя материалы, собранные во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов, Г. А. Панкрушев подготовил первые обобщающие научные труды по мезолиту и неолиту Карелии⁸. В исследовательской работе он уделял особое внимание вопросам хронологии и периодизации стоянок, особенностям культуры населения каменного века, а также анализу предметного состава инвентаря.

В 1978 году вышла книга Г. А. Панкрушева «Мезолит и неолит Карелии», которая является первым монографическим исследованием, посвященным эпохе мезолита на территории Карелии. Здесь освещаются важные вопросы, имеющие первостепенное значение в изучении эпохи камня: время и пути заселения Карелии, происхождение древнейшего населения, становление и развитие материальной культуры региона, локальные (племенные) различия в нем, выделение основных этапов в древнейшей истории края и дальнейшая разработка вопросов хронологии с составлением схемы абсолютной датировки памятников⁹. Именно в этой книге Григорий Александрович предпринял попытку выяснить происхождение и этнокультурную принадлежность первопоселенцев и их преемников, процессы ассимиляции местного и пришлого населения [5: 142]. В монографии представлен критический анализ истории и историографии археологических исследований Карелии, выполнена систематизация каменного инвентаря с его типологизацией и последующей статистической обработкой. Особое внимание уделено выделению и детальному описанию мезолитических культурных комплексов региона; исследованы локально-территориальные особенности памят-

ников эпохи мезолита, обоснована гипотеза о путях и сроках заселения Карелии.

В 1983 году Г. А. Панкрушев успешно защищает докторскую диссертацию «Мезолит и неолит Карелии» в Институте археологии (Москва)¹⁰. Важно отметить, что эта работа представляет собой первый опыт монографического исследования древнейших этапов истории Карелии на основе наиболее полного статистического анализа археологических коллекций, собранных в первую очередь непосредственно самим исследователем. Эпоха мезолита оставалась до этого момента наименее изученным этапом, впервые освещенным в данной работе на основе материалов 130 памятников, большая часть которых (87) открыта и обследована в 1960–1970-е годы под руководством или при участии археолога Г. А. Панкрушева. В рамках этого исследования была обоснована эпоха мезолита – период первичного заселения территории Карелии, который открыл Б. Ф. Земляков еще в 1930-е годы.

Неолитическая эпоха была представлена совершенно по-новому: Г. А. Панкрушев доказывает сохранение культурной и хронологической преемственности в течение мезолита – неолита. Особое внимание уделяется неоднородности населения, пополнения его за счет переселенцев, развитию культуры на местной основе, формированию единой культуры. Для анализа неолитических материалов использованы коллекции 347 памятников, 285 из которых открыты и изучены Г. А. Панкрушевым. Исследователем описаны поселения, жилища и могильники эпохи мезолита, дана их характеристика, прослежено становление и развитие материальной культуры населения в древности.

Метод датировки памятников по данным неотектоники в сочетании с другими методами позволил составить графики абсолютных датировок для памятников бассейна Онежского озера, долины р. Кеми, низовьев р. Выг. Исследователь также представил эпоху раннего неолита, определил территориальные и хронологические рамки ранее выделенной культуры сперрингс.

Григорий Александрович провел сравнительно-типологический анализ каменного инвентаря изучаемых эпох, проанализировал процесс появления и развития типов керамики на разных хронологических этапах неолитической эпохи. Колоссальный вклад Г. А. Панкрушев внес в разработку методики проведения археологической разведки на территории Карелии и выявление характерных типов озовых стоянок

и разновидностей аллювиальных стоянок, расположенных на древних песчаных береговых валах, намывтых озером, или залегающих под ними.

В последующие годы Г. А. Панкрушев активно продолжал археологическую работу в кооперации с коллегами и учениками. В последние годы своей жизни он совместно с Н. В. Лобановой занимался изучением древних жилищ вблизи петроглифов Онежского озера.

В 1972 году Г. А. Панкрушев выступал научным редактором сборника «Археологические исследования в Карелии»¹¹, в 1982 году – «Поселения каменного века и раннего мезолита в Карелии»¹², в 1984 году – «Археологические памятники бассейна Онежского озера»¹³.

Григорий Александрович – заслуженный деятель науки Карельской АССР. Автор порядка 80 научных работ, основатель сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН, он остается в памяти соратников любимым наставником и талантливым руководителем. Как верно отметила археолог С. И. Кочуркина, «дело Григория Александровича продолжают его ученики и коллеги» [7: 240, 241].

В ПАМЯТЬ ОБ УЧИТЕЛЕ

В 2007 году был издан каталог «Археологические памятники Карелии» [1], ему предшествовала одноименная электронная база данных, созданная сотрудниками сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН. База данных включала около 2500 памятников эпохи мезолита, неолита, энеолита, бронзового, железного веков, Средневековья, Нового времени, открытых и исследованных на территории Карелии до 2000 года [2]. В ходе выборки материалов из каталога об археологических изысканиях, проведенных Г. А. Панкрушевым, было выделено более 600 археологических памятников на территории Карелии, включавших древние поселения (стоянки), селища, погребения и др. (рис. 3).

Г. А. Панкрушевым проведены археологические изыскания в большинстве районов Республики Карелия. Наибольшее количество памятников открыто и обследовано в Медвежьегорском, Пряжинском и Пудожском районах (164, 132 и 91 памятник соответственно). В Прионежском районе исследователем изучен 61 памятник, в Кондопожском – 30, Беломорском – 32, Суоярвском – 27, в окрестностях г. Петрозаводска – 16, Муезерском – 12, Калевальском – 10, Питкярантском – 10, Лоухском – 8, Кемском – 7, Лахденпохском – 4, Олонецком – 3, на территории г. Сортавалы – 1¹⁵.

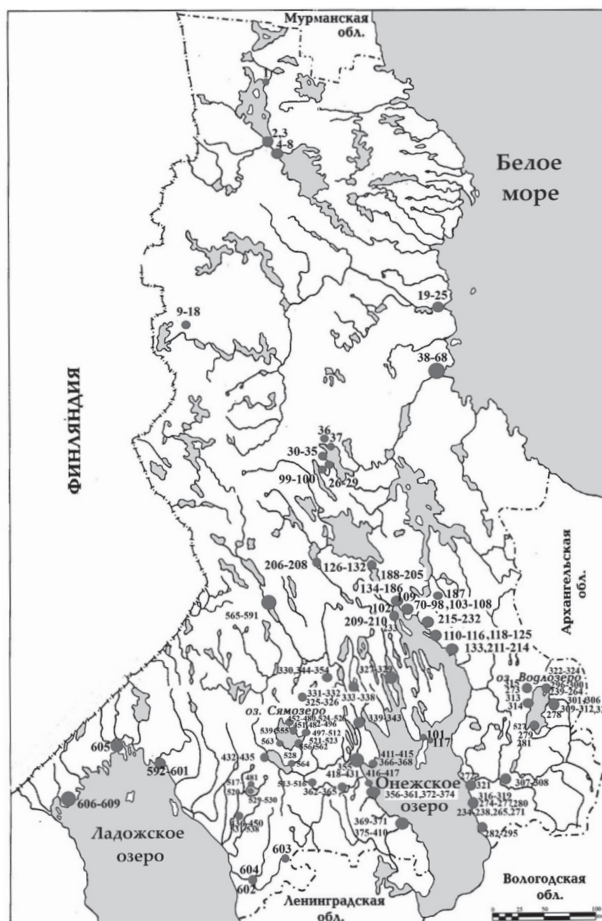

Рис. 3. Карта-схема археологических памятников, исследованных Г. А. Панкрушевым на территории Карелии¹⁴. Авторская работа

Figure 3. A map of archaeological sites explored by G. A. Pankrushev in Karelia. Drawn by the authors

Особое значение имеют группы памятников, исследованные на локальных участках. Это памятники Водла I–XXVI, Илекса I–V, Муромское III–IV, VI–XV, XIX, XX, Чёрная Речка I–IV (Пудожский район), Войнаволок V–VII, Va, IX, XIII–XXVII, XXX–XXXIII, XXXV–XXXVI, Мянъгора I–VIII, Оровнаволок IV (1), IV (2), XX, XXXI, Остер IV–X, Пиндуши I–XIV, XIVa, XV–XXI, XXIII–XXIV, XXXVII–XLV, Повенецкая I–V, Повенчанка I–II, XII–XV, Сандермоха 1–2, III–XII, XIV, XV, XVII, Чёрная Губа I–XX (Медвежьегорский район), Ондозеро I–IV (Муезерский район), Золотец I–XVI (Беломорский район), Кинярви I, Ia, II, Па, III, IIIa, IV, IVa, V–X, Кудома (2), I, Ia, II, Па, III–XI, Кудомозеро I–XI, Лахта (2), I–XII, Малая Суна III–XVI, Маньга I–IV, Нялма I–IV, Оскарви I–III, Синемукса (2), I–VI, Сулгу I–III, III a–г, IV–V, Va, VI–VIII, VIIIa, IX–XII (Пряжинский район), Костомукша I–IX (Костомукшский район), Чудозеро I–XIII, Юдъярви I–V

(Суоярвский район), Лососинное I–III, Шёлтозеро (1)–(4), I, Ia, II, IIa, III, IIIa, IV–XXVI, XXVIa, XXVIII, XXX, Ялгуба I–V (Прионежский район), Соломенное I–III, IIIa, IV–IX (г. Петрозаводск), Укса 1–3, I–V (Питкярантский район), Чёранга I, VIa, VII–XV (Кондопожский район) и др.

Из общего количества исследованных памятников большую часть составляют поселения и стоянки первобытной эпохи (97 %). Выявлено 14 погребальных объектов: могильники Кудомозерский I–IV, Синемукса (2), Сямозерский I–III (Пряжинский район), Оровгора, Повенчанка 6 (Медвежьегорский район), Уя, Шёлтозеро Ia–IIIa (Прионежский район); 5 погребений – Оровнаволок IV (2) (Медвежьегорский район), Шёлтозеро (1)–(4) (Прионежский район); могила Шуньга (Хашезерская могила, Медвежьегорский район). Обнаружены мастерские – Камень-Наволок, Оскарви III (Пряжинский район). Обследовано 12 селищ: Кукалахти (г. Сортавала), Куткостров, Сопоха I, Суна VII, VIII (Кондопожский район), Лахта (2), Руга Ia, IIa (Пряжинский район), Бесов Нос (Пудожский район), Укса (Питкярантский район), Пиньгуба II, Уя III (Прионежский район)¹⁶.

Важно отметить, что Григорием Александровичем предпринималась попытка сплошного обследования территории конкретных локальных участков. Обнаруженные памятники являются опорными для дальнейших археологических изысканий по районам.

Особое внимание Григорий Александрович уделял и обследованию сопредельных областей. В 1963 году на территории Архангельской области им открыто 30 стоянок: Арза, рог. Двинско-Важенский, Канза, Кир I, Кирокса I–II, Котлас I–IV, Ляпухово, Надозерская I, Новинки средние, Ноза I–IV, левый берег р. Нозы, Устье р. Сойги, Солозеро, Бухта Стеклянная, Пристань Телегово, Усово I–II, Устье р. Солки, Усолка I, Усть-Корье I–II, Шеньга I, Фаустово¹⁷. В 1971 году на территории Ленинградской области проведено обследование стоянок Вознесенье I, Ia, Щелейки I¹⁸.

В 1973 году при проведении разведывательных работ на территории Вологодской области исследовано 43 стоянки: Куштозеро I–V, Кемозеро I–IV, Тудозеро II–IV, Усть-Вытегра, Илекса на Куштозере, Кема I–VI, Куккозеро I–XXIII¹⁹.

С 1969 по 1975 год карельская экспедиция работала в Мурманской области. В 1969 году отрядом руководил А. В. Анпилогов. Из отчета известно, что с 7 по 18 августа экспедиция работала под руководством Г. А. Панкрушева, проводившего обследование стоянок в верхнем и сред-

нем течении р. Воронья. Открыто 11 разновременных стоянок (Ловозеро I–III, Уйма, Верхний Порог I–II, Вороний Погост I–II, Порог I–II, Нива I–II) и три могильника (Нивка, Уйма, Старый Погост)²⁰.

Полученные в ходе изучения материалы являются опорными для проведения современных исследований. В последние три десятилетия существенно расширилась методологическая база археологических изысканий, включающая комплексные междисциплинарные исследования, применимые в том числе и для ранее изученных объектов.

Обширный корпус источников по поселениям эпохи неолита с ямочно-гребенчатой керамикой и переходного этапа от позднего неолита к раннему энеолиту с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой представлен в материалах поселения Вигайнаволок I, который открыт и обследован Г. А. Панкрушевым в 1960-х годах²¹. Материалы этого памятника остаются эталонными для изучаемой эпохи. Важно отметить, что это был первый опыт исследования поселения с жилищами на значительной площади. Памятник открыт и исследован Г. А. Панкрушевым в 1963–1966 годах, расположен в 9 км к югу от г. Петрозаводска на берегу Петрозаводской губы Онежского озера, у небольшого мыса, в 120 м от современного берега озера на высоте 5 м от уреза воды. По распространению культурного слоя его площадь составляла 8000 кв. м. На поверхности выявлено 26 впадин, возможно, являющихся остатками жилищ. Исследовано 2748 кв. м.

Коллекция поселения Вигайнаволок I насчитывает более 30 тыс. предметов (более 25 тыс. фрагментов керамики и около 7 тыс. предметов из камня). Памятник относится к числу немногих, исследованных на значительной площади с остатками жилищ. Но материал четко не стратифицирован и сильно перемешан в культурном слое. Подобная ситуация характерна для большинства поселений исследуемого района. При изучении материалов поселения предпринята попытка проведения планиграфических наблюдений относительно пространственно-временных характеристик имеющихся построек, выделения характерных признаков ornamentации глиняной посуды и исследования технологии ее изготовления в течение неолита – переходного этапа к энеолиту²².

На сегодняшний день сформированная Г. А. Панкрушевым база источников служит надежным и востребованным материалом для

разработки научно-исследовательских проблем археологии Карелии от каменного века до Средневековья. Обращение к собранным материалам позволяет проследить сложившуюся научную традицию по комплексному систематическому поиску и анализу археологических древностей Карелии.

При проведении полевых разведок Григорию Александровичу не было равных: благодаря его изысканиям открыты многие поселения от мезолита до эпохи раннего железа на территории Карелии, а также в Архангельской, Вологодской и Ленинградской областях. Археологические отряды во главе с Г. А. Панкрушевым проводили широкомасштабные раскопки стоянок древнейших эпох Карелии. В процессе поисково-разведочных работ в регионе ученым обследовано порядка 570 памятников.

Г. А. Панкрушев был увлечен не только наукой, но и творчеством. В 2009 году родственники опубликовали сборник стихов Григория Александровича «Музыка души», в него вошли стихи, написанные в 1940-е годы и отражающие размышления о жизни, мечты и переживания автора²³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Григорий Александрович Панкрушев сыграл ключевую роль в формировании и развитии археологической науки Карелии. Его систематическая деятельность, включающая пополнение фондов хранилища Института, проведение масштабных полевых работ и создание научной школы, обеспечила накопление богатых источников для всестороннего и глубокого изучения древней истории региона. Благодаря его неутомимому труду, целеустремленности и профессионализму были выявлены и исследованы сотни памятников от мезолита до Средневековья, что заложило прочный фундамент для дальнейших исследований. Его личностные качества, такие как честность, трудолюбие и чуткость на археологические находки, способствовали развитию археологической науки и воспитанию нового поколения специалистов, продолжавших его дело. Работы Г. А. Панкрушева не только обусловили значительный прогресс в изучении древней истории Карелии и сопредельных областей, но и создали научно-методическую основу, позволяющую успешно решать актуальные проблемы археологии региона и по сей день.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Панкрушев Г. А. Племена эпохи неолита и раннего металла в Карелии / Отв. ред. А. Я. Брюсов. Л.: Наука, 1964. С. 4.
- ² Там же.
- ³ Новые памятники истории древней Карелии: Археологический сборник / Академия наук СССР, Петрозавод. ин-т языка, литературы и истории; Отв. ред. Г. А. Панкрушев. М.; Л.: Наука, 1966. С. 3.
- ⁴ Панкрушев Г. А. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений // Новые памятники истории древней Карелии... С. 42.
- ⁵ Там же. С. 43.
- ⁶ Научная конференция по итогам работ за 1965 год, май 1966 г. Секция исторических наук: Тексты докладов / Академия наук СССР, Петрозавод. ин-т языка, литературы и истории; Редкол: Я. А. Балагуров, М. Н. Власова, В. И. Машезерский, Г. А. Панкрушев. Петрозаводск: Б. и., 1966. 144 с.
- ⁷ Поселения каменного века и раннего металла в Карелии / Карельский филиал АН СССР, Ин-т языка, литературы и истории; Науч. ред. Г. А. Панкрушев. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1982. С. 3.
- ⁸ Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. I–II. Л.: Наука, 1978; Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1981. 48 с.
- ⁹ Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии... Ч. I. С. 3.
- ¹⁰ Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук...
- ¹¹ Археологические исследования в Карелии / Акад. наук СССР, Ин-т яз., лит. и ист. Карел. филиал; Отв. ред. Г. А. Панкрушев. Л.: Наука, 1972. 114 с.
- ¹² Поселения каменного века и раннего металла в Карелии...
- ¹³ Археологические памятники бассейна Онежского озера / Карел. фил. АН СССР, Ин-т яз., лит. и ист.; Науч. ред. Г. А. Панкрушев. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1984. 137 с.
- ¹⁴ 1 – Зашеек; 2 – Порог Понча; 3 – Пяозерская; 4 – Софпорог; 5–6 – Софьянга I, II; 7–8 – Усть-Понча I, II; 9–10 – Конттокки I, II; 11–18 – Костомукша I, II, IV–IX; 19–23 – Кемская I, II, IV, VI, VII; 24–25 – Путкинская I, II; 26–29 – Коргуба II, IV–VI; 30–32 – Лаяни I–III; 33–37 – Ондозеро I–V; 38–41 – Бесовы Следки II, III, III а, V; 42 – Видоостров VI; 43 – Выгостров II (Лисья Гора); 44 – Выгостров III; 45–46 – Горелый Мост I, II; 47 – Ерпин Пудас; 48 – Ерпин Пудас IV; 49–50 – Залавруга I, II; 51–67 – Золотец I–XVII; 68 – Усть-Уда; 69 – Шойрукша (у порога); 70–98 – Войнаволок V–VII, VII а, IX, XIII–XXXVI; 99–100 – Елмозеро I, II; 101 – Кижы; 102 – Костище; 103–108 – Кочнаволок I–VI; 109 – Медвежьегорская I; 110–116 – Мянъгора I, II, IV–VIII; 117 – Оленеостровская; 118 – Оровгора; 119–125 – Оровнаволок IV (1), IV (2), VI а, VIII, XIX–XX,

XXXI; 126–132 – Остер IV–X; 133 – Пидостров; 134–166 – Пиндуши I–XIV, XIV а, XV–XXI, XXIII–XXIV, XXXVII–XLV; 167–171 – Повенецкая I–V; 172 – Повенецкий Залив; 173–186 – Повенчанка (6), I, II, IV–VIII, X–XV; 187 – Рыбозеро II; 188–205 – Сандермоха 1, 2, I–XII, XIV–XVII; 206–208 – Селецкое IV–VI; 209–210 – Хашезеро I, II; 211 – Чёлмужская I; 212–214 – Чёлмужская коса I, XIV а, XV; 215–232 – Чёрная Губа I–VIII, IX–X, XI–XX; 233 – Шуныга (Хашезерская могила); 234 – Бесов Нос; 235–237 – Бесов Нос IV–V; 238 – Большой Гурий; 239–251 – Водла I–XIII; 252 – Водла XIV (Колово); 253–264 – Водла XV–XXVI; 265 – Гажий Нос I; 266–270 – Илекса I–V; 271 – Карецкий Нос; 272 – Кашино; 273 – Келкозеро; 274–277 – Кладовец I–IV; 278 – Колонжезеро; 279 – Куганаволок; 280 – Малый Гурий остров; 281 – Маткалахта I; 282–295 – Муромское III, IV, VI–XV, XIX–XX; 296–300 – Нижняя Колонжа (1), (2), I–III; 301–304 – Пигалахта I–IV; 305–306 – Пога I, II; 307–308 – Семеново I, II; 309 – Сухая Водла I; 310–312 – Тонда I–III; 313 – Укшезеро; 314 – Усть-Охтома; 315 – Усть-Пильма; 316–319 – Черная Речка I–IV; 320 – Шагнозеро; 321 – Шала II; 322–324 – Шеттима I–III; 325–326 – Вендеры I, II; 327–328 – Колгостров I, II; 329 – Куткостров; 330 – Мюрюс; 331–332 – Нелгомозеро I, II; 333–335 – Райгуба I–III; 336–338 – Сопоха I–III; 339–343 – Суна I, VI–VIII, Суна XIII; 344–354 – Чёранга I, VI а, VII–XV; 355 – Бесовец I; 356–357 – Деревянное I а, II; 358–361 – Железный ручей I (Ручей I), II (Ручей II), III (Ручей III), IV (Речка); 362–364 – Лососинное I–III; 365 – Машезеро; 366–368 – Пиньгуба I–III; 369 – Розмега; 370–371 – Розмегские Пески I, II; 372–374 – Уя, Уя II, III; 375–410 – Шёлтозеро (1)–(4), I, I а, II, II а, III, III а, IV–XXVI, XXVI а, XXVIII, XXX; 411–415 – Ялгуба I–V; 416–417 – Вигайнаволок I, II; 418–420 – Пески II–IV; 421 – Соломенное за проливом; 422–431 – Соломенное I–III, III а, IV–IX; 432–435 – Камень-Наволок, Камень-Наволок I–III; 436–450 – Киньярви, Киньярви I, I а, II, II а, III, III а, IV, IV а, V–X; 451 – Корбинаволок I; 452–465 – Кудома (2), I, I а, II, II а, III–XI; 466–476 – Кудомозеро I–XI; 477–480 – Кудомозерский I–IV; 481 – Куккойла I; 482–483 – Лакшозеро I, II; 484–496 – Лахта (2), I–XII; 497–512 – Малая Суна I–XVI; 513–516 – Маньга I–IV; 517–520 – Нялма I–IV; 521–523 – Оскарви I–III; 524–526 – Руга I, I а, II а; 527 – Рымбаса; 528 – Салменицы; 529–530 – Салоостров II, III; 531–538 – Синемукса (1), (2), I–VI; 539–555 – Сулгу I–III, III а, III б, III в, III г, IV–V, V а, VI–VII, VIII и VIII а, IX–XII; 556–557 – Сязозеро I, II а; 558–560 – Сязозерский I–III; 561–562 – Сяпса I, II; 563 – Сяргилахта II; 564 – Шотозеро I; 565–573 – Кудамгуба I–III, IV (IX), V–VIII, IX (IV); 574–586 – Чудозеро I–XIII; 587–591 – Юдьярви I–V; 592 – Салмилахти; 593–601 – Укса, Укса 1–3, I–V; 602 – Верховье; 603 – Долгое I; 604 – Питкяручей; 605 – Куканлахти; 606 – Куорейрви; 607 – Лумиваара; 608–609 – Салменлахти I, II.

¹⁵ Приводятся сведения, собранные на основе выборки материалов из каталога об археологических изысканиях, которые проведены Г. А. Панкрушевым.

¹⁶ Приводятся сведения, собранные на основе выборки материалов из каталога об археологических изысканиях, которые проведены Г. А. Панкрушевым.

¹⁷ Панкрушев Г. А. Отчет о работе Онежской археологической экспедиции в Карелии, об археологической разведке на р. Северной Двине в 1963 г. // Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. № 130. 78 л.

¹⁸ Панкрушев Г. А. Отчет о работе Онежско-Водлозерского отряда Карельской археологической экспедиции за 1972 год // Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. № 311. 85 л.

¹⁹ Панкрушев Г. А. Отчет о работе Онежского отряда Карельской археологической экспедиции за 1973 год // Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. № 311. 77 л.

²⁰ Анпилогов А. В. Отчет о работе Мурманской археологической экспедиции за 1969 год (с приложение альбома) // Научный архив МАЭ. Арх. 918. 38 л.

²¹ Панкрушев Г. А., Журавлев А. П. Стоянка Вигайнаволок I // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966. С. 152–172.

²² Подробнее см. [3].

²³ Панкрушев Г. А. Музыка души: Книга стихов. Петрозаводск: ПИН, 2009. 204 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археологические памятники Карелии: Каталог. Петрозаводск: Стандарт, 2007. 200 с.
2. Археология Карелии / Отв. ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочкуркина. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1996. 414 с.
3. Васильева Т. А. Керамика рубежа неолита – энеолита на территории Карелии (первая половина IV тыс. до н. э.). Петрозаводск: Карельский научный центр, 2024. 239 с.
4. Лобанова Н. В. Создатель археологической школы в Карелии // Карельский научный центр РАН: история в лицах / Отв. ред. А. Ф. Титов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2021. С. 274–282.
5. Савватеев Ю. А. Григорий Александрович Панкрушев и археология в Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. 2010. № 4. С. 141–144.
6. Страницы истории Петрозаводского государственного университета, 1940–2000 / Под ред. М. И. Шумилова и И. П. Покровской. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 553 с.
7. Хронология и периодизация археологических памятников Карелии / Науч. ред. С. И. Кочкуркина. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1991. 249 с.

Поступила в редакцию 09.02.2026; принята к публикации 20.04.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Tatiana A. Vasilyeva, Cand. Sc. (History), Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-9951-1024; tatty@list.ru

Aleksandra V. Chebakovskaya, Cand. Sc. (History), Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-5750-956X; chebakovskaja@yandex.ru

GRIGORY ALEKSANDROVICH PANKRUSHEV, ORGANIZER OF ARCHAEOLOGICAL SCIENCE IN KARELIA

Abstract. The article aims to explore the biography and scientific legacy of Grigory Aleksandrovich Pankrushev, whose research had a significant impact on the development of archaeology in the region. By analyzing selected materials from an archaeological survey catalog, the study presents the first-ever mapping of sites discovered and studied by Pankrushev. Over the course of 35 years, he discovered and surveyed a quarter of all known archaeological sites in Karelia, progressing from a junior research fellow in the history department to the head of the archaeology department he founded. Pankrushev's efforts led to the discovery of numerous Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, Bronze Age, and Early Iron Age sites not only in Karelia but also in neighboring regions such as the Arkhangelsk, Vologda, and Leningrad oblasts. His extensive fieldwork contributed to the collections of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, paving the way for further investigations into the region's ancient history. Furthermore, the scientific school established by Pankrushev played a significant role in training new generations of specialists and provided the scientific and methodological foundation for addressing pressing archaeological and historical issues in the region.

Keywords: G. A. Pankrushev, biography, archaeology, scientific legacy, Karelia

Acknowledgements. The article was written as part of the state research project No 124100400230-1 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Vasilyeva, T. A., Chebakovskaya, A. V. Grigory Aleksandrovich Pankrushev, organizer of archaeological science in Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1314

REFERENCES

1. Archaeological monuments of Karelia: Catalogue. Petrozavodsk, 2007. 200 p. (In Russ.)
2. Archaeology of Karelia. (M. G. Kosmenko, S. I. Kochkurkina, Eds.). Petrozavodsk, 1996. 414 p. (In Russ.)
3. Vasilyeva, T. A. Ceramics during the transition from the Neolithic to the Eneolithic in Karelia (first half of the fourth millennium BC). Petrozavodsk, 2024. 239 p. (In Russ.)
4. Lobanova, N. V. The founder of the archaeological school in Karelia. *Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences: faces of history*. (A. F. Titov, Ed.). Petrozavodsk, 2021. P. 274–282. (In Russ.)
5. Savvateev, Yu. A. Grigory Aleksandrovich Pankrushev and archeology in Karelia. *Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2010;4:141–144. (In Russ.)
6. Pages from the History of Petrozavodsk State University, 1940–2000. (M. I. Shumilov, I. P. Pokrovskaya, Eds.). Petrozavodsk, 2005. 553 p. (In Russ.)
7. Chronology and periodization of archaeological monuments of Karelia. (S. I. Kochkurkina, Ed.). Petrozavodsk, 1991. 249 p. (In Russ.)

Received: 9 February 2026; accepted: 20 April 2026; published: 29 May 2026

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПОПОВ

младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Коми научный центр Уральского отделения РАН
(Сыктывкар, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0016-1093; evpopovich@bk.ru

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ КАРМАНОВ

кандидат исторических наук, заведующий сектором, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Коми научный центр Уральского отделения РАН
(Сыктывкар, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5091-501X; vkarman@bk.ru

НАТАЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ЗАРЕЦКАЯ

кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник
Институт географии РАН
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9194-7432; n_zaretskaya@inbox.ru

ПОЙМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ БАССЕЙНА РЕКИ ВЫЧЕГДЫ И ИХ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

А н н о т а ц и я . Впервые публикуются актуальные сведения о 18 памятниках бассейна р. Вычегды, культурные слои которых приурочены к пойме. Цель исследования – оценка познавательных возможностей таких памятников и перспектив их изучения. Актуальность работы обусловлена необходимостью обобщения и систематизации данных о местах обитания на пойме – редких типах памятников в таежной зоне северо-востока Европы. По соотношению различных компонентов речного ландшафта определены основные ситуации расположения пойменных памятников: на гривках и в межгривных понижениях; на участках, примыкающих к надпойменной террасе и напротив нее; на островах. Установлено, что стоянки бассейна р. Вычегды показывают глобальную тенденцию в стремлении людей занять положительные, но не чрезмерно высокие формы рельефа и участки слияния водотоков (река и ручей) или водотока-водоема (ручей и старица). Определена связь артефактов пойменных памятников с близлежащими местами обитания на надпойменных террасах. Это может свидетельствовать о сезонном характере хозяйства или о различных функциональных зонах поселений. Изучение пойменных памятников расширяет наше представление об образе жизни древних и средневековых коллективов, но их информативность в бассейне р. Вычегды ограничена активной боковой эрозией, кратковременностью обитания, минеральным составом культуровмещающих отложений, малочисленностью коллекций. Их познавательные возможности можно повысить дальнейшими раскопками.
Ключевые слова: пойменные памятники, северо-восток Европы, бассейн реки Вычегды, мезолит, неолит, эпоха железа, места обитания

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме научно-исследовательской работы «Выявление, изучение и сохранение археологического наследия северо-востока Русской равнины». Реконструкция истории развития долины р. Вычегды выполнена при финансовой поддержке гранта РФФ 22-17-00259п.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Попов Е. В., Карманов В. Н., Зарецкая Н. Е. Пойменные памятники археологии бассейна реки Вычегды и их познавательные возможности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 18–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1315

ВВЕДЕНИЕ

В результате комплексных исследований в бассейне р. Вычегды было установлено, что большинство памятников археологии приурочено

к песчаным надпойменным террасам, занятым сосновыми борами [2]. Недавно определена высокая роль эоловых процессов в создании рельефа, предпочитаемого древним населением

для мест обитания и упокоения [11], [21]. Однако еще в 1950-х годах были выявлены памятники, культурные остатки которых приурочены к пойменным [2: 10–18, 38–42] и старичным [4: 42–47, 52–55] отложениям. Впоследствии памятники такого типа в исследуемом регионе выявлялись сначала эпизодически, даже случайно, а в XXI веке – целенаправленно. Стало очевидным, что их малочисленность объясняется не только недостаточной археологической изученностью, но и плохой сохранностью сегментов поймы равнинных динамичных рек, особенно ранне- и среднеголоценового возраста [11]. В нашем исследовании обобщены и систематизированы актуальные сведения о выявленных и изученных пойменных памятниках с целью определения их познавательных возможностей.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЙМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ

В истории археологического изучения пойм рек крайнего северо-востока Европы можно выделить три этапа. Первый этап (1959–1984 годы) характеризуется эпизодическими исследованиями выявленных преимущественно случайно пойменных памятников в долинах рек Вычегды [2] и Выми [13], [16], [18]. Г. М. Буров определил два типа памятников региона: боровой и пойменный [3: 31–32]. Наибольшее значение имело открытие в 1984 году Э. С. Логиновой при участии А. В. Волокитина мезолитической стоянки Парч 1, которая вместе с позднее выявленным памятником Парч 2 указала на возможность сохранности остатков столь древних мест обитания в динамичном ландшафте долины р. Вычегды.

Старт раскопок стоянок Парч 1 и 2 открывает второй этап (1985–1999 годы) истории археологического изучения пойм рек региона. Но, к сожалению, содержание данного этапа этим преимущественно и ограничено. Источниковая база по проблеме освоения пойм в древности пополнилась лишь материалами местонахождения раннего неолита Пезмог IV [8].

Третий этап (с 2000 года по настоящее время) характеризуется целенаправленными разведками по поиску пойменных памятников и комплексными археолого-палеогеографическими исследованиями. В этот период были получены первые серии радиоуглеродных дат [5], [19] и реконструированы ландшафтно-топографические ситуации, синхронные древним местам обитания [9], [11], [20]. С 2000 года география поисков пойменных памятников расширилась к северу и уже включала долину р. Ижмы [7]. Полевые

исследования археологов были специально ориентированы на обследование обнажений пойм в прирусловых частях реки, а также на значительном расстоянии от русла, на участках древних сегментов пойм вблизи стариц. Однако изыскания на большинстве из выявленных памятников были ограничены разведочными работами.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ

Сегодня известно о 18 пойменных памятниках бассейна р. Вычегды, среди которых 13 выявлено в самой долине, а остальные на ее притоках – реках Вишере и Выми (рис. 1). На четырех местонахождениях – Жежим, Курьяюр, Усть-Везью и Большелуг – культуровмещающие отложения не выявлены и обнаружены единичные предметы, которые могли быть перенесены ледоходом или перетолжены из разрушенных рекой памятников. Поэтому в дальнейшем их материалы не используются.

Стоянка Кономошня расположена на левом берегу р. Вычегды, на северном берегу старичного озера Кономошня, входящего в систему озер Куимвож, в 1 км от современного русла реки. Занимает участок гривки высотой до 4,5 м над урезом воды в озере.

На южном склоне гривки, обращенном к озеру, в береговой осыпи и в зачистке на пойме шириной 1 м (общая вскрытая площадь около 2 кв. м) найден отщеп из некремнистой породы, обломки двух керамических сосудов и три фрагмента кальцинированных костей. Культурные остатки приурочены к верхней части отложений, слагающих гривку, – слою темно-коричневой супеси с углистыми включениями и пятнами прокала. Глубина залегания культурных остатков от современной дневной поверхности составляет 0,05–0,2 м. Памятник относится к гляденовской культурно-исторической общности (КИО) раннего железного века и датируется III в. до н. э. – V в. н. э. [6: 96, 97]. Всего в 1 км по прямой на надпойменной террасе расположен комплекс памятников – Парчъяг I и II, могильник Парчъяг. На поселении Парчъяг I также выявлены остатки гляденовской КИО [15: 37, 38].

Стоянки Парч 1 и Парч 2 находятся на левом берегу р. Вычегды, в 2,8 км к юго-западу от с. Парч, и приурочены к отложениям высокой поймы. Результаты археологических и комплексных исследований опубликованы, определена принадлежность инвентаря парчевской культуре мезолита [5], [9]. Парч 1 определен как небольшая сезонная стоянка-мастерская. Напротив, на стоянке Парч 2 изучены остатки восьми наземных жилищ типа чумов с кострищами по центру. Находки первой стоянки были приурочены

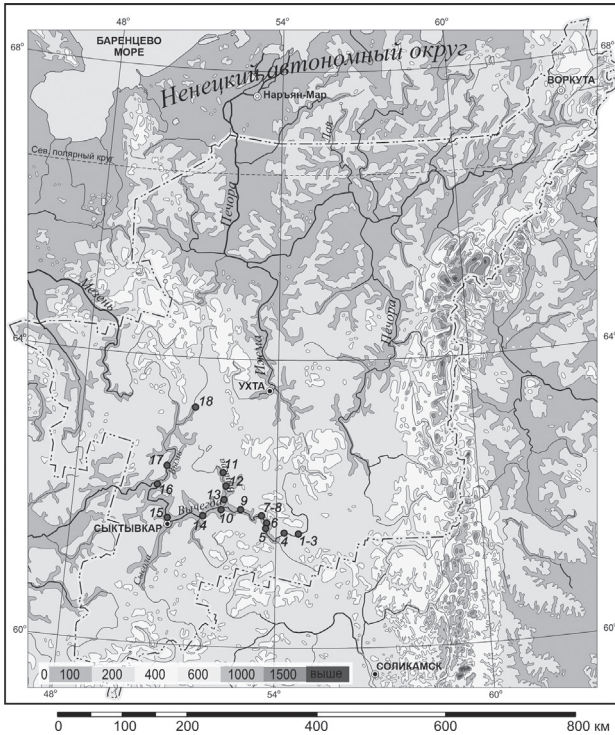

Рис. 1. Пойменные памятники бассейна р. Вычегды:
1 – Кономошня; 2 – Парч 1; 3 – Парч 2; 4 – Жежим;
5 – Куръяур; 6 – Усть-Кулом IV; 7 – Ульяново 2; 8 – Озъяг III;
9 – Подты 8; 10 – Шойнаты VII; 11 – Усть-Везью;
12 – Усть-Нившера; 13 – Большелуг; 14 – Пезмог IV;
15 – Нидзьяс; 16 – Ванвиздино; 17 – Половники II; 18 – Усть-Комыс. Карта составлена Е. В. Поповым и В. Н. Кармановым

Figure. 1. Floodplain sites at the Vychegda River basin:
1 – Konomoshnya; 2 – Parch 1; 3 – Parch 2; 4 – Zhezhim;
5 – Kur'yayur; 6 – Ust-Kulom IV; 7 – Ulyanovo 2; 8 – Oz'yag III;
9 – Podty 8; 10 – Shoinaty VII; 11 – Ust-Vez'yu;
12 – Ust-Nivshera; 13 – Bolshelug; 14 – Pezmog IV; 15 – Nidz'yas; 16 – Vanvizdino; 17 – Polovniki II; 18 – Ust-Komys.
The map was compiled by E. V. Popov and V. N. Karmanov

к пойменному аллювию – темно-коричневому, опесчаненному суглинку с глубиной залегания 0,6–1,0 м от современной поверхности. Остатки жилищ второй стоянки залегали в супесчаных отложениях на глубине около 2 м от современной поверхности, в слоях, переходных от руслового к пойменному аллювию. Такие особенности позволили определить, что стоянка Парч 1 приурочена к гребню гривки в верхней части фации высокой поймы, Парч 2 – к межгривному понижению у подножия гривки, на которой находится первая стоянка [9]. В 500 м к юго-юго-западу от этих памятников находится участок надпойменной террасы, погребенный золовой грядой, на поверхности которой выявлен комплекс памятников с углубленными жилищами энеолита (поселения Вомынъяг I–V) и курганным могильником V–VI веков. Не исключено, что на этом слабо изученном участке может быть обнаружена

синхронная пойменным памятникам «боровая» стоянка мезолита.

Стоянка Усть-Кулом IV расположена на правом берегу р. Вычегды и одновременно правом берегу р. Куломью, левом берегу руч. Паса-шор, в 0,14 км от его устья, 2 км от современного русла р. Вычегды. Памятник занимает пологий участок поймы, примыкающий к подножию надпойменной террасы, на которой расположено поселение Усть-Кулом I высотой до 1,5 м над ручьем. С помощью шурфа (1 x 3 м) В. Н. Карманов изучил фрагмент культурного слоя, погребенного на глубине 0,24–0,34 м от современной дневной поверхности и представляющего собой черную супесь, залегающую в виде тонких линз. Найдены фрагменты семи сосудов, кремневые нуклеидный кусок, пять отщепов и два термических скола, два скребка и нож на отщепах, два отщепа с ретушью. Стоянка атрибутирована как памятник ванвиздинской культуры позднего железного века и датирована второй половиной I тыс. н. э. Поверхность, на которой в позднем железном веке была организована стоянка, периодически затопливалась, и культурный слой был перемыт. Вероятно, здесь к террасе примыкал песчаный пляж, который и был использован для обустройства кратковременной стоянки.

Стоянка Ульяново 2 расположена на правом берегу р. Вычегды, в 0,85 км к западу от с. Ульяново и 0,25 км от современного русла реки. Она занимает участок гривки высотой до 2,6 м над заболоченной поверхностью межгривного понижения или 4,8 м над урезом воды в реке. В зачистке размерами 1,5 x 2 м в слое темно-серой гумусированной супеси, погребенной аллювиальными отложениями, на глубине в среднем 0,2–0,3 м А. В. Волокитиным и В. Н. Кармановым обнаружены 11 фрагментов керамических сосудов, 18 кремневых изделий, среди которых двулезвийный скребок и зубчато-выемчатое орудие. Найдены также расколотые гальки и обломки кальцинированных костей. Предварительно памятник отнесен к концу раннего железного века – раннему Средневековью (I тыс. н. э.) [6]. Ближайший памятник с подобными материалами Озъяг V расположен на правобережной надпойменной террасе в 1,4 км к западу.

Стоянка Озъяг III расположена на правом берегу р. Вычегды и правом берегу руч. Дзёляозг. Занимает участок поймы, примыкающий к подножию надпойменной террасы, на которой расположена стоянка Озъяг II. Культуросодержащий слой памятника был приурочен к отложениям, слагающим низкую пойму, и погребен русловым аллювиумом на уровне 0,3–1,28 м от современной

(на момент раскопок) поверхности. Г. М. Буровым описаны обстоятельства обнаружения памятника и сопутствующий инвентарь. Определены два типа посуды, относящейся к гляденовской КИО (II в. до н. э. – III в. н. э.) и ванвиздинской культуре (вторая половина I тыс. н. э.) [2: 38–42]. Исследователь также отметил, что керамика первого типа имеет явное сходство с таковой стоянки Озьяг II [2: 41].

Поселение Подты 8 расположено на правом берегу р. Вычегды и юго-западном берегу старичного озера. Занимает участок гривки высотой до 3,2 м, ограниченный на северо-западе и юго-востоке ложбинами, на севере – старичным озером. Сам сегмент поймы примыкает к надпойменной террасе, на которой выявлен комплекс памятников IV тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Шурфом размерами 2 x 2 м и зачисткой склона поймы до уреза воды (1 x 7 м) были изучены отложения, содержащие 12 обломков керамических сосудов, четыре кремневых предмета и кованый железный нож. Культурные остатки приурочены к верхам отложений гривки, слою коричневого и красно-коричневого суглинка – остаткам небольшого очага размерами 0,9 x 0,85 м с мощностью слоя до 0,25 м. Глубина залегания находок от современной дневной поверхности варьирует в диапазоне 0,27–0,36 м. Инвентарь стоянки, за исключением железного ножа, относится к ванвиздинской культуре позднего железного века [1: 93]. Вероятно, стоянка представляет собой место кратковременного пребывания раннесредневекового населения на берегу старичного озера, функционировавшее в теплый сезон года во время низкого уровня воды.

Стоянка Шойнаты VII находится на левом берегу р. Вычегды, южном берегу старичного оз. Шойно, в 2,37 км от современного русла реки. Занимает участок пологого склона поймы высотой 3,1 м над урезом воды в озере, заключенный между эоловой грядой на I надпойменной террасе – на востоке, озером – на севере и заболоченной ложбиной – на западе. В шурфе размерами 1 x 1 м В. Н. Карманов выявил гумусированные отложения на глубине 0,16 м от современной поверхности. Культуровмещающий слой залегал в неоднородном коричнево-темно-сером суглинке мощностью до 0,21 м, а также в красноватом суглинке (прокал, следы частично исследованного кострища) – в виде деформированной линзы мощностью до 0,11 м. Он содержал 393 обломка керамической посуды, 109 кремневых изделий, 13 фрагментов кальцинированных костей, два неопределимых железных изделия и металлургические шлаки. Определяет-

ся три этапа использования этого участка поймы: 1) средний неолит, льяловская культура, первая половина V тыс. до н. э. [10]; 2) ранний период эпохи железа, гляденовская КИО; 3) поздний период эпохи железа, ванвиздинская культура. Последние два этапа представлены на ближайших поселениях Шойнаты II и III, расположенных на примыкающей к пойме террасе [12: 66–99]. Свидетельства пребывания в этом месте неолитического населения выявлены впервые, и ближайший памятник этого времени – поселение Вад I – удалено от Шойнаты VII на 1,1 км. Однако керамическая посуда обоих памятников имеет разную орнаментацию [12: 27–33; рис. 6].

Местонахождение Пезмог IV расположено на правом берегу р. Вычегды, занимает участок низкой поймы и погребен аллювием. На западе он ограничен останцом 6-метровой I надпойменной террасы, надстроенной эоловыми покровными песками и дюнами до высоты 10–12 м над урезом реки, на которой была расположена стоянка Пезмог II, разрушенная боковой эрозией реки, на юге – руслом Вычегды. Детальное описание памятника и обстоятельства его обнаружения опубликованы [11], [19]. На изученной площади около 30 кв. м найдены обломки керамического сосуда, фрагмент керамики со следами вторичного использования, куски сланца, оббитый кусок кремня. Культурные остатки зафиксированы на глубине 3,6–3,8 м от современной поверхности поймы и приурочены к оторфованному суглинку. Памятник отнесен к камской неолитической культуре и датируется второй четвертью VI тыс. до н. э. Палеогеографические исследования позволяют интерпретировать материалы как остатки кратковременного места пребывания населения камской неолитической культуры на краю староречья в начале среднего голоцена, в 15–20 м от подрезанного руслом склона террасы. Залегание культуросодержащих отложений в 1 м над межленным урезом указывает на то, что основная активность древних людей имела сезонный характер в теплое время года при низком уровне воды в старице. Анализ находок, найденных на прилегающей надпойменной террасе, показывает, что основная деятельность, вероятно, велась там.

Поселение Нидзьяс находится на юго-западной оконечности острова Нидзьяс, разделяющего основное русло р. Вычегды и протоки Сертполой. Особенность местоположения памятника – наличие на участке высокой поймы реки, занятой приречным сосновым бором с зеленомошной растительностью. Н. Н. Чесноковой изучено

56 кв. м площади, на которой расчищены остатки кострищного пятна с включением углей мощностью до 0,4 м и размерами 2,2 x 0,6–1,7 м, зольное пятно удлинено-овальной формы длиной до 3,5 м. Культурные остатки преимущественно залегают в слое серого подзолистого песка мощностью до 0,2–0,45 м и изученных объектах. Коллекция памятника представлена 35 фрагментами керамических сосудов и тремя кремневыми скребками ванвиздинской культуры позднего железного века [18]. Ближайший памятник этой культуры – поселение Зеленец – располагается на правобережной надпойменной террасе р. Вычегды, в 8 км к северу.

Поселение Ванвиздино расположено на правом берегу р. Вычегды и левом берегу р. Выми. Этот участок постоянно испытывал воздействие русловых и эоловых процессов, осложненных антропогенным и техногенным влиянием. В результате здесь на поверхности поймы сформировались песчаные дюны, занятые угнетенной растительностью и периодически разрушаемые ветром, боковой эрозией рек и современной хозяйственной деятельностью. Основная часть памятника расположена на эоловой гряде, заключенной между сегментами поймы рек Вычегды и Выми. Однако Г. М. Бурову в шурфе (18 кв. м), заложенном на пойме, под слоем стерильного песка (аллювия) мощностью до 0,4 м удалось выявить переотложенный слой, содержащий кремневые предметы, в основном обломки керамической посуды XVI–XIX веков. Нижележащий слой был наиболее выраженным и «темноокрашенным», содержал культурные остатки ванвиздинской культуры позднего железного века [2: 13]. В 1991 году Н. Н. Чесноковой и Ю. В. Бейгун участок поймы изучен на площади 16 кв. м. В слое темной гумусированно-углистой плотной супеси мощностью до 0,24 м выявлены культурные остатки раннего (ананьинская КИО) и позднего (ванвиздинская культура) периодов эпохи железа. Они погребены аллювием мощностью до 0,36 м и представлены 364 фрагментами керамических сосудов и 20 кремневыми предметами. Авторы предположили, что изучена часть постройки ананьинской КИО, на которую могли наложиться остатки более позднего времени¹. Сегодня вопрос о соотношении пойменной части памятника с изученными участками культурного слоя на эоловой гряде остается открытым до проведения раскопок. Правоммерно предположить два варианта: это прибрежный участок комплексов раннего и позднего периодов эпохи железа или разрушенный в результате раз-

мыва культурный слой суходольной части поселения Ванвиздино.

Стоянка Усть-Комыс находится на левом берегу р. Выми, в 100 м ниже от устья р. Комыс. Результаты исследования опубликованы² [16]. Памятник представляет собой остатки разновременных мест обитания, приуроченных к побочно, заключенному ныне между современным руслом р. Выми и низкой поймой. Побочень имеет размеры 150 x 30 м и высоту до 7,5 м над урезом воды в р. Выми или 4 м над низкой поймой. В раскопе площадью 244 кв. м изучено семь слоев, пять из которых содержали культурные остатки [16]. Верхние слои разделены тонкими «промазками» розоватого прокала, в нижних слоях отмечается крупнозернистый песок, перекрытый местами глиняными «промазками»³. На отдельных участках раскопа между культуросодержащими слоями зафиксированы стерильные прослойки. Большинство культурных остатков зафиксированы в оподзоленном песке и желтом, смешанном с белесым, песке на глубине до 0,68 м от дневной поверхности. Единичные находки обнаружены на глубине 0,69–0,99 м в слое суглинка с супесчаными прослойками. Культурные остатки представлены фрагментами не менее чем 80 сосудов и многочисленными кремневыми изделиями. Остров использовался первобытным населением с неолита и неоднократно заселялся в энеолите (IV–III тыс. до н. э.) носителями чойновтинской и чужьяэльской культур после периодических затоплений и, вероятно, пожаров. Место посещалось также в раннем (ананьинская КИО) и позднем (ванвиздинская культура) периодах эпохи железа.

Стоянка Половники II расположена на пологом склоне высокой поймы на правом берегу р. Выми, в 0,7 км к западу от д. Половники. Занимает участок у бечевника с галькой, прилегающий на севере к надпойменной террасе вблизи безымянного ручья. Высота современной поверхности поймы – 4,0–4,5 м от меженного уровня. Материалы памятника, изученного на площади 84 кв. м, опубликованы [13]. Дневная поверхность древней поймы находилась под слоем серого песка (аллювия) с прослойками темно-коричневого суглинка разной протяженности и толщины на глубине до 0,5 м. Ее маркировал слой сцементированного ржавого песка, над которым зафиксированы культурные остатки (мощность залегания 0,01–0,02 м). Памятник представляет собой сезонную стоянку-мастерскую среднего неолита (ляловская культура, первая половина V тыс. до н. э.) по обработке кремня с неполным циклом расщепления у источника

сырья. На противоположной левобережной I надпойменной террасе Л. И. Ашихминой изучалось поселение энеолита – раннего железного века Ягуяр. Возможно, на этой сравнительно слабо изученной большой площади террасы может быть выявлено поселение, синхронное стоянке-мастерской.

Стоянка Усть-Нившера находится на правом берегу р. Вишеры, напротив устья р. Нившеры, выше д. Лунь, на высокой (до 7 м) пойме р. Вишеры. В уступе поймы, разрушающейся в результате боковой эрозии реки, собран подъемный материал и сделана зачистка обнажения шириной 2 м, ориентированная вдоль абразионного уступа поймы. Культурные остатки были приурочены к темно-коричневой супеси с линзой прокала и углистыми прослойками мощностью до 0,22 м, погребенной аллювиальными, впоследствии распаханными отложениями мощностью 0,27 м. Коллекция представлена фрагментами двух керамических сосудов, обломком некремневой плитки-абразива, двумя фрагментами некремневой гальки, изделиями из кремня, в том числе двумя пренуклеусами, пятью пластинами и мелкими отщепами, а также фрагментами кальцинированных костей. Предположительное время бытования памятника – ранний железный век (VIII–III вв. до н. э.).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Освоение пойм в долине р. Вычегды и ее притоков, несомненно, должно было быть в первобытности и Средневековье намного интенсивнее и шире, чем нам удалось выявить. Но активная динамика работы русла рек не позволяет сохранить его свидетельства. Методами палеорусловедения и радиоуглеродной хронологии определено, что, например, 7-я генерация поймы в долине р. Вычегды, синхронная мезолиту и раннему неолиту, сохранилась лишь в виде очень маленьких фрагментов [11: рис. 5, 6], [17: рис. 3]. Это объясняет большее число выявленных памятников эпохи железа.

По геоморфологическим критериям определяются основные ситуации расположения пойменных памятников (рис. 2: 1) на гривке и в межгривном понижении в удалении от надпойменных террас (рис. 2: 1а, 1б); 2) на берегах стариц и в местах слияния водотоков или водоемов в разных комбинациях на пойме, примыкающей к надпойменной песчаной террасе, на которой расположены синхронные и однокультурные поселения (рис. 2: 2а, 2б); 3) на пойменном берегу, противоположном комплексу памятников

на надпойменной террасе (рис. 2: 3); 4) на островах (рис. 2: 4).

Предпочтения отдавались прежде всего возвышенным участкам – гривкам, а также относительно ровным поверхностям участков поймы. Пологие поверхности поймы заняты стоянками неолита (Пезмог IV, Шойнаты VII, Половники II) и эпохи железа (Усть-Кулом IV, Озьяг III, Шойнаты VII). На гривках известны стоянки мезолита (Парч 1) и эпохи железа (Кономошня, Ульяново 2, Ванвиздино). В межгривном понижении установлено местоположение стоянки мезолита Парч 2. В этом аспекте пойменные памятники иллюстрируют глобальную тенденцию в стремлении людей занять положительные, не чрезмерно высокие формы рельефа, особенно в местах слияния двух водотоков (река – ручей) или водотока-водоема (река / ручей – старица).

Очевидно, что использование поймы как места обитания происходило в маловодный период, когда вероятность затопления была низкой. Наблюдения за обстановкой воды в весенне-летний период показывают, что пики многоводности на реках бассейна бывают не каждый год. Длительное время остается затопленной только низкая пойма. Кроме того, пойменные памятники часто приурочены к ближайшей надпойменной «боровой» террасе (на расстоянии от 10 до 150 м) или находятся недалеко от нее. Поэтому предположим, что такая разница в топографии обусловлена различием в сезонности или функциональности стоянок. Наблюдения за сезонными сменами мест обитания / пребывания уже приводились исследователями при описании особенностей Ижмо-Томского георхеологического микрорайона [14: 10–11]. Вероятно, такие процессы были характерны и для бассейна р. Вычегды.

В отличие от рек Сибири, на Вычегде и ее притоках отсутствуют мультислойчатые стратифицированные памятники и все места обитания однократны. Это объясняется высокой динамикой русла р. Вычегды и сравнительно слабой заселенностью региона во все периоды. Исключение составляет стоянка Усть-Комыс, однако сопровождающая документация и публикации не дают четкого представления о ее стратиграфии и планиграфии.

В части характеристики культуровмещающих отложений на всех памятниках, за исключением местонахождения Пезмог IV, представлены минеральные грунты, в которых сохранность следов и остатков не отличается от таковой на песчаных террасах. Это прежде всего кремневые изделия, керамика и обломки

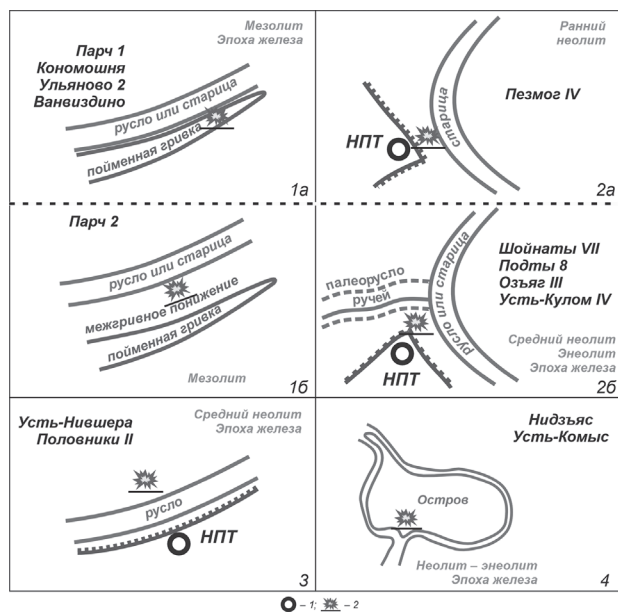

Рис. 2. Пойменные памятники бассейна р. Вычегды: моделирование ситуаций: 1 – археологический памятник на надпойменной террасе (НПТ); 2 – археологический памятник в пойме. Материалы Е. В. Попова и В. Н. Карманова

Figure 2. Floodplain sites at the Vychegda River basin, situational modeling: 1 – archaeological site on the floodplain terrace (FPT); 2 – archaeological site in the floodplain. Materials by E. V. Popov and V. N. Karmanov

кальцинированных костей. Лишь органогенные отложения Пезмога IV дали возможность датировать разные образцы и повысить достоверность определения возраста памятника. Проблемой является и сравнительная малочисленность коллекций, но она может быть решена раскопками на большой площади памятников, пока изученных разведочными шурфами или зачистками. Возможно, в этом случае могут быть выявлены следы и остатки структур, аналогичных таковым на стоянках Парч 2 или Вылыс-Том 2 [20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пойменные памятники бассейна р. Вычегды расширяют наше представление об образе жизни древних коллективов, но их информативность ограничена боковой эрозией, кратковременностью обитания населения в регионе в целом, минеральным составом культуровмещающих отложений, малочисленностью коллекций. Однако опыт изучения стоянок Парч 1, 2, Пезмог IV и Вылыс-Том 2 свидетельствует о том, что эти проблемы могут быть решены дальнейшими целенаправленными разведками и стационарными раскопками на известных и выявляемых памятниках.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Бейгун Ю. В., Чеснокова Н. Н. Отчет о работах на Ванвиздинском поселении в Усть-Вымском районе Коми АССР в 1991 г. Сыктывкар, 1992 // Архив музея археологии Сыктывкарского государственного университета. Ф. 2. Д. 58.
- Семёнов В. А., Несанелене В. Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета): Учеб. пособие. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. 169 с.
- Там же. С. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиев С. Ш., Попов Е. В., Белицкая А. Л. Предварительные итоги археологической разведки 2015 г. в Корткеросском районе Республики Коми // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе: Доклады 18-й науч. конф. Сыктывкар: Геопринт, 2015. С. 91–94.
- Буров Г. М. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. 96 с.
- Буров Г. М. Вычегодский край: Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 197 с.
- Буров Г. М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э.). М.: Наука, 1967. 220 с.
- Волокитин А. В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра УрО РАН, 2006. 126 с.
- Волокитин А. В., Карманов В. Н. Кономошня – новый пойменный памятник на Вычегде // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе: Доклады 5-й студенческой науч. конф. Сыктывкар: Геопринт, 2002. Т. V. С. 94–97.
- Волокитин А. В., Карманов В. Н. Пойменные археологические памятники Европейского Северо-Востока // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы науч. семинара 18–19 нояб. 2001 г., г. Тюмень, Ин-т проблем освоения Севера СО РАН. Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2002. С. 46–52.
- Волокитин А. В., Карманов В. Н., Марченко Т. И., Дурыгина Д. А. Пезмог IV – новый памятник гребенчатого камского неолита на Вычегде // Северное Приуралье в эпоху камня и металла: Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1998. Вып. 15. С. 31–40.
- Волокитин А. В., Панин А. В., Зарецкая Н. Е. Начальное заселение долины Верхней Вычегды в связи с геоморфологическими условиями в позднеледниковье – раннем голоцене: мезолитические стоянки Парч 1 и 2 // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2017. Т. 19. С. 42–57.

10. Карманов В. Н. Неолит Европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Коми НИЦ УрО РАН, 2008. 226 с.
11. Карманов В. Н., Чернов В. А., Зарецкая Н. Е., Панин А. В., Волокитин А. В. Опыт применения данных палеорусловедения в археологии на примере изучения Средней Вычегды (Европейский Северо-Восток России) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2 (54). С. 109–119.
12. Королёв К. С. Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 196 с.
13. Косинская Л. Л. Неолитическая стоянка-мастерская на Выми // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1982. С. 132–144.
14. Мурыгин А. М., Волокитин А. В., Волокитина Н. А., Павлов П. Ю. Особенности заселения средней и нижней Печоры в древности и средневековье (на примере археологических микро-районов) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2022. № 1 (53). С. 7–17. DOI: 10.19110/1994-5655-2022-1-7-17
15. Попов Е. В. Археологические работы в бассейне р. Вычегды // Археологические открытия. 2022 год. М.: Ин-т археологии РАН, 2024. С. 37–40.
16. Семёнов В. А. Раскопки многослойной стоянки Усть-Комыс на реке Вымь Княжпогостского района Коми АССР // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 33–35.
17. Чернов А. В., Зарецкая Н. Е., Панин А. В. Эволюция и динамика верхней и средней Вычегды в голоцене // Известия Русского географического общества. 2015. Т. 147. Вып. 5. С. 27–49.
18. Чеснокова Н. Н. Местонахождение Нидзьяс в районе Сыктывкара // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока: Межвуз. сб. науч. ст. Сыктывкар, 1985. С. 153–156.
19. Karmanov V. N., Zaretskaya N. E., Volokitin A. V. Another way of early pottery distribution in Eastern Europe? Case study of the Pezmog 4 site, European Far Northeast // Radiocarbon. 2014. Vol. 56, № 2. P. 733–741. DOI: 10.2458/56.16952
20. Panin A. V., Volokitin A. V., Volokitina N. A. Evolution of the Izhma River valley (middle Pechora River basin) in the Holocene in the context of its occupation by prehistoric man // Doklady Earth Sciences. 2025. Vol. 525, № 62. DOI: 10.1134/S1028334X25610041
21. Zaretskaya N., Panin A., Utkina A., Baranov D. Aeolian sedimentation in the Vychehda River valley, north-eastern Europe, during MIS 2–1 // Quaternary International. 2024. № 686–687. P. 83–98. DOI: 10.1016/j.quaint.2023.05.022

Поступила в редакцию 26.02.2026; принята к публикации 30.04.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Evgeniy V. Popov, Junior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-0016-1093; evpopovich@bk.ru

Victor N. Karmanov, Cand. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-5091-501X; vkarman@bk.ru

Natalia E. Zaretskaya, Cand. Sc. (Geology and Mineralogy), Leading Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-9194-7432; n_zaretskaya@inbox.ru

FLOODPLAIN SITES OF THE VYCHEGDA RIVER BASIN AND THEIR INFORMATIVE POTENTIAL

Abstract. This article is the first publication of the current data on 18 archaeological sites in the Vychehda River basin, with cultural layers confined to the floodplain. The aim of the study was to assess the informative potential of those sites and the prospects for their study. The importance of this work is due to the need to generalize and systematize data on habitats in the floodplain – rare types of archaeological sites in the taiga zone of northeastern Europe. The main localities of floodplain sites have been identified based upon the rate of various components of the riverine landscape: swales and inter-swale hollows; areas adjacent and opposite to the floodplain terrace; islands. It has been established that the sites in the Vychehda River basin show a global trend in people's wish to occupy positive but not excessively high landforms and areas where streams (river and creek) or streams and basins (river and oxbow lake) converge. There has also been established a connection between artefacts from floodplain sites and nearby habitats on terraces above the floodplain. This may indicate the seasonal nature of the economy or different functional zones within the settlements. The study of floodplain sites broadens our understanding of the lifestyle of ancient and medieval communities, but the informative value of such sites in the Vychehda River basin is limited by lateral erosion, the short duration of habitation

in the region, the mineral composition of the culture-bearing sediments, and the small number of collections. However, their informative potential could be increased by further excavations.

Key words: floodplain sites, northeastern Europe, Vychegda River basin, Mesolithic, Neolithic, Iron Age, habitats

Acknowledgements. The study was conducted as part of the state research assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on the topic “Identification, study, and preservation of the archaeological heritage of the north-east of the Russian Plain”. The reconstruction of the Vychegda River valley paleoenvironmental history was funded by grant No 22-17-00259p of the Russian Science Foundation.

For citation: Popov, E. V., Karmanov, V. N., Zaretskaya, N. E. Floodplain sites of the Vychegda River basin and their informative potential. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):18–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1315

REFERENCES

1. Aliev, S. Sh., Popov, E. V., Belitskaya, A. L. Preliminary results of the 2015 archaeological exploration in the Kortkeros district of the Komi Republic. *Geological and archaeological research in the Timan-Severouralsk region: Proceedings of the 18th scientific conference*. Syktyvkar, 2015. P. 91–94. (In Russ.)
2. Burov, G. M. Archaeological sites of the Vychegda River valley. Syktyvkar, 1967. 96 p. (In Russ.)
3. Burov, G. M. The Vychegda River area. Essays on ancient history. Moscow, 1965. 197 p. (In Russ.)
4. Burov, G. M. Ancient Sindor (from the history of the tribes of the European Northeast in the VII millennium BC – I millennium AD). Moscow, 1967. 220 p. (In Russ.)
5. Volokitin, A. V. Mesolithic sites Parch 1 and 2 on the Vychegda River. Syktyvkar, 2006. 126 p. (In Russ.)
6. Volokitin, A. V., Karmanov, V. N. Konomoshnya – a new floodplain site at the Vychegda River. *Geological and archaeological research in the Timan-Severouralsk region: Proceedings of the 5th student scientific conference*. Syktyvkar, 2002. Vol. 5. P. 94–97. (In Russ.)
7. Volokitin, A. V., Karmanov, V. N. Floodplain archaeological sites of the European Northeast. *Chronology and stratigraphy of Holocene archaeological sites in Western Siberia and adjacent territories: Materials of the scientific seminar (Tyumen, 18–19 November 2001)*. Tyumen, 2002. P. 46–52. (In Russ.)
8. Volokitin, A. V., Karmanov, V. N., Marchenko, T. I., Duryagina, D. A. Pezmog IV – a new site of the comb Neolithic at the Vychegda River. *Northern Urals in the age of stone and metal: Materials on the archaeology of the European Northeast*. Syktyvkar, 1998. Issue 15. P. 31–40. (In Russ.)
9. Volokitin, A. V., Panin, A. V., Zaretskaya, N. E. Initial colonization of the upper Vychegda River valley in the context of geomorphological conditions in the late glacial – early Holocene: Mesolithic sites Parch 1 and 2. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2017;19:42–57. (In Russ.)
10. Karmanov, V. N. Neolithic of the European Northeast. Syktyvkar, 2008. 226 p. (In Russ.)
11. Karmanov, V. N., Chernov, V. A., Zaretskaya, N. E., Panin, A. V., Volokitin, A. V. Paleochannel studies in archaeology: the case of the Vychegda River, northeastern European Russia. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2013;2(54):109–119. (In Russ.)
12. Korolev, K. S. Population of the middle Vychegda in ancient times and the Middle Ages. Ekaterinburg, 1997. 196 p. (In Russ.)
13. Kosinskaya, L. L. Neolithic camp-workshop at the Vym River. *Problems of ethnogenetic studies of the European Northeast: Interuniversity collection of scientific papers*. Syktyvkar, 1982. P. 132–144. (In Russ.)
14. Murygin, A. M., Volokitin, A. V., Volokitina, N. A., Pavlov, P. Yu. Features of settling of the middle and lower Pechora in antiquity and the Middle Ages (using the example of archaeological microregions). *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2022;1(53):7–17. DOI: 10.19110/1994-5655-2022-1-7-17 (In Russ.)
15. Popov, E. V. Archaeological works in the Vychegda River basin. *Archaeological discoveries*. 2022. Moscow, 2024. P. 37–40. (In Russ.)
16. Semenov, V. A. Excavations of the multilayered Ust-Komys site on the Vym River, Knyazhpogostsky District, Komi ASSR. *Archaeological discoveries of the Urals and the Volga region*. Syktyvkar, 1989. P. 33–35. (In Russ.)
17. Chernov, A. V., Zaretskaya, N. E., Panin, A. V. Evolution and dynamics of upper and middle Vychegda in Holocene. *Bulletin of the Russian Geographical Society*. 2015;5(147):27–49. (In Russ.)
18. Chesnokova, N. N. Nidz'yas site in the Syktyvkar region. *Materials on the ethnic history of the European Northeast: Interuniversity collection of scientific articles*. Syktyvkar, 1985. P. 153–156. (In Russ.)
19. Karmanov, V. N., Zaretskaya, N. E., Volokitin, A. V. Another way of early pottery distribution in Eastern Europe? Case study of the Pezmog 4 site, European Far Northeast. *Radiocarbon*. 2014;2(56):733–741. DOI: 10.2458/56.16952
20. Panin, A. V., Volokitin, A. V., Volokitina, N. A. Evolution of the Izhma River valley (middle Pechora River basin) in the Holocene in the context of its occupation by prehistoric man. *Doklady Earth Sciences*. 2025;62(525). DOI: 10.1134/S1028334X25610041
21. Zaretskaya, N., Panin, A., Utkina, A., Baranov, D. Aeolian sedimentation in the Vychegda River valley, north-eastern Europe, during MIS 2–1. *Quaternary International*. 2024;686–687:83–98. DOI: 10.1016/j.quaint.2023.05.022

Received: 26 February 2026; accepted: 30 April 2026; published: 29 May 2026

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ БАРЫШНИКОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени Института истории
Санкт-Петербургский государственный университет
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
vbaryshnikov@mail.ru

ЦЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА ФИНЛЯНДИИ В ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР В 1941 ГОДУ

А н н о т а ц и я . Единственным официальным документом, в котором были публично определены задачи участия Финляндии в войне против СССР, был приказ, отданный 10 июля 1941 года К. Г. Маннергеймом. В этом приказе четко указывалось, что целью войны являлся захват значительных территорий Советского Союза и создание «Великой Финляндии». Отсутствие других официальных утверждений, однако, может быть компенсировано тем, что в ряде случаев представители финляндского руководства в 1941 году на дипломатическом уровне тоже делали весьма похожие с приказом Маннергейма заявления. О них в научно-исследовательской литературе известно мало. Тем не менее неопубликованные документы из архива Внешней политики Финляндии, а также документы Госдепартамента США, которые приводятся в данной статье, указывают на то, что финский президент, а также министр иностранных дел в 1941 году не раз сообщали американским дипломатам об истинных целях участия Финляндии в войне. Финские официальные представители прямо подчеркивали, что задачей Финляндии являлось присоединение значительной территории Советского Союза. Эти заявления полностью подтверждают, что политика Финляндии в 1941 году абсолютно соответствовала тем указаниям, которые Маннергейм давал финской армии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : К. Г. Маннергейм, «Великая Финляндия», финско-американские отношения, финская оккупация Советской Карелии

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02366, <https://rscf.ru/project/25-28-02366/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Барышников В. Н. Цели политического руководства Финляндии в войне против СССР в 1941 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 27–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1318

ВВЕДЕНИЕ

Финляндия, как известно, приняла активное участие в агрессии Германии против СССР в 1941 году. Однако «за все это время для большей части финского народа вопрос о цели войны оставался туманным (здесь и далее перевод наш. – В. Б.)» [13: 60]. Когда началась война, то ее цели финский президент Р. Рюти попытался сформулировать в публичном обращении к населению 26 июня 1941 года. Но он это сделал очень неконкретно. Рюти заявил, что война начинается, «чтобы обеспечить счастливую и мирную жизнь будущим поколениям», указав при этом, что «на этот раз у нас, быть может, лучший шанс на успех, чем когда-либо раньше»¹. В результате реальные цели участия Финлян-

дии в войне приобретали элемент определенной тайны. Финские официальные лица принялись утверждать, что «ни одна из воюющих сторон не может точно заранее заявлять о своих военных целях» [6: 134]. Более того, руководством страны в августе 1941 года в редакции финских газет была передана «просьба», чтобы они «прекратили вообще писать о будущих границах» [9: 227], [10: 130], [13: 67]. Единственное, что тогда могли говорить журналисты, это мысль о том, что Финляндии «для достижения победы в оборонительной войне надо перейти старую границу» [10: 130]. Но конечных целей общего наступления все же не определялось. Главным оставался тезис, что «нам надо вести борьбу

до конца, установив границы, обеспечивающие мир» [10: 133].

Финским дипломатам, работавшим за рубежом, тоже было запрещено открыто высказываться о конкретных военных целях [7: 152]. Кроме того, осенью 1941 года президент Финляндии в интервью американскому журналисту, говоря о перспективах начавшейся войны, заявил, что указание, где пройдет граница, «должно в настоящее время оставаться военной тайной»². В результате реальные цели участия Финляндии в войне открыто не были сформулированы.

* * *

Единственным документом, в котором публично были определены задачи участия Финляндии в войне против СССР на стороне нацистской Германии, можно считать приказ К. Г. Маннергейма 10 июля 1941 года. В нем маршал касался вопроса начала перехода финских войск в наступление [1: 219]. Этот приказ затем был передан по финскому радио и напечатан в газетах [12: 134]. В нем говорилось, что «свобода Карелии и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий»³. Таким образом, Маннергейм четко указал на то, что одной из главных целей начавшейся войны являлся захват значительных территорий Советского Союза и создание «Великой Финляндии». Этот приказ стал важным и ответственным заявлением. Он долго готовился и имел весьма выверенный характер [1: 220]. Более того, Маннергейм полагал, что содержание приказа дает представление о его взглядах «на нашу войну и ее цель». В частной переписке он подчеркнул: «...теперь жребий все же брошен, и в гордой истории Финляндии начался новый период»⁴.

Действительно, как утверждают отдельные финские историки, подготовка приказа потребовала от маршала серьезных раздумий [7: 139–140]. На тщательность его подготовки указывает то, что сохранился даже черновик приказа, свидетельствующий о скрупулезной правке текста, которую выполнил Маннергейм за неделю до официального его обнародования [9: 196]. Сам стиль написания приказа напоминал характер распоряжений, которые Маннергейм отдавал еще в период финской гражданской войны в 1918 году [1: 220], [7: 139], [8: 56]. Но каких-либо конкретных заявлений, подтверждающих стратегический смысл этого приказа, публично ни маршал, ни представители финского руководства уже делать не стали. Маннергейм в частной переписке в июле 1941 года, отмечая значение данно-

го приказа, лишь уточнил, что решительность, которая содержалась в нем, вызвана прежде всего слабостью «нашего правительства», которое не до конца четко формулирует, как он полагал, наступательный характер начавшейся войны⁵.

Более того, в Финляндии сразу же появилось утверждение, что содержание приказа является лишь личным представлением Маннергейма о целях войны, а «президент республики и правительство не были предварительно проинформированы об этом приказе» [13: 66]. В целом, конечно, Маннергейм, как главнокомандующий, явно превысил свои полномочия, определяя конечные задачи всего финского наступления. Он это тоже, вероятно, понимал [7: 145]. Поэтому затем «в частных беседах с президентом и с отдельными членами правительства подчеркивал, что вовсе не стремился в приказе определить “политические цели войны”» [8: 217].

Однако информация об этом приказе стала широко известна и его смысл сейчас уже раскрыт в современной отечественной литературе [1: 219], [4: 262], [5: 208]. Но поскольку подтверждений указанных Маннергеймом целей войны от других официальных государственных деятелей Финляндии публично не последовало, то возникал вопрос, насколько Маннергейм выражал истинное мнение всего финского руководства. Тем не менее представители финляндского руководства в начале войны тоже позволяли себе делать похожие с Маннергеймом заявления. Они не были рассчитаны на широкое освещение, хотя полностью совпадали с содержанием приказа маршала. В этом отношении уникальной является американская дипломатическая переписка 1941 года, которая предстает весьма важным исследовательским источником. Ее анализ позволяет четко определить изначальные цели участия Финляндии в войне, поскольку финское руководство вполне искренне и достаточно откровенно пыталось донести до Соединенных Штатов общее представление о целях участия Финляндии в войне.

Первое, что следует учитывать при анализе этой переписки, это то, что в отношении к Соединенным Штатам у финского руководства существовал явный элемент доверия или даже уверенности, что Америка, несмотря ни на что, находится «на финской стороне». Действительно, в Вашингтоне, как отмечает американский исследователь М. Берри, считали, что «Финляндия являлась единственной страной, воевавшей на стороне Германии, которая пользовалась популярностью на Западе» [6: 127]. И финское руководство это хорошо чувствовало. Поэтому здесь

наблюдалась очевидная попытка соблюдать с американцами откровенный стиль общения и всячески избегать какой-либо официальной критики политики Соединенных Штатов [11: 58]. Это в США ценили и стремились данную особенность финской политики использовать, сохраняя дипломатические отношения с Финляндией вплоть до лета 1944 года. Таким образом, Вашингтон не позволил себе объявить Финляндии войну, как это сделали американцы, например, в отношении всех других сателлитов рейха в Европе, таких как Италия, Венгрия, Болгария, а также Румыния⁶. В целом на основе американских дипломатических документов 1941 года⁷, а также финской дипломатической переписки с Вашингтоном⁸ становятся более понятными реальные стратегические цели, которые Финляндия преследовала в войне. Именно эти документы могут прояснить, насколько приказ Маннергейма 10 июля 1941 года соответствовал представлениям, которые доминировали тогда в финском правительстве.

Таким образом, особо не скрывая конечные цели войны, в Хельсинки пытались скрыть от американцев только проблему тесного сотрудничества Финляндии с Германией. В финском руководстве, конечно, прекрасно представляли американскую позицию в отношении Третьего рейха. Там, естественно, знали о заявлении Вашингтона в начале Великой Отечественной войны:

«...любая защита от гитлеризма, любое объединение сил, противостоящих гитлеризму, откуда бы эти силы ни исходили, ускорит окончательное падение нынешних германских лидеров и, следовательно, будет способствовать нашей (США. – В. Б.) обороне и безопасности» [11: 57].

Поэтому, скрывая свою открытую «дружбу» с нацистами, в Финляндии подчеркивали лишь свою особую ненависть к Советскому Союзу. Для Хельсинки являлось крайне важным представить совместную с рейхом агрессию против СССР как некую «обособленную» от Германии войну против русских и таким образом показать, что Финляндия собирается «вести борьбу, имея в виду свои собственные интересы, совершенно не идентичные интересам, которые преследуются Германией»⁹. В итоге, когда 26 июня 1941 года Финляндия официально объявила войну СССР, из финской столицы американцам четко сообщили, что «правительство Финляндии находится в состоянии войны вместе с Германией», но при этом подчеркнули, что начавшаяся война финской армией ведется «исключительно только против России»¹⁰. И это оказалось для американцев тогда вполне достаточным аргу-

ментом. Из Вашингтона финнов успокоили тем, что в отношении Финляндии политика США будет осуществляться, «следуя ходу событий»¹¹. Президент Р. Рюти даже выразил американскому посланнику «признательность за понимание, проявленное к Финляндии со стороны Соединенных Штатов»¹². Более того, 2 июля 1941 года, развивая финско-американский диалог, в Хельсинки посчитали возможным сообщить, что в Финляндии видят, «как правительство, так и народ Соединенных Штатов по-прежнему проявляют глубочайший интерес к народу Финляндии и сочувствуют его борьбе за независимость и свободу»¹³. Таким образом, финское руководство пыталось изобразить, что начавшаяся агрессия является лишь продолжением оборонительных боев Зимней войны. Это, как надеялись в Хельсинки, вполне сможет позволить сохранить прежние хорошие отношения с Америкой. И, как оказалось, это вполне удовлетворяло США.

Тем не менее у американцев не могли не возникнуть определенные вопросы к финскому руководству. Они как раз касались выявления реальных целей участия Финляндии в начавшейся войне. Для Америки довольно быстро стало очевидным, что финские задачи участия в войне явно не соответствовали заявленному стремлению Финляндии просто вернуть утраченные ранее финские территории. По мере развития событий на фронте в США стали четко понимать, что «некоторые недавние действия финского правительства, по-видимому, выходят за рамки, необходимые исключительно для защиты чисто финских интересов». Более того, там пришли к выводу, что «финские ресурсы могут на неопределенный срок стать подчиненными целям Германии за пределами Финляндии»¹⁴. Эти наблюдения американских дипломатов далее стали подтверждаться уже конфиденциальными заявлениями самих представителей финского руководства. В частности, президент Р. Рюти 4 июля 1941 года достаточно откровенно намекнул американскому дипломатическому представителю в Хельсинки Р. Шёнфельду, что все будет решаться не в плоскости международных отношений, а лишь на линии фронта. Он конкретно указал, как это было сообщено в Вашингтон, что «после падения Ленинграда, в котором он (Рюти. – В. Б.) был уверен, Финляндия в относительно короткие сроки вернет утраченные карельские территории». Более того, Рюти высказал свое «личное мнение», что «был бы склонен провести границу несколько западнее, чем до войны 1939–1940 годов»¹⁵. Таким образом, еще до приказа маршала Маннергейма, уже в самом начале

июля 1941 года, финский президент раскрыл американцам суть агрессивных замыслов участия Финляндии в войне против СССР в 1941 году. Когда же о приказе Маннергейма стало известно, то Р. Шёнфельд немедленно сообщил в Вашингтон, что этот приказ «четко выражает территориальные притязания Финляндии на ту часть Карелии, которая принадлежала Советскому Союзу до начала советско-финской войны 1939–1940 годов»¹⁶. Это уже явно выходило за рамки военных целей, объявленных президентом Рюти в его радиообращении 26 июня 1941 года.

Однако и тогда финское руководство постаралось представить американцам приказ Маннергейма как личное дело маршала. Министр иностранных дел Р. Виттинг 12 июля сообщил Р. Шёнфельду, что Маннергейм отдал этот приказ, «не ставя в известность политические власти», что он был направлен лишь на то, чтобы «в первую очередь воодушевить армию», и что «в настоящее время нет никаких намерений присоединять территорию» Советской Карелии¹⁷. Все эти заверения традиционно сопровождалось утверждением, что в действительности министр иностранных дел «может говорить со мной более свободно, чем с другими дипломатическими представителями, поскольку знает, что мы понимаем деликатность положения Финляндии»¹⁸.

Однако американские дипломаты все же продолжали фиксировать то, что «финские войска значительно превышают пределы, которые были бы допустимы для простой защиты истинных границ»¹⁹. В США стали понимать, что «независимо от того, насколько оправданна нынешняя позиция Финляндии, факт остается фактом: она объединила свои силы с Германией»²⁰. В Вашингтоне уже отлично представляли, что все «недавние военные операции Финляндии оказывают бесконечно ценную военную помощь нацистской мировой агрессии, но не способствуют собственной будущей безопасности Финляндии»²¹. Показательно, что данные заключения становились очевидными не только американским дипломатам. Даже в финском парламенте в то время стали открыто указывать на существующую для Финляндии опасность, которая была связана с ее участием в агрессивной войне. Один из депутатов прямо заявил председателю комиссии по иностранным делам В. Войонмаа: «Финляндия возьмет Карелию, а Германия заберет Финляндию»²².

Финляндия, таким образом, начала самую настоящую агрессивную войну в союзе с Германией, и это становилось все более и более понят-

ным. Ее цели полностью соответствовали неофициальному заявлению Р. Рюти, которое он сделал американцам 4 июля 1941 года. Реальное положение на фронте и агрессивные действия финских войск были настолько очевидными, что 1 августа Великобритания разорвала с Финляндией дипломатические отношения. Однако Америка этому примеру не последовала, объясняя это стремлением продолжать дипломатическое влияние на финляндское руководство²³. И эта перспектива действительно тогда для Вашингтона обозначилась. 4 августа 1941 года И. В. Сталин направил президенту США Ф. Рузвельту письмо. В нем говорилось, что «СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии». В письме говорилось, что «Советское Правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор»²⁴. 18 августа американцы передали советские предложение в Хельсинки²⁵. В результате на данном историческом этапе дипломаты США уже получили возможность четко определить цели участия Финляндии в войне против СССР и таким образом понять, насколько мнение Маннергейма соответствует реальным замыслам всего финского руководства. Теперь уже явно открылась прекрасная возможность узнать, «как долго и до какого предела Финляндия намерена продолжать боевые действия...»²⁶. Для Вашингтона было бы вполне достаточным, если бы в Хельсинки официально объявили, что финская армия «не устремится дальше границ 39-го года»²⁷. Об этом довольно четко писала американская печать. В частности, газета «Нью-Йорк Таймс» открыто указывала на то, что, как только Финляндия вернет себе утраченные территории, «логика и здравый смысл будут диктовать немедленное заключение сепаратного мира с Москвой» [6: 127]. Эту перспективу для Финляндии в Вашингтоне от финских дипломатов не скрывали, прямо подчеркивая, что были бы «очень рады, если бы Финляндия смогла восстановить свои прежние границы и на этом остановилась» [6: 129].

Но, естественно, в Хельсинки не собирались публично откреститься от отданного Маннергеймом приказа о переходе финской армии в наступление. Поэтому давать ответ на обращение США Финляндия не собиралась [6: 126]. Из Финляндии американцам просто «не дали прямого ответа»²⁸. В условиях, когда финская армия уже подходила к прежним границам и ожидался штурм

Ленинграда, в финском руководстве мира никто не искал. Как заметил по этому поводу американский исследователь М. Берри, тогда «каждый финн, даже с самыми ограниченными способностями мыслить, понимал, что добрые услуги, предлагаемые США, в то время были бы бесполезны» [6: 127]. В финском руководстве явно существовало единое мнение, «почти все верили в быстрое сокрушение России» [13: 64]. Действительно, президент Р. Рюти в узком кругу достаточно откровенно заявил, что «если Германия победит и Советский Союз распадется, то Восточная (Советская. – В. Б.) Карелия – наша» [9: 51]. Эта же мысль легла в основу подготовленных финскими исследователями и изданных достаточно массовыми тиражами на немецком языке двух книг. Данные книги имели весьма выразительные названия – «Жизненное пространство Финляндии» и «Финский Восточный вопрос»²⁹. Причем полемика в отношении содержания этих книг в финской печати была запрещена [13: 68].

В целом единственная проблема, которая тогда заботила финских дипломатов в их отношениях с США, заключалась в том, чтобы выяснить, насколько американское обращение к финскому руководству в отношении мира отражает интересы самих Соединенных Штатов. Они явно хотели разобраться, являлось ли предложение о мире «инициативой России или же это было изобретением США»³⁰. Для Хельсинки идеальным было бы предположение, что в действиях американских дипломатов проявлялась лишь «честная обеспокоенность США за нашу (финскую. – В. Б.) судьбу»³¹. Более того, считалось, что США «в действительности не проявляют желания, чтобы Финляндия вышла из войны до того, как прояснится ее окончательный конец» [13: 65]. Таким образом, реакция финского руководства на американскую инициативу четко указывала на то, что возвращение утраченных в годы Зимней войны территорий не являлось главной задачей участия Финляндии в войне. И в Вашингтоне это хорошо почувствовали. Там стали ясно понимать, что в Хельсинки просто «не выражают желания путем переговоров изучить возможность мирного урегулирования»³².

Естественно, подобные заключения не требовали особенно серьезной аналитической работы. Как по этому поводу отметил финский исследователь А. Руси, «убедить западные державы в том, что ведется оборонительная и обособленная война, становилось все труднее» [10: 166]. Более того, финское руководство стремилось оставаться с американцами, как и прежде,

предельно откровенным. Финскому посланнику в Вашингтоне дали указание прямо заявить, что «относительно мира у нас сейчас нет оснований и нет причины определять нашу позицию в войне»³³. Таким образом, американцы почувствовали, что у финских дипломатов отказ от посреднической миссии США никаких опасений не вызывал. В США фиксировали, что финны «ни о чем не проявляли абсолютно никакого беспокойства, кроме повторений своей враждебности к России» и, более того, даже пытались «демонстрировать неспособность Соединенных Штатов осознать большевистскую опасность, угрожавшую Финляндии и всему миру» [6: 132].

В это время Р. Рюти прямо указывал представителям США, что считает «почти нелепым утверждение, что Финляндия своей войной (с СССР. – В. Б.) угрожает безопасности Америки»³⁴. Более того, в Хельсинки могли себе даже тогда позволить выражать в отношении американцев свои собственные претензии. Их явно раздражали и нервировали начавшиеся мирные инициативы, исходившие от Америки. Как считали в финских дипломатических кругах, эти действия лишь свидетельствуют о «намерениях Соединенных Штатов “терроризировать” Финляндию, чтобы заставить ее заключить мир с Советским Союзом»³⁵. Американские предложения стали расцениваться так, что теперь для Финляндии со стороны США «наступила эра давления»³⁶. Поэтому финский посланник в Вашингтоне Я. Й. Проккопе сообщил госсекретарю К. Хэллу, что его страна воюет не на стороне Германии, а сражается «за достижение своих целей, которые означают борьбу за свободу и безопасность»³⁷. Столь заносчивое заявление было сделано, вероятно, с учетом того, что К. Хэлл пытался представить себя в качестве «старого друга Финляндии и твердого сторонника ее независимости» [6: 129]. В целом, по мнению американского историка М. Берри, подобные

«заявления финских официальных лиц, очевидно, были частью усилий по убеждению Госдепартамента в отсутствии необходимости оказывать давление на Финляндию с целью заключения сепаратного мира» [6: 132].

В сентябре 1941 года финские войска пересекли старую государственную границу с СССР. Это никак не подтверждали официальные финские декларации, хотя в продолжающихся встречах с американскими дипломатами тема вынужденности участия Финляндии в войне против Советского Союза упорно сохранялась. Так, министр иностранных дел Р. Виттинг явно пы-

тался изображать Финляндию перед США в качестве «жертвы» начавшейся войны. Он заявил, что «борьба Финляндии за свою безопасность в условиях войны определяется стратегическими основами»³⁸. Но при этом Виттинг добавил к сказанному показательную фразу. Финский министр иностранных дел честно заявил американскому посланнику, что в 1939 году именно «Гитлер спровоцировал нападение СССР на Финляндию». Далее он пояснил: «Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не внесли никакого существенного вклада в оборону Финляндии», поскольку его страна тогда «почти не получила помощи от Великобритании или Соединенных Штатов»³⁹. Этим заявлением Виттинг явно стремился оправдать агрессивный характер финско-германского альянса, поскольку скрывать его становилось практически невозможно.

Что же касается целей участия Финляндии в войне, то они для американских дипломатов продолжали становиться все более очевидными. Они уже ясно понимали, что цели Финляндии, вне всякого сомнения, тесно переплетаются с задачами Третьего рейха [6: 144–145]. Поэтому, как доносили в Вашингтон, в Финляндии, «искренне веря в чудеса, мечтают о безоговорочной победе, достаточной для устранения России»⁴⁰.

В целом в Хельсинки искренне надеялись, что американцы их понимают и тоже считают Советский Союз своим потенциальным противником. Поэтому, как полагали в финском руководстве, США должны просто учитывать, что для Финляндии «в настоящих условиях нет возможности думать о сепаратном мире». В Хельсинки продолжали верить, что «официально Соединенные Штаты симпатизируют Финляндии», что они «чистосердечно» хотят предостеречь финское руководство «от той опасности, которая может повлиять на судьбу Финляндии»⁴¹. В результате им неизменно повторяли, что «Финляндия... не связана никакими политическими обязательствами перед немцами»⁴².

Таким образом, в финской столице постоянно стремились подчеркивать американцам свое особое положение. Финский президент даже позволил себе 25 октября 1941 года заносчиво указать посланнику США, что «Финляндия не является вассалом ни Соединенных Штатов, ни Великобритании, ни Германии и проводит исключительно собственную политику»⁴³. А на деле, как записал в своем дневнике Р. Рюти, он заявил американскому дипломату: «Мы не жертвуем кровью финнов за какое-либо иностранное государство, а ведем свою борьбу за свою собственную жизнь и нашу независи-

мость»⁴⁴. Однако он, как сообщили в Госдепартамент, пояснил, на что собственно в Хельсинки тогда надеялись. Финский президент произнес фразу, которую, безусловно, можно было расценивать как «нечаянное» откровение. Он фактически очертил перед американским дипломатом конкретные цели участия Финляндии в войне. Р. Рюти заявил: «С ожидаемым падением Ленинграда ситуация на финском фронте значительно прояснится». Далее добавил, что «это произойдет в течение нескольких недель»⁴⁵. Показательно, что эту же мысль чуть раньше выразил американцам и финский посланник в Вашингтоне Я. Й. Прокопе. Он также указал, что «Петербург является важнейшей из баз агрессии Советского Союза» против Финляндии. Более того, Прокопе заявил, что вообще «для западных государств было бы выгодно, если бы территории, находящиеся за восточной границей (Финляндии. – В. Б.), находились бы у Финляндии»⁴⁶. Действительно, как указывают отдельные финские историки, общей «сущностью финско-немецкого сотрудничества в начальной стадии войны был вопрос о взятии Ленинграда», и об этом иногда проговаривались [10: 144].

То, что Ленинград будет взят, сомнений в Финляндии не возникало. Об этом свидетельствует факт заранее заготовленного выступления по радио, в котором должна была прозвучать информация о взятии Ленинграда. В так и не произнесенной речи патетически указывалось: «Пала впервые в своей истории некогда столь великолепная российская столица, находящаяся вблизи от наших границ. Это известие, как и ожидалось, подняло дух каждого финна». Далее без всяких эмоций делалось утверждение: «Для нас, финнов, Петербург действительно принес зло. Он являлся памятником создания русского государства, его завоевательных стремлений» (цит. по: [3: 127]). Все это, конечно, подводило к мысли о «ненужности» существования для Финляндии этого города.

Естественно, о заготовленной заранее речи по финскому радио американцы не знали, но уже тогда финское руководство четко обозначило США свои цели и задачи участия их страны в войне. Им было вполне ясно показано, что Финляндия собирается не только возвратить земли, потерянные в ходе Зимней войны, но и присоединить новые территории, и в стране даже мечтают с помощью немецких войск уничтожить Ленинград. Более того, в Хельсинки явно давали понять, что момент возможного заключения мирного договора с СССР несвоевременен и там «во все не хотят заключать сепаратный мир»⁴⁷. Лю-

бопытным, однако, являлось то, что все беседы о Ленинграде с американцами проходили тогда, когда на ближних подступах к городу фронт стабилизировался и войска переходили к ведению сугубо позиционной войны.

Прогноз Р. Рюти о ближайшем взятии Ленинграда оказался, естественно, неверным. Взять город так и не удалось. Но для США стало уже предельно понятно, что «нет никакой надежды на то, что Финляндия откажется от территорий, отвоеванных у Советского Союза, или она изменит свою политику» [6: 141]. Более того, в подтверждение этого вывода, несмотря на очевидный срыв плана «Барбаросса», 11 ноября 1941 года в Хельсинки официально сообщили Соединенным Штатам свою окончательную на тот момент позицию. Было объявлено о невозможности достижения мира Финляндией. Финское руководство объяснило это тем, что страна продолжает «стремиться обезвредить и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года» (цит. по: [2: 282])⁴⁸. Это официальное заявление полностью раскрывало фактические цели участия Финляндии в войне против СССР совместно с нацистской Германией. Причем то, что тогда сообщили американцам, было уже, как отмечают исследователи, хорошо «известно Госдепартаменту» [6: 145]. К тому же, усиливая свою позицию в отношении определения военных целей войны, финские дипломаты также указали на то, что у них «нет никаких тайн»⁴⁹ от Америки, что ясно показывало полностью определившуюся позицию относительно тех задач, которые преследовало финское руководство в начавшейся войне и которые абсолютно соответствовали мнению Маннергейма.

Однако данные события не оказали влияния на политику США относительно Финляндии. Как отметил американский исследователь А. Шварц, «чиновники Госдепартамента не видели причин отвечать на финскую ноту от 11 ноября» [11: 72]. Далее историк уточнил, что в Вашингтоне решили просто «отказаться от чрезмерного настраивания Финляндии против себя» [11: 75]. Действительно, в США продолжало существовать представление, что «из-за дружественных отношений, которые всегда связывали нас с Финляндией, мы по-прежнему воздерживаемся от окончательных выводов о нынешней политике финского правительства»⁵⁰.

Основной вывод, к которому пришел американский посланник после получения официального заявления финнов об отказе начать мирные переговоры, был весьма показательным. Он по-

считал, что само изменение в финской политике случится, лишь «когда произойдет перелом в ходе войны». В своем докладе в Госдепартамент американский дипломат вполне резонно уточнил, что эта финская политика будет продолжаться, «пока страдания финского народа не усугубятся и пока последствия сотрудничества с немцами не станут более очевидными»⁵¹. В целом стало уже хорошо понятно, что

«многие финские лидеры ожидали, что немецкий “новый порядок” будет доминировать в послевоенной Европе, и верили, что Финляндия сможет каким-то образом приспособиться к новому режиму» [6: 149].

Осенью 1941 года американцам, таким образом, полностью были раскрыты основные цели участия Финляндии в войне. Для Вашингтона стало предельно понятно, что «финское правительство решило поставить все на окончательную победу Германии»⁵². Это мнение, собственно, и прозвучало 28 ноября на пресс-конференции госсекретаря К. Хэлла. Он тогда отметил, что «каждый шаг финского правительства... подтверждал опасения, что оно полностью сотрудничает с гитлеровскими войсками»⁵³. Но на большее, чем это жесткое дипломатическое заключение, в США так и не решались, хотя имели уже неоспоримые свидетельства того, что Р. Рюти «предпочел бы опасность, связанную с господством Германии на континенте», чем мир с СССР⁵⁴.

ВЫВОДЫ

В результате финское руководство как своими заявлениями американцам, так и действиями вооруженных сил четко обозначило основные цели участия Финляндии в войне. Эти цели заключались не только в возвращении утраченных в результате поражения в Зимней войне территорий, но и захвате новых. Более того, речь шла о перспективе захвата второго по величине и значимости города Советского Союза – Ленинграда. Решение всех этих масштабных задач целиком связывалось с победой Германии и перспективой уничтожения соседнего с Финляндией государства. При этом в Хельсинки явно рассчитывали на возможность получения определенной дипломатической поддержки США.

Таким образом, цели участия Финляндии в войне, которые изложил Маннергейм в своем приказе о начале наступления, полностью подтверждались дальнейшими заявлениями американским дипломатам от лица финского президента и министра иностранных дел, и это была вполне официальная государственная политика.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Suomen sinivalkoinen kirja. Osa II. Helsinki, 1941. S. 138.
- ² “Käymme omaa erillistä sotaamme”. Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. Helsinki, 2006. S. 150.
- ³ Цит. по: По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995. С. 70.
- ⁴ Цит. по: Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб., 2022. С. 328–329.
- ⁵ Там же. С. 328.
- ⁶ См.: Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1942. Europe. Vol. II. Washington, 1962. P. 63.
- ⁷ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. Washington, 1959.
- ⁸ Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 12 L (Yhdysvallat); 110 A 3 с.; 110 B 1; 110 G; 5 C 8 и др.
- ⁹ UM. 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähköet. Raportti Washingtonista, 30.6.1941.
- ¹⁰ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. P. 44.
- ¹¹ UM. 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähköet. Raportti Washingtonista, 3.07.1941.
- ¹² Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 46.
- ¹³ Ibid. P. 44.
- ¹⁴ Ibid. P. 45.
- ¹⁵ Ibid. P. 47; См. также: “Käymme omaa erillistä sotaamme”. Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. S. 117.
- ¹⁶ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 49.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Ibid. P. 74–75.
- ²⁰ Ibid. P. 73.
- ²¹ Ibid. P. 85.
- ²² Цит. по: Voionmaa V. Kuriiripostia 1941–1946. Helsinki, 1971. S. 48.
- ²³ См.: Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. III. Washington, 1963. P. 267.
- ²⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1986. С. 5; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 98.
- ²⁵ UM. 110. A 3 с. Prokopén tiedotus Wittingelle, 19.08.1941; 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähköet. Raportti Washingtonista, 19.08.1941.
- ²⁶ Ibid. 110 B 1. Jälkikaikunja erikoisrauhanhuhuista; Ibid. Jälkikaikunja erikoisrauhanhuhuista; Ibid. 12 L. Washingtonin-löhetystön raportti, 26.09.1941; Ibid. 110. A 3 с Musetamia Yhdysvaltain suhtautumista Itä-Karjalan kysymykseen ja Suomen sotaan syksyllä 1941 koskevia reunamuistutuksia (Prokopé).
- ²⁷ Ibid. 110 B 1. Sähkö Suomesta, 09.10.1941: Ankara, Berlin, Bern, Budapest, Copenhagen, Madrid, Vichy, Rome, Stockholm, Tokio, Washington. См. также: Ibidem. Jälkikaikuja erikoisrauhanhuhuista.
- ²⁸ UM. 110 G. Jatkoa puheenjohtajan laatimaan esitysluonnokseen. 17.05.1945. V. Niskanen.
- ²⁹ Auer V., Jutikkala E. Filmlands Lebensraum. Berlin, 1941; Jaakkola J. Die Ostfrage Finnlands. Porvoo, 1941.
- ³⁰ UM. 110. A 3 с. Prokopén tiedotus Wittingelle, 19.08.1941.
- ³¹ Ibid. 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähköet. Raportti Washingtonista, 20.08.1941.
- ³² Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 88–89.
- ³³ UM. 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähköet. 31.08.1941.
- ³⁴ “Käymme omaa erillistä sotaamme”. Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. S. 149.
- ³⁵ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 102.
- ³⁶ UM. 5 C 8. Kuinka Yhdysvallat joutuivat mukaan sotaan; Niiden Venäjän – politiikan vaikutus amerikkalais-suomalaisiin suhteisiin (Washington, 17.8.1942).
- ³⁷ Ibid. 110 B 1. Jälkikaikuja erikoisrauhanhuhuista.
- ³⁸ UM. 110 B 1. Jälkikaikuja erikoisrauhanhuhuista.
- ³⁹ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 73.
- ⁴⁰ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1942. P. 68. Также в Вашингтон сообщалось: «Что-то казалось слишком уж идеальным в этой мечте о том, что немцы победят русских, а потом сами будут повержены, и Финляндия останется невредимой, ее торговый долг будет списан, рынки сбыта – открыты, восточная граница – защищена, а ее обычное положение – как всегда – незыблемо» (Ibid. P. 81).
- ⁴¹ UM. 110 B 1. Jälkikaikuja erikoisrauhanhuhuista.
- ⁴² Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1942. P. 111.

- ⁴³ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 83.
- ⁴⁴ “Käymme omaa erillistä sotaamme”. Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. S. 143.
- ⁴⁵ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 84.
- ⁴⁶ UM. 110 B 1. Jälkikaikuja erikoisrauhanhuhuista; Ibid. 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähkeet. Raportti Washingtonista, 26.09.1941.
- ⁴⁷ UM. 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähkeet. 08.09.1941.
- ⁴⁸ См. полный текст заявления: Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 91–98.
- ⁴⁹ UM. 110. A 3 с Musetamia Yhdysvaltain suhtautumista Itä-Karjalan kysymykseen ja Suomen sotaan syksyllä 1941 koskevia reunamuistutuksia (Prokopé).
- ⁵⁰ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 89.
- ⁵¹ Ibid. P. 99.
- ⁵² Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1942. Europe. Vol. II. P. 38.
- ⁵³ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 107.
- ⁵⁴ Ibid. P. 54.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышников В. Н. Маннергейм и Советский Союз. М.: Кучково поле, 2021. 384 с.
2. Барышников Н. И. К вопросу о «стратегических границах» Финляндии // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границ. СПб.: Европейский дом, 1999. С. 281–293.
3. Барышников Н. И. Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб.: Наука, 2010. 410 с.
4. Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 334 с.
5. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 539 с.
6. Berry R. M. American foreign policy and the Finnish exception. Ideological preference and wartime realities. Helsinki: SHS, 1987. 492 p.
7. Jägerskiöld S. Suomen marsalkka. Gustaf Mannerheim 1941–1944. Helsinki: Otava, 1981. 560 s.
8. Lehmus K. Tunteaton Mannerheim. Helsinki: Weilin + Göös, 1967. 243 s.
9. Manninen O. Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. Helsinki: Kirjayhtymä, 1980. 328 s.
10. Rusi A. Lehdistöensuuri jatkosodassa. Helsinki: Suomen historiallinen seura 118, 1982. 394 s.
11. Schwartz A. J. America and the Russo-Finnish War. Washington: Public Affairs Press, 1960. 103 p.
12. Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo; Helsinki; Juva: Werner Söderstrom Osakeyhtiö, 1984. 268 s.
13. Vilkuna K. Sanan valvonta: sensuuri 1939–1944. Helsinki: Otava, 1962. 188 s.

Поступила в редакцию 12.03.2026; принята к публикации 30.04.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Vladimir N. Baryshnikov, Dr. Sc. (History), Professor, Saint Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky (St. Petersburg, Russian Federation)
vbaryshnikov@mail.ru

AIMS OF FINLAND'S POLITICAL LEADERSHIP IN THE WAR AGAINST THE USSR IN 1941

Abstract. Carl Gustav Mannerheim's order of July 10, 1941, was the only public statement outlining specific objectives for Finland's participation in the war against the USSR alongside Nazi Germany. In this order, Mannerheim explicitly stated that the aims of the war included seizing extensive Soviet territories and creating a Greater Finland. Although no other official statements were issued publicly, representatives of the Finnish leadership made similar remarks on several occasions at the diplomatic level in 1941. These remarks have received little attention in the scholarly literature. Nevertheless, unpublished documents from the Finnish Foreign Policy Archives, as well as U.S. State Department records cited in this article, reveal that both the Finnish president and the minister of foreign affairs repeatedly briefed American diplomats in 1941 on the true objectives of Finland's participation in the war. These officials explicitly emphasized that Finland aimed to seize substantial Soviet territory. These statements confirm that Finnish policy in 1941 was entirely consistent with the instructions Mannerheim had issued to the Finnish army.

Key words: Carl Mannerheim, Greater Finland, Finnish-American relations, Finnish occupation of Soviet Karelia
Acknowledgements. The study was funded by the Russian Science Foundation grant No 25-28-02366 allocated to Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky (<https://rscf.ru/project/25-28-02366/>).
For citation: Baryshnikov, V. N. Aims of Finland's political leadership in the war against the USSR in 1941. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):27–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1318

REFERENCES

1. Baryshnikov, V. N. Mannerheim and the Soviet Union. Moscow, 2021. 384 p. (In Russ.)
2. Baryshnikov, N. I. Revisiting the issue of Finland's "strategic borders". *Russia and Finland in the XVIII–XX centuries. Specifics of borders*. St. Petersburg, 1999. P. 281–293. (In Russ.)
3. Baryshnikov, N. I. Finland: From the wartime history of 1939–1944. St. Petersburg, 2010. 410 p. (In Russ.)
4. Baryshnikov, N. I., Baryshnikov, V. N., Fedorov, V. G. Finland in World War II. Leningrad, 1989. 334 p. (In Russ.)
5. Verigin, S. G. Karelia during the years of war ordeals. Political and socio-economic situation in Soviet Karelia during World War II, 1939–1945. Petrozavodsk, 2009. 539 p. (In Russ.)
6. Berry, R. M. American foreign policy and the Finnish exception. Ideological preference and wartime realities. Helsinki, 1987. 492 p.
7. Jägerskiöld, S. Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. Helsinki, 1981. 560 s.
8. Lehmus, K. Tunteaton Mannerheim. Helsinki, 1967. 243 s.
9. Manninen, O. Suur-Suomen ääriiivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. Helsinki, 1980. 328 s.
10. Rusi, A. Lehdistöensuuri jatkosodassa. Helsinki, 1982. 394 s.
11. Schwartz, A. J. America and the Russo-Finnish War. Washington, 1960. 103 p.
12. Seppälä, H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo; Helsinki; Juva, 1984. 268 s.
13. Vilkuna, K. Sanan valvonta: sensuuri 1939–1944. Helsinki, 1962. 188 s.

Received: 12 March 2026; accepted: 30 April 2026; published: 29 May 2026

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗОТОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

(Арзамас, Российская Федерация)

ORCID 0009-0003-5878-8152; istagpi@mail.ru

БРИТАНСКАЯ ТЕМАТИКА НА СТРАНИЦАХ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО ИЗДАНИЯ (1866–1869)

А н н о т а ц и я . Рассматриваются публикации британоведческого содержания на страницах отечественного либерального журнала «Вестник Европы» в начальный период его издания, определяется их значение для развития англоведения в России во второй половине 1860-х годов. Обозначенный период становления известного российского журнала совпал по времени с зарождением научного исследования истории и культуры Великобритании. Сотрудники журнала знакомили читающую публику с различными аспектами жизни в этой стране, публиковали статьи о ее политическом и социальном развитии, отражали развитие исторической науки и политической мысли на Британских островах. Многие авторы обозначенных материалов остаются неизвестными. Ключевую роль в определении направленности деятельности коллектива «Вестника Европы» играли его основатель, главный редактор Михаил Матвеевич Стасюлевич и член редакции, ученый-литературовед Александр Николаевич Пыпин. Оба признаются современными специалистами одними из первых профессиональных англоведов в России. Несмотря на наличие в «Вестнике» критических оценок некоторых сторон жизни Британии (в частности, ирландского вопроса), российскому обществу представлялся в целом положительный образ этой ведущей западноевропейской страны.

К л ю ч е в ы е с л о в а : «Вестник Европы», Великобритания, вторая половина 1860-х годов, российское англоведение, М. М. Стасюлевич, А. Н. Пыпин

Д л я ц и т и р о в а н и я : Зотов С. А. Британская тематика на страницах «Вестника Европы» в первые годы его издания (1866–1869) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 37–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1319

ВВЕДЕНИЕ

Содержание российского либерального «толстого» журнала «Вестник Европы» (1866–1918) остается предметом исследования со стороны современных отечественных специалистов [2], [8], [13]. Опубликованные в 1866–1869 годах на его страницах материалы, освещавшие различные сферы жизнедеятельности Великобритании, представляют научный интерес с точки зрения вклада российского издания в формирование профессионального англоведения в Российской империи во второй половине 1860-х годов. В эти годы, совпавшие по времени с модернизационными процессами в России, обращение к истории, политике, экономике, культуре этой западноевропейской страны «диктовалось желанием глубже понять ее социальный опыт, с одной стороны, осознать особенности страны – поли-

тической соперницы, с другой» [14: 23]. Обозначенная тема не рассматривалась в качестве отдельного предмета изучения в обширной отечественной историографии средневикторианского периода британской истории, попытаемся восполнить эту лауну.

Нижняя хронологическая граница исследования объясняется выходом в свет первых номеров журнала в 1866 году (разрешение от Министерства внутренних дел на его издание было выдано 30 ноября (12 декабря) 1865 года). Верхняя граница определена тем обстоятельством, что с 1870 года внимание современников переключилось на внешнеполитические сюжеты в связи с Франко-прусской войной 1870–1871 годов, что отразилось на содержании журнальных статей. Отметим также в обосновании хронологических рамок, что первые годы существования журнала пришлись на период, когда в России

появилась возможность для «научного изучения истории, экономики и политики Англии» [14: 61].

Журнал выходил в 1866–1867 годах ежеквартально, четыре книги в год. В конце 1867 года редакционная коллегия объявила читателям о переходе с января 1868 года на ежемесячный режим выхода журнала с сохранением его содержания «прежнего, по преимуществу исторического характера»¹. Кроме внешних изменений (увеличение количества номеров с четырех до двенадцати в год, введение сплошной пагинации внутри томов, расширение объема каждого выпуска с 40 до 60 печатных листов) произошло приобретение нового качества – из научного он превратился в общественно-политический [7: 24].

ОБЪЕМ И АВТОРСТВО СТАТЕЙ О БРИТАНИИ

В рассматриваемый период на страницах «Вестника Европы» преобладали публикации о России и художественные произведения известных российских и европейских писателей и поэтов. Материалы, посвященные зарубежным странам, составляли в среднем от 17–21 % в 1866–1867 годах до 23–25 % в 1868–1869 годах от общего объема журнальных номеров.

Британская тематика не сразу приобрела системный и регулярный характер. Всего по ней за первые четыре года издания журнала было опубликовано восемь объемных статей (одна в 1867 году, по две в 1867 и 1868 годах, три в 1869 году). Для сравнения: за тот же период увидели свет 17 статей, посвященных Франции, 15 – Пруссии и другим германским государствам, 6 – Западной Европе в целом, 5 – Италии. Тем самым интересующая нас тематика несколько уступала по объему публикациям, посвященным Франции или Германии, но она, на наш взгляд, ярко обозначила умеренно либеральную направленность российского журнала.

Кроме статей нами рассматривались связанные с темой исследования разделы журнала, в которых размещались ежеквартальные (с 1868 года ежемесячные) политические обзоры, историографические заметки, рецензии на книжные новинки.

Представители авторского коллектива, публиковавшие в 1866–1869 годах интересующие нас материалы, остаются в большинстве неизвестными. Они подписывались псевдонимом или криптонимом. Имена авторов оказались не раскрытыми даже в первом библиографическом описании публикаций в «Вестнике Европы» за 1866–1890 годы². Те сотрудники журнала, которые обозначали свое авторство, были связаны с британской тематикой непосредственно.

Основатель и главный редактор журнала Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911) в звании доцента Санкт-Петербургского Императорского

университета по кафедре всеобщей истории командировался «с учеными целями» за границу в 1856–1858 годах³, во время научной стажировки в европейских университетах посещал Великобританию, а после возвращения в Россию, получив звание экстраординарного профессора, читал студентам Петербургского университета в 1859/60 учебном году специальный курс по истории английского парламента [14: 63]. В качестве главного редактора Стасюлевич рецензировал большинство публиковавшихся материалов, его фамилия стояла на последней странице каждого номера «Вестника Европы». Как автор он печатался с первых выпусков журнала и под своим именем, и под различными псевдонимами и криптонимами, ему принадлежали «политические обзоры, хроникальные заметки, рецензии» [7: 65].

Следует также отметить одного из авторитетнейших членов редакции журнала, коллегу Стасюлевича по столичному университету (который оба покинули в ноябре 1861 года) Александра Николаевича Пыпина (1833–1904). Он проходил научную заграничную стажировку «для приготовления к профессорскому званию» в качестве магистра русской словесности Петербургского университета в 1858–1860 годах⁴, посещал Лондон в мае 1858 и 1859 годов [12: 31]. Крупнейший ученый-литературовед А. Н. Пыпин готовил в рассматриваемый период издания произведений выдающихся британцев – публициста В. Лекки (1838–1903) и философа И. Бентама (1748–1832) – на русском языке [14: 66]. На страницах «Вестника Европы», с которым он начал сотрудничать в качестве автора и члена редакции с момента основания [12: 66–67], были опубликованы его статьи по связям И. Бентама с Россией. М. М. Стасюлевича и А. Н. Пыпина, по мнению белорусской исследовательницы И. Р. Чикаловой, совместно с рядом других российских ученых «можно считать первыми профессиональными англоведами в России» [14: 91].

Не претендуя на охват всех публикаций британоведческого характера в 32 номерах «Вестника Европы» за 1866–1869 годы, отметим, что несколько материалов оставлены за пределами нашего рассмотрения в силу их академического, узко научного содержания. К этой группе относятся: две статьи за 1867 год (о деятельности князя Антиоха Кантемира в Лондоне в XVIII веке и теоретических подходах к образованию на Британских островах), одна публикация 1868 года (о выходе в свет неоконченной при жизни работы Г. Т. Бокля, посвященной Реформации в Англии), три статьи за 1869 год (о дискуссии в Англии вокруг классических языков, об английском радикале 1830-годов Тома-

се Дэнкомбе, о влиянии творчества И. Бенгтама на Россию времен Александра I). Нами проанализированы те публикации, которые носили актуальный для эпохи реформ Александра II характер в процессе поиска российским обществом перспектив модернизации России. Эта часть журнальных статей и материалов условно поделена на несколько тематических блоков.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА 1866–1867 ГОДОВ

Первый и достаточно объемный (в пятьдесят страниц) материал, касавшийся британской тематики, был помещен в третьем (сентябрьском) выпуске «Вестника Европы» за 1866 год в разделе «Иностранное обозрение». Анонимная статья, подписанная криптонимом «W.», посвящалась важнейшему пункту внутривнутриполитической повестки средневикторианской Британии – второй за XIX век парламентской реформе 1866–1867 годов.

Читателю сообщалось о предыстории этого вопроса на протяжении 1830–1860-х годов. В ходе анализа «знаменитой» парламентской реформы 1832 года (над ее изучением работает рязанский историк М. В. Жолудов [5]), требований «более радикальной реформы» со стороны чартистов, содержания «целого ряда реформистских проектов» 1852, 1854, 1859, 1860 годов освещались перипетии сложной политической борьбы в британском парламенте и всплески политической активности населения. К середине 1860-х годов «реформистское движение в английской нации еще более усилилось»: этому способствовали речи У. Гладстона в Палате общин в 1864 году, «избирательные манифесты» (в частности, «известного» Дж. Ст. Милля) в ходе парламентских выборов 1865 года, наконец, смерть в том же году лидера правящих вигов лорда Пальмерстона, который считался «главным препятствием, стоявшим на пути ко всякой реформе»⁵.

На страницах журнала с определением характеристик британских политиков (в современном англоведении это направление активно развивается [4], [9]), со знанием тонкостей парламентских процедур излагалась хронология событий, связанных с прохождением в Палате общин либерального, «Гладстоновского» проекта парламентской реформы с марта по июнь 1866 года. Русское издание привело все необходимые детали проекта (статистические данные по суммам налогов, проценты голосующих в городах и графствах) и сделало вывод об увеличении числа избирателей. Однако три четверти взрослого мужского населения оставались вне «всякого прямого влияния на представительство страны». Наблюдалась активизация общественного движения в пользу расширения реформы. В частности,

в июле – августе 1866 года по стране прокатилась волна массовых митингов «рабочих и других сторонников реформы» в поддержку требований «всеобщей подачи голосов и тайной баллотировки», за которые активно агитировал один из лидеров радикальной партии Дж. Брайт. Констатировалось, что борьба за парламентскую реформу приобрела «характер более страстный и резкий». Первыми ее последствиями должны были стать «удаление» консервативного правительства Б. Дизраэли, от которого «невозможно ожидать удовлетворительного разрешения вопроса о реформе», и возвращение к власти либерального кабинета во главе с У. Гладстоном. Как известно (сошлемся на крупнейшего специалиста по этой теме О. А. Науменкова [11: 51–81]), этот прогноз российских публицистов не оправдался, именно консерваторы реализовали парламентскую реформу в 1867 году. Однако предположение о том, что сторонники реформы «вряд ли» могли удовлетвориться «умеренным» проектом британских либералов⁶, оказалось абсолютно верным.

Продолжения анализа завершающего этапа парламентской реформы 1866–1867 годов не последовало. В «Вестнике» имелись лишь отрывочные комментарии по ходу ее реализации.

ИРЛАНДСКИЙ ВОПРОС

«Вестник Европы» в выпусках конца 1860-х годов знакомил российского читателя с другой острой для Великобритании проблемой – ирландским вопросом. Значительный (в тридцать страниц) материал относительно Ирландии на страницах «Вестника» появился в апрельском номере за 1868 год под названием «Ирландия перед судом общественного мнения в Англии». Анонимная статья, подписанная псевдонимом «Л. П.», принадлежала, по одной версии, народнику П. Л. Лаврову (1824–1900) [7: 68], согласно другой – публицисту, сотруднику журнала Л. А. Полонскому (1833–1913) [14: 82]. Статья начиналась с тезиса, который поддерживали все партии страны, о том, что ирландский вопрос являлся «главным вопросом настоящего часа». Наблюдателя из России интересовали «самые причины неудовольствия Ирландии и те средства, которые предлагались политическими людьми Англии для устранения или сдерживания этого неудовольствия». Констатировалось, что в ходе «семисотлетнего подчинения», «протестантской» колонизации со стороны англичан в Ирландии установилось «инородческое и иноверческое землевладение», «большинство населения лишено было всех прав в пользу пришельцев». В результате «в руки меньшинства, враждебного туземной нации <...> перешла вся

действительная власть в этой стране, и все законы, которые вводились в Ирландии, вводились исключительно в пользу этого меньшинства». Религиозный вопрос оказался самым показательным в сложившейся, несмотря на эмансипацию к середине XIX века католиков, ситуации: «Протестантской церкви дано было господство; местное население обложено было десятиною в пользу чуждого и враждебного ему духовенства <...>»; «протестанты – хозяева страны, ввели целый ряд законов» против «местной веры»; «католиков заботливо отстраняют от важных должностей»; «протестанты в Ирландии составляют осьмую часть населения, и в их пользу обращены все духовные имущества страны»⁷. Российскому читателю были представлены конкретные проекты решения ирландского вопроса, которые выдвигали консервативные и либеральные политики. Различия носили принципиальный характер. Консерваторы отвергали принцип «представления Ирландии самой себе – Ireland for the Irish», рассматривали его как отделение от государства. Либералы понимали его по-другому, как отказ «от мысли об эксплуатации Ирландии в пользу Англии или <...> одних ирландских протестантов», но их мнения разделялись, «как далеко следует идти в этом направлении». В конце статьи сообщалось, что либеральная партия «решительно» склонялась в пользу уступок Ирландии, а консервативная не решалась им оказывать «безусловное сопротивление»⁸.

В течение 1869 года сотрудники «Вестника Европы» продолжили следить за обсуждением ирландского вопроса в британском парламенте, в частности, неоднократно комментировался законопроект У. Гладстона относительно ликвидации в Ирландии господствующего положения англиканской церкви.

В мартовском номере отмечалось, что «славной задачей» нового состава парламента (после победы либеральной партии на выборах в 1868 году) станет проведение «капитальной» реформы, направленной на уничтожение «вековой, вопиющей несправедливости, позорившей имя свободной Англии – угнетения Ирландии». Лидер либералов заявил о намерениях «внести единство чувств и интересов» среди жителей Британских островов, «чтобы никто из граждан не вспомнил, что он шотландец, англичанин или ирландец, когда дело коснется общего интереса отечества». Проведение «самых либеральных реформ» погасит «недоброе чувство» Ирландии по отношению к Англии, когда ирландцы убедятся, что Англия отказалась «от религиозной нетерпимости» и «привилегированного положения» среди «трех королевств (так в тексте. – С. З.)» Великобритании. «Вестник Европы» выразил уверенность,

что Гладстон был способен решить эту задачу как «искренний, честный <...> решительный и передовой человек»⁹.

В апрельском номере российское издание снова назвало ирландский вопрос ключевым для Британии, утверждало, что внимание всей страны «поглощено разрешением великого внутреннего вопроса – уничтожением государственной церкви в Ирландии». Высоко оценивалось выступление Гладстона в парламенте 1 марта, в котором он «с удивительной ясностью, простотой» изложил свой план примирения Ирландии «с ее давнишним врагом». Билль Гладстона (без сообщения каких-либо его деталей) характеризовался либеральным изданием из России как «первый решительный шаг» к отделению церкви от государства, как событие общеевропейского значения¹⁰.

В июльском выпуске «Вестника» сообщалось, что билль об уничтожении государственной церкви в Ирландии, вотированный в нижней палате парламента «громادным» большинством, был внесен в Палату лордов. Часть «этого хранилища консерватизма» заявила о «самом непреклонном сопротивлении» биллю. Но под давлением общественного мнения, печати, члена кабинета Дж. Брайта билль прошел через чтения в верхней палате парламента большинством голосов. В конце краткого обзора содержался оптимистичный прогноз относительно успешного решения ирландского вопроса: в течение короткого срока («еще какой-нибудь месяц») страна «будет окончательно избавлена от страшного зла и не менее страшной несправедливости»¹¹. Однако столь радужным ожиданиям не суждено было сбыться, ирландский вопрос для Британии остается злободневным по сей день [3].

НАУКА И ПУБЛИЦИСТИКА

На страницах «Вестника Европы» в рубрике «Литературная хроника», которая не имела обозначения авторства, размещались рецензии на выходившие в Великобритании монографии историков и публикуемые на русском языке труды британских мыслителей. В мартовском номере за 1867 год читающей российской публике был представлен краткий обзор новых, изданных в Лондоне в 1865–1866 годах, исторических работ, посвященных европейским странам различных эпох. Среди представительного перечня рецензируемых монографий выделим те, которые содержали сведения о России (из полутора десятка исследований три книги включали материалы о нашей стране). В адрес их авторов российский критик, подписавшийся криптонимом «W. W.», сделал ряд серьезных замечаний: изложение российской истории имело «значительные ошибки»;

ряду российских городов и регионов «довольно не посчастливилось», их описание опиралось на необъективные политизированные источники; несмотря на «капитальные сочинения» о России «знаменитых» европейских историков, при оценке конкретных сюжетов и государственных деятелей цитировалась «раздражительная журнальная статейка», полная «бездоказательных суждений»¹². Очевидно, коллектив «Вестника Европы» под руководством М. М. Стасюлевича подметил в то время одну из распространенных в британском обществе тенденций, заключающуюся в негативном восприятии России. Эта тема нашла отражение в исследованиях современного англоведа, главного научного сотрудника Института всеобщей истории РАН Т. Л. Лабутиной [10].

Рецензии «Вестника Европы» на издававшиеся в России труды выдающихся британских ученых отличались исключительно положительным характером. В небольшой рецензии, подписанной псевдонимом «А-въ К.» и опубликованной в декабрьском номере журнала за 1867 год, на увидевшие свет в том же году «Избранные сочинения Иеремии Бентама» на русском языке отмечалась актуальность этого издания для России в условиях проведения судебной реформы. Подчеркивалось несколько аспектов книги: «оригинальность и сила мысли» британского философа, соединенные «с простотой и общедоступностью изложения», а также заслуга переводчиков, «оставшихся верными оригиналу и вместе с тем сумевших сохранить его самобытную ясность». В конце данной рецензии российской публике было дано обещание: в следующих книгах «Вестника Европы» представить не «беглую библиографическую заметку» о сочинениях британца, а «подробный разбор» его трудов¹³. Анонсированное обещание было выполнено А. Н. Пыпиным в двух обширных, упомянутых выше статьях под общим названием «Русские отношения Бентама» в февральском и апрельском выпусках журнала за 1869 год (подробный анализ данной темы представлен в статье современного англоведа, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН М. П. Айзенштат [1]). Выделим здесь лишь то значение, которое придавал Пыпин творчеству Бентама для современной ему России:

«Идеи о гласном управлении и законодательстве, о правах общественного мнения и самостоятельной деятельности общества указывались Бентамом как неизбежная потребность: она почувствовалась опять в наше время...»¹⁴.

Рецензии на прижизненные русские издания сочинений одного из самых известных викторианцев Джона Стюарта Милля (1806–1873) (творчество которого по-прежнему изучается

в России [15]) появились на страницах «Вестника Европы» в 1869 году. Первая увидела свет в августовском номере за этот год и была посвящена публикации переводов двух трудов «великого английского мыслителя» об утилитаризме и свободе. В самом начале автор рецензии, подписавшийся псевдонимом «А. С-в.», отметил непростую судьбу этой книги: перевод, осуществленный А. Н. Неведомским, был напечатан в 1866 году, «но не был дозволен к выпуску». (В скобках отметим, что похожая участь постигла первое русское издание трехтомного труда другого знаменитого современника-викторианца – Томаса Карлейля (1795–1881) – о Французской революции; по сведениям Н. И. Кареева, первый из трех томов переведенной книги был напечатан в 1866 году, но весь тираж был изъят из продажи, а продолжение было запрещено [6: 103].) Объединение в русском, ставшем доступным для публики в 1869 году переводе двух отдельно изданных в Британии сочинений Милля было поддержано и высоко оценено. Оба труда имели «между собою глубокую внутреннюю связь»:

«Если принцип утилитаризма требует общего счастья, то счастье достижимо наивозможно широким развитием человечества, а это развитие немислимо без свободы»¹⁵.

Вторая рецензия, опубликованная в октябрьском выпуске «Вестника Европы», касалась двух русских переводов, вышедших в том же 1869 году, сочинения Милля о правах женщин. Автор этого материала, подписавшийся псевдонимом «А. С.», подчеркнул тезис, который отсутствовал у переводчиков Г. Е. Благосветлова и Н. Михайлова в предисловии к своим изданиям. Не единожды рецензентом формулировалась мысль о более высоком социальном положении русской женщины по сравнению с западноевропейской, о чем не ведал британский публицист. В целом давалась высокая оценка Миллю: он «обнимал женский вопрос со всех сторон, повсюду внося яркий и спокойный свет, логику и разум». Выражалась уверенность, что книга в России могла иметь «большой успех» в силу ее актуальности, в частности по вопросу о высшем женском образовании¹⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, оценивая разные стороны британской действительности, которые освещались во второй половине 1860-х годов на страницах русского журнала «Вестник Европы», можно констатировать их разнообразие, а также высокую компетентность российских наблюдателей. Сотрудники отечественного печатного органа либеральной направленности анализировали ход и тенденции внутривнутриполитического развития Великобритании, отмечали

острые для общества этой страны социальные проблемы, актуализировали для российской читающей публики достижения политической и философской мысли выдающихся британцев, знакомили общественность и профессиональное сообщество с результатами научных поисков историков и публицистов с Британских островов. Часть из освещавшихся российскими журналистами сюжетов носила отрывочный характер,

без должного внимания на тот момент остались вопросы, связанные с внешней политикой и мировым экономическим лидерством Британии. В то же время многие проблемы британской жизни, охарактеризованные представителями авторского коллектива «Вестника Европы» в условиях пореформенной России, остаются в центре внимания современных российских специалистов-англоведов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ [Б. а.] От редакции // Вестник Европы. 1867. Кн. 4. С. V.
- ² Каталог журнала «Вестник Европы» за двадцать пять лет. 1866–1890 гг. С алфавитным указателем имен авторов / Ред. М. М. Стасюлевич. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. С. 6–7, 11, 13, 18–19 и др.
- ³ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (С.-Петербург). Ф. 708 (Архив Н. П. Собко). Ед. хр. 927. Л. 5–7.
- ⁴ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (С.-Петербург). Ф. 708 (Архив Н. П. Собко). Ед. хр. 905. Л. 1–2.
- ⁵ [W.] О парламентской реформе в Англии 1866 года // Вестник Европы. 1867. Кн. 3. С. 139.
- ⁶ [W.] О парламентской реформе в Англии 1866 года // Вестник Европы. 1867. Кн. 3. С. 164, 168.
- ⁷ [Л. П.] Ирландия перед судом общественного мнения в Англии // Вестник Европы. 1868. Кн. 4. С. 873, 877.
- ⁸ [Л. П.] Ирландия перед судом общественного мнения в Англии // Вестник Европы. 1868. Кн. 4. С. 886, 901.
- ⁹ [Б. а.] Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1869. Кн. 3. С. 453–454.
- ¹⁰ [Б. а.] Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1869. Кн. 4. С. 955.
- ¹¹ [Б. а.] Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1869. Кн. 7. С. 402–403.
- ¹² [W. W.] Английская литература // Вестник Европы. 1867. Кн. 1. С. 92–93, 97.
- ¹³ [А-въ К.] Русский перевод избранных сочинений Иеремии Бентама // Вестник Европы. 1867. Кн. 4. С. 35–36.
- ¹⁴ Пыпин А. Н. Русские отношения Бентама // Вестник Европы. 1869. Кн. 4. С. 788.
- ¹⁵ [А. С-въ.] Джон Стюарт Милль. Утилитарианизм. О свободе. СПб., 1866–1869 // Вестник Европы. 1869. Кн. 8. С. 915–916.
- ¹⁶ [А. С.] О подчинении женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. СПб., 1869. Подчиненность женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. СПб., 1869 // Вестник Европы. 1869. Кн. 10. С. 952, 959–960.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзенштат М. П. Рецепция философии утилитаризма в России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 12 (86). DOI: 10.18254/S207987840008150-4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840008150-4-1/> (дата обращения 25.01.2026).
2. Артемьева Е. В. Вопрос о женском образовании в публицистике «Вестника Европы» (1866–1918) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86). С. 18–21.
3. Батяев Р. А. Актуализация ирландского вопроса в контексте брексита // Контентус. 2022. № 6 (119). С. 3–9. DOI: 10.24411/2658-6932-2022-6-3-9
4. Гелла Т. Н., Максимова Д. С. Джозеф Чемберлен и ирландский вопрос в 80-х годах XIX века // Новейшие исследования в области истории и педагогики: Материалы III Междунар. науч. конф., Орел, 13 апреля 2023 года. Орел: Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2023. С. 246–259.
5. Жолудов М. В. Партийно-политическая система Великобритании накануне парламентской реформы 1832 года // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2025. Т. 6, № 3. С. 3–14. DOI: 10.53549/27132374_2025_6_3_1
6. Кареев Н. И. Томас Карлейль. Его жизнь, его личность, его произведения, его идеи. Петроград: Брокгауз-Ефрон, 1923. 167 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://djvu.online/file/vabPQb90EZ5VK> (дата обращения 03.01.2026).
7. Кельнер В. Е. Человек своего времени (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 1993. 316 с.
8. Китаев В. А. «Вестник Европы» в полемике с Ф. М. Достоевским (1880–1881 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 38–48.
9. Клочков В. В. Сэр Роберт Пиль (1788–1850) в британской историографической ретроспективе и в восприятии современников // Британские исследования. 2022. № 7. С. 172–207. DOI: 10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.016
10. Лабутина Т. Л. Зарождение русофобии в Великобритании (XVI–XVIII вв.) // Запад и Россия: история противостоения / Отв. ред. Т. Л. Лабутина. СПб.: Алетейя, 2023. С. 173–198.
11. Науменков О. А. Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах. СПб.: Нева, 2004. 364 с.
12. Озерянский А. С. Александр Николаевич Пыпин (к биографии ученого) // А. Н. Пыпин. Материалы к биографии / Сост. А. С. Озерянский, Е. В. Степанов. Саратов: Амирит, 2017. С. 4–94.
13. Хасанов Р. Р. Трансформация образа внешней политики Австро-Венгрии в журнале «Вестник Европы» (1867–1914) // Magistra Vitae. 2020. № 1. С. 42–54. DOI: 10.24411/2542-0275-2020-0105

14. Чикалова И. Р. Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX вв.). СПб.: Алетей, 2017. 576 с.
15. Шелыхманова Д. А. Утилитаризм Иереми Бентама и Джона Стюарта Милля – этическая теория, основанная на максимизации счастья // Новая наука: проблемы и перспективы. 2025. № 6. С. 155–161.

Поступила в редакцию 27.01.2026; принята к публикации 06.04.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Sergei A. Zotov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Arzamas Branch of N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas, Russian Federation)
ORCID 0009-0003-5878-8152; istagpi@mail.ru

BRITAIN-THEMED PUBLICATIONS IN *VESTNIK EVROPY* DURING ITS EARLY YEARS (1866–1869)

Abstract. The article examines Britain-themed publications featured in the early issues of a famous Russian liberal journal *Vestnik Evropy* and assesses their significance for the development of English studies in Russia during the second half of the 1860s. This period of the journal's formation coincided with the emergence of scholarly research on the history and culture of Great Britain in Russia. The magazine's contributors introduced readers to various aspects of British life, published articles about its political and social development, and reflected the progress of historical science and political thought across the British Isles. Many of the authors responsible for these contributions remain unknown to us. The key role in shaping the focus of *Vestnik Evropy* and its writing team was played by its founder and editor-in-chief, Mikhail Matveyevich Stasyulevich, as well as by Alexander Nikolaevich Pypin, a member of the editorial board and a literary critic. Both are recognized by modern scholars as among the first Russian specialists professionally engaged in English studies. Despite including critical assessments of certain aspects of British life (particularly, the Irish question), *Vestnik Evropy* generally portrayed Great Britain, a leading Western European country, in a positive light to Russian readers.

Keywords: *Vestnik Evropy*, Great Britain, second half of the 1860s, Russian English studies, M. M. Stasyulevich, A. N. Pypin

For citation: Zotov, S. A. Britain-themed publications in *Vestnik Evropy* during its early years (1866–1869). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):37–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1319

REFERENCES

1. Ayzenshtat, M. P. Russian's perceive of utilitarian philosophy. *Istoriya*. 2019;10(12). DOI: 10.18254/S207987840008150-4. Available at: <https://history.jes.su/s207987840008150-4-1> (accessed 25.01.2026). (In Russ.)
2. Artem'eva, E. V. The problem of women's education in the publicistic articles of "Vestnik Evropy" ("Herald of Europe") (1866–1918). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2017;12(86):18–21. (In Russ.)
3. Batyayev, R. A. Actualization of Irish question in the context of Brexit. *Kontentus*. 2022;6:3–9. DOI: 10.24411/2658-6932-2022-6-3-9 (In Russ.)
4. Gella, T. N., Maksimova, D. S. Joseph Chamberlain and the Irish question in the 1880s. *The Latest historical and pedagogical research: Proceedings of the III International research conference (Orel, 13 April 2023)*. Orel, 2023. P. 246–259. (In Russ.)
5. Zholidov, M. V. The party – political system of Great Britain on the eve of parliamentary reform of 1832. *Vestnik Severo-Vostochnogo universiteta. Istoriya*. 2025;6(3):3–14. DOI: 10.53549/27132374_2025_6_3_1 (In Russ.)
6. Kareev, N. I. Thomas Carlyle. His life, personality, works, and ideas. Petrograd, 1923. 167 p. Available at: <https://djvu.online/file/vabPQb90EZ5VK> (accessed 03.01.2026). (In Russ.)
7. Kel'ner, V. E. A man of his time (M. M. Stasyulevich: publishing and the liberal opposition). St. Petersburg, 1993. 316 p. (In Russ.)
8. Kitaev, V. A. "Vestnik Evropy" in its controversy with F. M. Dostoevsky (1880–1881). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2020;1:38–48. (In Russ.)
9. Klochkov, V. V. Sir Robert Peel (1788–1850) in British historiographical retrospect and in the perception of his contemporaries. *British Studies*. 2022;7:172–207. DOI: 10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.016 (In Russ.)
10. Labutina, T. L. The emergence of Russophobia in Great Britain (XVI–XVIII centuries). *The West and Russia: history of confrontation*. (T. L. Labutina, Ed.). St. Petersburg, 2023. P. 173–198. (In Russ.)
11. Naumenkov, O. A. Robert Salisbury and his time: Victorian England in persons. St. Petersburg, 2004. 364 p. (In Russ.)
12. Ozeryansky, A. S. Alexander Nikolaevich Pypin (the scholar's biography). *A. N. Pypin. Materials for the biography*. (A. S. Ozeryansky, E. V. Stepanov, Eds.). Saratov, 2017. P. 4–94. (In Russ.)
13. Khasanov, R. R. Transformation of image of Austro-Hungarian foreign policy in the magazine "Vestnik Evropy" (1867–1914). *Magistra Vitae*. 2020;1:42–54. DOI: 10.24411/2542-0275-2020-0105 (In Russ.)
14. Chikalova, I. R. Great Britain: British studies in the Russian Empire (XIX – early XX centuries). St. Petersburg, 2017. 576 p. (In Russ.)
15. Shelyhmanova, D. A. The utilitarianism of Jeremy Bentham and John Stuart Mill is an ethical theory based on maximizing happiness. *Novaya nauka: problemy i perspektivy*. 2025;6:155–161. (In Russ.)

Received: 27 January 2026; accepted: 6 April 2026; published: 29 May 2026

АРИНА МАКСИМОВНА ЗАХАРОВА

библиотекарь 1 категории

Российская государственная библиотека

аспирант кафедры вспомогательных исторических дисциплин и археологии Историко-архивного института

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0009-0004-0900-5227; arizahar@gmail.com

ИЗДАНИЕ СБОРНИКА ПРОПОВЕДЕЙ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО «ОБЕД ДУШЕВНЫЙ» (1681) В ВЕРХНЕЙ ТИПОГРАФИИ

А н н о т а ц и я . Цель исследования заключается в раскрытии информационного потенциала источников посредством методов источниковедческого и книговедческого анализа, отражающих процесс издания сборника проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный» (М., 1681). Были изучены черновики и «кавычные» книги сборника, делопроизводственные документы архива Приказа книгопечатного дела, а также экземпляры изданий Верхней типографии. Актуальным становится изучение деятельности и организации Верхней типографии как уникального явления русской культуры переходного периода. Научная новизна работы заключается в детальной реконструкции процесса издания сборника проповедей «Обед душевный». В рамках исследования были решены такие вопросы, как кадровый состав типографии, возможные производственные мощности, принцип организации и методы работы при подготовке изданий. Установлено, что сборник проповедей печатали на двух станах силами двух станových бригад из 22 человек. Мастерские были разделены на бригады, существовала схема распределения ответственности за тетради в издании за тем или иным станом. Были выявлены и введены в научный оборот расписки мастеровых Верхней типографии, сохранившиеся в дошедших до нас экземплярах «Обеда душевного», благодаря чему можно определить подобную практику не только как характерную исключительно для Московского печатного двора, что, в свою очередь, может повлиять на методику атрибуции московских кириллических изданий XVII века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Симеон Полоцкий, Верхняя типография, «Обед душевный», проповеди, история книги

Д л я ц и т и р о в а н и я : Захарова А. М. Издание сборника проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный» (1681) в Верхней типографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 44–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1316

ВВЕДЕНИЕ

Сборник проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный» (М., 1681) представляет собой годичное собрание 109 воскресных проповедей («Слов»), расположенных по порядку Евангельских чтений в соответствии с церковным неподвижным календарем. В проповедях богослов толкует и комментирует евангельские сюжеты, тем самым раскрывая широкий круг нравственно-духовных вопросов. Проповеди написаны в соответствии с лучшими образцами барочных текстов XVII века, при их составлении Симеон Полоцкий привлекает книги Священного Писания, труды Отцов Церкви и западноевропейских богословов. Раскрытие информационного потенциала исторического источника является главной целью источниковедческого анализа,

одним из этапов которого выступает изучение истории его текста от этапа подготовки рукописи до выхода книги из печати. Важно проследить редактуру текста для понимания целей автора при анализе текстов произведений.

Исследователями предпринимались попытки изучения истории издания сборника проповедей «Обед душевный» в контексте организации Верхней типографии. Изучение же истории деятельности типографии начинается с середины XIX века. Одним из первых ее упоминает П. А. Бессонов в своем исследовании, посвященном изучению библиотеки Московской синодальной типографии¹. Автором была описана библиотека Верхней типографии в контексте ее включения в состав библиотеки Московского Печатного двора (далее – МПД). Описание

черновых рукописей сборника «Обед душевный» впервые было произведено А. В. Горским и К. И. Невоструевым с подробным анализом встречающихся почерков, правок и структуры книг². Первым, кто предметно коснулся темы организации Верхней типографии, стал А. А. Покровский, опубликовавший несколько архивных документов по истории ее деятельности, на основе которых выдвинул предположение о времени создания типографии³. Г. Я. Голенченко посредством выявления и изучения документов из фонда Приказа книгопечатного дела затронул вопросы организации, хронологии существования Верхней типографии, репертуара изданий и управления с точки зрения системы Приказов [2]. Большое значение имеет сборник «Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность» (М., 1982), полностью посвященный вопросам подготовки к печати различных произведений в Верхней типографии [10]. Наибольший интерес представляет исследование А. С. Елеонской, в котором автором было составлено второе после А. В. Горского и К. И. Невоструева описание рукописных черновиков сборников «Обед душевный» и «Вечеря душевная», сопровождаемое текстологическим анализом правок во всех рассматриваемых источниках, а также в научный оборот были введены «белая» и «кавычные» книги издания [7]. К общим работам, посвященным деятельности Верхней типографии, относится труд Л. А. Черной, в котором обобщается историографическая ситуация по рассматриваемому вопросу [12].

Другими исследователями поднимаются более узкие вопросы деятельности Верхней типографии. Так, А. А. Гусева рассмотрела внешние особенности изданий типографии [4], а также проанализировала издание царских жалованных грамот «вверху», вводя в научный оборот сами грамоты из собрания НИО редких книг (Музея книги) РГБ [3]. При этом деятельность Верхней типографии была освещена в работах лишь частично, в основном исследователями проводилась интерпретация одних и тех же источников, лишь Г. Я. Голенченко рассмотрел широкий перечень вопросов с предложенным им анализом делопроизводственных документов архива Приказа книгопечатного дела [2]. Вопрос до сих пор остается малоизученным и требует комплексного исследования. Кроме того, не анализировались детали процесса издания вышедших из Верхней типографии книг.

Целью данного исследования становится реконструкция процесса издания сборника пропо-

ведей «Обед душевный» и организации работы Верхней типографии (по крайней мере, в 1681–1683 годах). Источниковую базу составляют рукописные черновики, «белая» книга и «кавычные» книги, а также экземпляры издания «Обед душевный». В целях сравнительного анализа были привлечены Окладные книги из фонда Приказа книгопечатного дела.

* * *

Сборник проповедей годичного цикла «Обед душевный» представляет собой одно из ярких произведений второй половины XVII века, являясь одновременно первым опытом написания и издания гомилетического произведения в Москве, осуществленного в рамках деятельности Верхней типографии, где Симеон Полоцкий получил возможность распространять свои труды «печатным тиснением». Сочинение богослова носит назидательный характер, а также преследует цель разъяснения основ христианской веры, при этом являясь ярким примером барочного произведения. Язык изложения Симеона насыщен образами, активным использованием символики и развернутыми сравнениями и противопоставлениями. Богослов стал первым автором, представлявшим русское барокко, которое, в свою очередь, изменяло привычный многовековой уклад средневековой культуры.

Процессу издания книги предшествовала долгая и кропотливая подготовка черновых рукописей, которые легли в основу печатного варианта. Реконструировать историю создания «Обеда душевного» становится возможным благодаря дошедшим до наших дней нескольким рукописным черновикам, а также так называемым «кавычным» книгам, то есть первым печатным вариантам текста.

Первая рукопись – это так называемая «черная» книга⁴, составленная рукой Симеона Полоцкого и представляющая собой черновой вариант текста сборника. Рукопись дошла до нас в картонном переплете, обтянутом коричневой кожей, с сохранившимися кожаными завязками, форматом в четвертую долю листа. В текст черновика вносились правки не только рукой Симеона Полоцкого, здесь имеется много помет, написанных одним почерком скорописью XVII века, который исследователями был идентифицирован как принадлежащий Сильвестру Медведеву, ученику Симеона Полоцкого. При этом текст сборника был готов еще не полностью. Богословом были составлены все проповеди, кроме Слова в день страдания Христа Бога нашего и Слова

в неделю пред просвещением, – к данным текстам были даны лишь заголовки.

Вторая рукопись является промежуточным вариантом сборника⁵ и включает в себя как переписанный полууставом текст проповедей, так и фрагмент скорописного текста «Изъявление словес», то есть оглавление, а также позже дописанные Слова, указанные выше. Это рукопись в кожаном черном переплете с фрагментами кожаных завязок, форматом в четвертую долю листа. Заголовки Слов имеют первое оформление – они были переписаны более крупными буквами, а также присутствуют выполненные инициалы (в основном черными чернилами).

Третья рукопись, «белая» книга⁶, была полностью переписана полууставом и сшита в книгу форматом во вторую долю листа. На форзацном листе «белой» книги стоит помета: «Иереа Никифора». Иерей Никифор служил справщиком МПД с 1666 до середины 1680-х годов. Вероятно, какое-то время книги принадлежали ему в числе прочих, так как сложно говорить об участии справщика в подготовке сборника из-за отсутствия в черновиках помет, оставленных его рукой. «Белая» книга является наборной рукописью, которую использовали для разметки и дальнейшего набора текста. Об этом говорят пометы на полях и внутри текста, вероятно, в виде черного воска, одной вертикальной линии киноварью, а также таких записей, как «дош», то есть «дошел», или нацарапанных крестиков на полях. С помощью этих обозначений текст делился на страницы для печатного набора. Подобный способ разметки при подготовке таких изданий Московского печатного двора, как Псалтирь и Пролог, также отмечался исследователями [1: 608], [8: 58]. Все указанные рукописи прошли этап вычитки и редактирования, о чем говорит большое количество правок на полях и внутри текста, вносимых рукой как самого автора, так и Сильвестра Медведева. Кроме разметки в рукописи были отмечены абзацы текстов (две вертикальные линии киноварью) и выделены будущие инициалы или ломбарды (пометы на полях киноварью напротив нужной буквы).

Немаловажным является то, что в рукописи присутствуют два эскиза гравюр. При этом на листе, которым подклеена верхняя крышка переплета, имеется отпечаток киновари, который схож с заголовком «Стихов о недели», а также выделяется инициал «в», длинный и узорчатый, с которого начинаются собственно стихи.

Первый из эскизов представляет собой титульный лист, в оформлении которого исполь-

зованы миниатюры с 15 сценами из Ветхого и Нового заветов: текст с выходными сведениями издания окружен 15 клеймами с изображенными сюжетами Священного Писания. Второй эскиз, «Иисус и 15 сцен из Ветхого и Нового заветов», стал основой для гравюры на фронтисписе в печатном сборнике и был создан Симоном Ушаковым, на что указывает соответствующая подпись: «7189 (1680/1681) год Симон Ушаков». При детальном осмотре можно заметить, что лист с эскизом наклеен на лист тетради, а также имеет вертикальные и горизонтальные сгибы, как если бы подвергался сгибанию пополам. Сюжетно два эскиза полностью совпадают, но претерпевают небольшие изменения, так как более детально проработаны во втором эскизе. Как было отмечено А. С. Елеонской, часть эскиза титульного листа, миниатюра «5 книг на престоле», в результате стала самостоятельной гравюрой в печатном сборнике, а титульный лист был оформлен только текстовой частью, тем самым в большей степени соответствуя традиции оформления московской книги [7: 194–195]. Таким образом, можно проследить работу над гравюрами с учетом их значения как один из первых опытов создания гравюры на металле на основе уникальных авторских эскизов.

Помимо рукописных черновиков до нас дошли и «кавычные» книги «Обеда душевного», отражающие первый опыт набора текста сборника и редактуру верстки. При этом «кавычные» книги не только позволяют проследить историю текста «Обеда душевного», но и служат интересным источником для изучения подготовки к печати издания и организации самого процесса тиражирования. Сохранились две «кавычные» книги «Обеда душевного». Первая представляет собой сплетенные в книжный блок тетради в кожаной обложке, вторая – в твердом переплете. В первой «кавычной» книге отсутствуют гравюры и некоторые другие элементы оформления. Заставки и концовки были напечатаны не во всех Словах и других структурных частях сборника и обозначены схематично чернилами⁷. На корешке присутствуют ярлыки «Объдъ душевный», «330» и «78». Почти полностью отсутствует красный набор текста, он был использован лишь для заголовка «Стихов о слове божии» и небольшого числа заголовков проповедей:

Слово 1 в неделю 2 по Пасхе (л. 12 об.), Слово 2 в неделю 2 по Пасхе (л. 18), Слово 1 в неделю 3 по Пасхе (л. 25), Слово 2 в неделю 3 по Пасхе (л. 31 об.), Слово 1 в неделю 4 по Пасхе (л. 37), Слово 2 в неделю 4 по Пасхе (л. 43), Слово 1 в неделю 5 по Пасхе (л. 48), Слово 2 в неделю 5 по Пасхе (л. 53 об.), Слово 1 в неделю 6

по Пасхе (л. 59 об.), Слово 2 в неделю 6 по Пасхе (л. 65), Слово 1 в день Вознесения Господне (л. 71 об.), Слово 2 в день Вознесения Господне (л. 77), Слово 2 в неделю 7 по Пасхе (л. 89), Слово 1 в день Сошествия Святого Духа (л. 96 об.), Слово 2 в неделю 4 по Сошествию Святого Духа (л. 154), Слово 1 в неделю 5 по Сошествию Святого Духа (л. 160), Слово 2 в неделю 10 по Сошествию Святого духа (л. 227), Слово 1 в неделю 15 по Сошествию Святого Духа (л. 289 об.), Слово 2 в неделю 23 по Сошествию Святого Духа (л. 391), Слово 1 в неделю 28 по Сошествию Святого Духа (л. 452), первый набор Поучения общего в день недельный (л. 670 об.), Слово в неделю по прощению (л. 675).

При более детальном просмотре «кавычной» книги можно найти ошибки в наборе нумерации листов в конце сборника, когда повторно были напечатаны дважды номера некоторых из них (например, л. 581 (повтор 580), 583 (повтор 579), 585 (повтор 584)). Присутствует большое количество внесенных правок в текст первого печатного сборника. Правилось употребление букв (например, «о» и «w»), исправлялись опечатки (к примеру, «вцеты» исправлены на «цветы»⁸), строчные и прописные буквы, знаки препинания, диакритические знаки, пробелы и расположение ссылок на листе. Большинство правок вносилось киноварью, но использовались и черные чернила. Разного рода дополнения в тексте сборника в «белой» книге были сразу учтены в «кавычном» экземпляре (например, изменения во вступительных Стихах). Были убраны вычеркнутые фрагменты текста.

Вторая «кавычная» книга представляет собой этап финальной подготовки сборника⁹. Это книга в кожаном переплете, без тиснения, обе застежки не сохранились. На форзацном листе запись: «Ереа ниѳора». Были напечатаны обе гравюры и титульный лист в финальном варианте, в полной мере был использован красный набор, присутствуют все заставки и концовки. В текст вносились мелкие правки технического характера, как и в первой «кавычной» книге. Небольшое количество исправлений касалось самого текста Слов. На полях встречаются характерные пометы о необходимости «справиться» с той или иной книгой из Священного Писания для уточнения ссылки или какого-то выражения в самом тексте, а также «справиться с кавычным»¹⁰ (вероятно, с первой «кавычной» книгой). Но все же основная редакторская работа была завершена к моменту набора второй «кавычной» книги, поэтому в ней минимальная правка. Самые большие изменения представляют собой случаи переноса мастеровыми некоторых листов. При этом в книгу были вплетены оба листа, как правило, сначала исправленный, затем – «дефектный»,

который был надорван посередине сверху, вероятнее всего, для недопущения путаницы. На исправленных листах посередине снизу киноварью стоит помета: «чтена». Правки, внесенные в текст или в сам набор, отсутствуют в первой «кавычной» книге, поэтому представляют собой уже более позднюю вычитку текста. Всего нами было выявлено 14 подобных случаев (л. 20, 25, 26, 59, 63, 109, 153, 276, 277, 290, 307, 325, 615 и 670). К переносу листов прибегали в случаях корректировки текста (добавлялись пропущенные или убирались лишние фразы), изменения визуального оформления (менялись заставки в начале некоторых проповедей) или в конце Слов набор в строку заменяли набором «в воронку». Корректировались ссылки и их положение на листе. Все внесенные правки были учтены в тираже книги.

В обеих «кавычных» книгах присутствуют пометы, указывающие на наборщиков печатного текста, которых было четверо. Задействовали два печатных стана, причем к становой бригаде первого стана относились наборщики Лаврентий Богданов и Евдоким Федоров, второго – Петр Ефимов и Никита Михайлов. Записи проставлялись в начале каждой новой тетради, распределяя тем самым работу: например, «1-го стана Лаврентий Богданов Евдоким Федоров» или «2-го стана Петр Ефимов Никита Михайлов». Если проследить порядок расположения записей, представляется возможным выстроить схему распределения тетрадью между двумя станами. Первая тетрадь, содержащая текст титульного листа, вступительных стихов, вторая тетрадь с предисловием и две следующие с Изъявлением были отнесены ко второму стану. Тетради, содержащие текст самих проповедей, были распределены уже между двумя станами. Единственным исключением стала последняя тетрадь, за которую отвечали наборщики разных становых бригад – Лаврентий Богданов и Никита Михайлов. Если представить эту схему в виде формулы, где число под степенью означает номер тетради, а обозначение степени – номер стана, отвечающего за нее, то она будет выглядеть следующим образом:

$$1-2^1 1-2^1 3^2 4-5^1 6-7^2 8^1 9^2 10-11^1 12-13^2 14^1 15^2 16-17^1 \\ 18-19^2 20^1 21^2 22-23^1 24-25^2 26^1 27^2 28-29^1 30-31^2 32^1 33^2 \\ 34-35^1 36-37^2 38^1 39^2 40-41^1 42-43^2 44^1 45^2 46-47^1 48-49^2 \\ 50^1 51^2 52-53^1 54-55^2 56^1 57^2 58-59^1 60-61^2 62^1 63^2 64-65^1 \\ 66-67^2 68^1 69^2 70-71^1 72-73^2 74-75^1 76-77^2 78-79^1 80-81^2 \\ 82^1 83-84^2 85^1 86^{1,2}.$$

На некоторых первых листах тетрадью было отмечено, что наборщики работали «в подряд», то есть по «ряду», или договору. Практика найма сотрудников типографии для выполнения раз-

ного вида работ и до этого присутствовала в деятельности МПД. По «ряду» выполняли работы как ремесленники со стороны (каменщики, ямщики и др.), так и штатные сотрудники типографии [5: 150]. Активное использование подобного «наемного» труда руководством МПД А. В. Дадыкин связывал с острым дефицитом кадров в типографии после эпидемии чумы середины 1650-х годов (так называемого морового поветрия), а также с последствиями сильного экономического кризиса на фоне Русско-польской войны 1654–1667 годов [5: 144–147]. При этом дополнительные виды работ могли как выходить за основной комплекс должностных обязанностей сотрудника типографии, так и полностью ему соответствовать. В случае последнего сложилась практика заключения «ряда» в рамках выполнения сложных полиграфических работ более квалифицированными мастерами. Вероятно, «по ряду» в Верхней типографии выполняли дополнительные полиграфические работы или же в целом система выплат в типографии была в форме договора. Без дополнительных исследований данного вопроса затруднительно сделать окончательные выводы.

Важные по значению записи о наборщиках дают возможность дальнейшей реконструкции организации работы в типографии. А. А. Покровским была опубликована память о переводе в феврале 1683 года по указу царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича из Верхней типографии на МПД мастеровых для работы «у станов по прежнему» с обозначенными окладами с их поименным перечислением. В ней перечислено также четверо наборщиков¹¹. В документе имена наборщиков записаны в начале и приводятся по порядку отнесения к станам, совпадавшим с разделением из «кавычной» книги. Здесь стоит обратить внимание на делопроизводственную практику, сложившуюся на МПД. Среди прочих источников в контексте исследования нас интересуют окладные книги – документы, фиксирующие траты МПД на выплату жалования разного рода служащим типографии. К 1640-м годам их формуляр унифицируется: при указании выплачиваемых окладов служащие перечислялись по порядку занимаемых должностей, внутри которых они шли по порядку станов [9: 56]. Порядок был следующий: наборщики (первого, второго и т. д. станов), разборщики (аналогично), тередорщики (аналогично), батыйщики (аналогично), мастеровые вспомогательных специальностей и сторожа. В памяти мастеровые перечислены в таком же

порядке, что также пересекается с распределением наборщиков в «кавычных» книгах. Следовательно, появляется возможность реконструировать схему работы мастеровых в типографии и их прикрепление к тому или иному стану, по крайней мере, в случае с «Обедом душевным» и, вероятно, вплоть до конца работы типографии и их перевода на МПД. Таким образом, у первого стана работали: наборщики Лаврентий Богданов и Евдоким Федоров; разборщик Карп Иванов; тередорщики Кондратий Марков, Григорий Осипов, Василий Степанов и Василий Кононов; батыйщики Семен Минин, Иван Яковлев, Пантелей (Патрекей) Малофеев, Прокофей Савельев. У второго стана – наборщики Петр Ефимов и Никита Михайлов; разборщик Козьма Семенов; тередорщики Иван Автомонов (Артамонов), Богдан Иванов, Харитон Ефимов, Степан Наумов; батыйщики Денис Федоров, Михайло Васильев, Ларион Федоров, Иван Ефимов. Из числа переведенных из Верхней типографии на МПД мастеровых шестнадцать из них работали до 1679 года на МПД и только шестеро стали служить в Верхней типографии впервые, а потом присоединились к штату Печатного двора: Козьма Семенов [11: 198], Василий Кононов [11: 150], Степан Наумов Степанов [11: 174], Прокофей Савельев [11: 193], Михайло Васильев [11: 98–99], Ларион Федоров [11: 220].

Кроме этого, стоит отметить, что в обеих «кавычных» книгах отсутствуют какие-либо пометы, записи или исправления, которые были бы оставлены самим автором. Правки Симеона Полоцкого присутствуют только в рукописных черновиках и «белой» книге, когда текст приводился к единообразию, из-за чего вносились изменения содержательного характера. В «кавычных» книгах присутствуют правки только технического или уточняющего характера, указанные выше. В «кавычных» книгах пометы и исправления представлены Сильвестром Медведевым и, по всей видимости, другими справщиками, так как их почерки не соответствуют Симеону Полоцкому. Как минимум, нами были найдены правки, оставленные на полях неизвестным на данный момент справщиком, на которые, в свою очередь, там же отвечал Сильвестр Медведев (об этом упоминала А. С. Елеонская, отнеся правку к комментарию наборщика [7: 201]).

Другим видом источников об организации работы в Верхней типографии становятся расписки мастеровых, написанные ими в самих печатных экземплярах. Расписки представлялись мастеровыми станových бригад после

сборки тетрадей в книги, удостоверяя полноту экземпляров в виде подписи [б: 12]. Подпись, чаще всего в виде имени и патронима, ставилась на первом или последнем листах (так называемые обертки, защищавшие книжный блок до переплетения книги). К сожалению, в процессе бытования экземпляров и возможной неоднократной замены переплетов большая часть расписок была частично или полностью утрачена. Среди экземпляров издания «Обед душевный» из собрания НИО Редких книг (Музей книги) РГБ нами были выявлены два с сохранившимися расписками мастеровых: «Карпъ»¹² (разборщик Карп Иванов) и «[Ив]анъ Я»¹³ (батыйщик Иван Яковлев).

Обнаружение и введение в научный оборот расписок мастеровых в экземплярах изданий Верхней типографии позволяет говорить о заимствовании методов работы на МПД через сотрудников в типографию, как она была заведена и функционировала на протяжении большого количества времени. А. А. Гусева относала расписки мастеровых в качестве «заверения» проверки полноты и правильности сборки экземпляров из тетрадей после окончания печатных работ к особенностям работы только МПД (затем Московской Синодальной типографии), указывая их роль при атрибуции дефектных экземпляров изданий¹⁴. Сейчас мы можем отметить эту особенность в том числе и для изданий Верхней типографии, что позволит внести корректировку в вопросы методики атрибуции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, работа над подготовкой к печати сборника проповедей «Обед душевный» включала в себя три этапа с последующей тщательной вычиткой текста и постепенным оформлением издания: подготовку рукописей, набор «кавычных» книг с их правкой и финальный тираж. Первый этап представлен черновыми рукописями, которые показывают самую раннюю и одновременно активную работу над текстом. Данные черновики «Обеда душев-

ного» отражают работу Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и других справщиков над текстом сборника, в несколько этапов скрупулезно его корректирующих. Активная редактора касалась как смысловой стороны написанного текста, так и более технической (до последней версии текста во втором «кавычном» экземпляре редактировались знаки препинания, диакритические знаки, а также корректировалось использование заглавных и строчных букв).

«Белая» книга была использована впоследствии для разметки текста и набора «кавычных» книг. Благодаря изучению последних становится возможным реконструировать полиграфические работы, отражающие второй этап подготовки сборника: до нас дошли имена наборщиков, количество станков, формат их работы (вероятно, по «ряду» в найм), а также схема распределения тетрадей для работы между мастерами. Наряду со сравнительным анализом записей из «кавычных» книг, а также делопроизводственных документов из архива Приказа книгопечатного дела можно реконструировать и состав станковых бригад в Верхней типографии (как минимум для периода работы в 1681–1683 годах): для производства были задействованы два стана с соответствующим количеством мастеровых (всего 22 человека).

Изучение экземпляров изданий Верхней типографии позволяет выявить и ввести в научный оборот такой важный исторический источник, как расписки мастеровых, изучение которых позволяет определить характер работы в Верхней типографии относительно практики на МПД и расширить понимание о расписках в целом.

Таким образом, дальнейшее исследование черновых рукописей, «кавычных» книг и сохранившихся экземпляров не только сборника «Обед душевный», но и других изданий, напечатанных в Верхней типографии, дает возможность изучать организацию работы в типографии в целом, поскольку данная исследовательская проблема остается нерешенной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бессонов П. А. Типографская библиотека в Москве: Исторический очерк. М.: Тип. А. Семена, 1859. 66 с.
- ² Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки: Отд. 2, ч. 3: Писания святых отцев. 3. Разные богословские сочинения: (Прибавление). М.: Синод. тип., 1862. 844 с.
- ³ Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзор пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М.: Синод. тип., 1916. 282 с.
- ⁴ ОР ГИМ. Син. № 656.
- ⁵ ОР ГИМ. Син. № 655.
- ⁶ РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 504.
- ⁷ Библиотека РГАДА. Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. Инв. № СПК970.

- ⁸ Там же. Л. 421 об.
⁹ Библиотека РГАДА. Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. Инв. № СПК969.
¹⁰ Библиотека РГАДА. Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. Инв. № СПК969. Л. 251 об., 344.
¹¹ Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М.: Синод. тип., 1916. С. 92.
¹² МК РГБ. Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. Инв. № 1635.
¹³ МК РГБ. Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. Инв. № 1638.
¹⁴ Работа с редкими и ценными изданиями: Идентификация экземпляров московских изданий кирилловского шрифта 2-й половины XVI–XVIII вв.: Методические рекомендации / Сост. А. А. Гусева. М.: ГБЛ, 1990. С. 25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вознесенский А. В. Сведения и заметки о кириллических печатных книгах. 8. Как у нас правилась печатные книги: О кавычном экземпляре Псалтири (М., I. 1678) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 54. С. 602–612.
2. Голенченко Г. Я. Белорусы в русском книгопечатании // Книга. Исследования и материалы: Сб. 13. М., 1966. С. 99–119.
3. Гусева А. А. Неизвестные издания Верхней типографии (Царские жалованные грамоты 1681–1683 гг.) // Книга. Исследования и материалы: Сб. 65. М., 1993. С. 130–136.
4. Гусева А. А. Оформление изданий Симеона Полоцкого в Верхней типографии (1679–1683 гг.) // Труды Отдела древнерусской литературы / Ред.: Д. С. Лихачев, Г. М. Прохоров, М. А. Салмина. Л.: Наука, 1985. Т. 38. С. 457–475.
5. Дадыкин А. В. Приказ книгопечатного дела и сотрудники Московского печатного двора во второй половине XVII в. // Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры: 1652–1700 годы. Кн. 1. М.: Наука, 2007. 398 с.
6. Дадыкин А. В., Ерофеева В. И. Книги кириллической печати XVI–XVII веков в Научной библиотеке Московского университета: Каталог. М.: Индрик, 2021. 832 с.
7. Елеонская А. С. Работа Симеона Полоцкого над подготовкой к печати книг «Обед душевный» и «Вечеря душевная» // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М.: Наука, 1982. С. 152–202. (Серия: Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.))
8. Круминг А. А. Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки) // Славяноведение. 1998. № 2. С. 46–60.
9. Поздеева И. В., Пушкин В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг. М.: Мосгорархив, 2001. 544 с.
10. Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М.: Наука, 1982. 352 с. (Серия: Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.)).
11. Сотрудники Московского Печатного двора второй половины XVII века. Именной список / Сост. А. В. Дадыкин // Труды Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова. Вып. 2. М.: Науч. б-ка МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. С. 52–237.
12. Черная Л. А. Верхняя типография Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М.: Наука, 1982. С. 46–59. (Серия: Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.))

Поступила в редакцию 15.12.2025; принята к публикации 27.02.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Arina M. Zakharova, First-Category Librarian, Russian State Library, Postgraduate Student, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0009-0004-0900-5227; arizahar@gmail.com

PUBLISHING SIMEON POLOTSKY'S COLLECTION OF SERMONS *SPIRITUAL DINNER* (1681) IN THE UPPER PRINT YARD

Abstract. The research aims to uncover, through source and book analysis, information sources reflecting the publication process of Simeon Polotsky's collection of sermons, *Spiritual Dinner* (Moscow, 1681). The study examines drafts, proof copies, clerical documents from the Moscow Print Yard archive, and copies published by the Upper Print Yard. Studying the operations and organizational structure of the Upper Print Yard is becoming particularly relevant, as it represents a unique phenomenon in Russian culture during this transitional period. The scientific novelty of the research lies in a detailed reconstruction of the publishing process for *Spiritual Dinner*. Specifically, it addresses

questions regarding the printing staff, the print yard's production capacity, and the organizational principles and working methods involved in preparing publications. The findings indicate that the sermon collection was printed using two presses operated by two printing brigades comprising 22 workers. The craftsmen were organized into teams, with a clear division of responsibility for specific sections (notebooks) of the publication assigned to each team. Additionally, the receipts of Upper Print Yard craftsmen preserved in surviving copies of *Spiritual Dinner* have been identified and introduced into scholarly discourse, thanks to which we can identify such a practice not only as characteristic of the Moscow Print Yard. This practice, previously associated only with the Moscow Print Yard, may now inform attribution methodologies for Moscow publications of the XVII century.

Key words: Simeon Polotsky, Simeon of Polotsk, Upper Print Yard, *Spiritual Dinner*, sermons, history of the book
For citation: Zakharova, A. M. Publishing Simeon Polotsky's collection of sermons *Spiritual Dinner* (1681) in the Upper Print Yard. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):44–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1316

REFERENCES

1. Voznesensky, A. V. Information and notes about Cyrillic printed books. 8. How our printed books were edited: A study of the proof copy of the Psalter (Moscow, I. 1678). *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg, 2003. Vol. 54. P. 602–612. (In Russ.)
2. Golenchenko, G. Ya. Belarusians involved in Russian book printing. *Book. Research and materials: Part 13*. Moscow, 1966. P. 99–119. (In Russ.)
3. Guseva, A. A. Unknown editions of the Upper Print Yard (Tsar's charters of 1681–1683). *Book. Research and materials: Part 65*. Moscow, 1993. P. 130–136. (In Russ.)
4. Guseva, A. A. The design of Simeon Polotsky's publications in the Upper Print Yard (1679–1683). *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Leningrad, 1985. Vol. 38. P. 457–475. (In Russ.)
5. Dadykin, A. V. The Printing Department and the staff of the Moscow Print Yard during the second half of the XVII century. *The Moscow Print Yard – a fact and factor of Russian culture: 1652–1700*. Book 1. Moscow, 2007. 398 p. (In Russ.)
6. Dadykin, A. V., Erofeeva, V. I. Cyrillic printed books of the XVI–XVII centuries in the Scientific Library of Moscow State University: Catalog. Moscow, 2021. 832 p. (In Russ.)
7. Eleonskaya, A. S. Simeon Polotsky's pre-publishing preparation of his sermon collections *Spiritual Dinner* and *Spiritual Supper*. *Simeon Polotsky and his book-publishing activities*. Moscow, 1982. P. 152–202. (In Russ.)
8. Kruming, A. A. Revisions of the Slavic Printed Prologue (preliminary notes). *Slavic Studies*. 1998;2:46–60. (In Russ.)
9. Pozdeeva, I. V., Pushkov, V. P., Dadykin, A. V. The Moscow Print Yard – a fact and factor of Russian culture. 1618–1652. Moscow, 2001. 544 p. (In Russ.)
10. Simeon Polotsky and his book-publishing activities. Moscow, 1982. 352 p. (In Russ.)
11. Employees of the Moscow Print Yard during the second half of the XVII century. A personal list. (A. V. Dadykin, Ed.). *Proceedings of the Scientific Library of Lomonosov Moscow State University*. Issue 2. Moscow, 2017. P. 52–237. (In Russ.)
12. Chernaya, L. A. The Upper Print Yard of Simeon Polotsky. *Simeon Polotsky and his book-publishing activities*. Moscow, 1982. P. 46–59. (In Russ.)

Received: 15 December 2025; accepted: 27 February 2026; published: 29 May 2026

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ КУРАШОВ

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0008-3141-7438; curashov.vladimir@gmail.com

«ВЕСТНИК РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА»: РЕКОНСТРУКЦИЯ СТРУКТУРЫ, ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЭМИГРАЦИИ

А н н о т а ц и я . Впервые систематически анализируются материалы «Вестника Русского национального комитета» (1923–1926), являвшегося органом политической организации, которая претендовала на центристскую позицию среди пореволюционной эмиграции из Советской России. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью принципов центризма, на которых строилась идеология Русского национального комитета. Метод системного анализа применен к содержанию издания для исследования его самопрезентации. Осуществленный анализ публикаций «Вестника» позволил охарактеризовать особенности организационной структуры, идеологических основ и направлений деятельности Комитета. Показано, как «Вестник» отражает централизованную структуру организации с доминирующей ролью руководящих органов в Париже и слабой представленностью периферийных отделов. На основе программных и публицистических статей реконструируется идеологическая платформа, сочетавшая принципы государственного национализма с бескомпромиссным антибольшевизмом, что определяется автором как позиция «непримиримого центра». Публикации «Вестника» позволяют выделить три ключевых направления деятельности: дипломатическая и информационная работа по легитимации Комитета, консолидация эмигрантских организаций, а также социально-гуманитарная поддержка беженцев. Анализ показывает, как издание использовалось для реализации этих задач и формирования образа РНК как национально-государственного центра в эмиграции.

Ключевые слова: «Вестник Русского национального комитета», российская пореволюционная эмиграция, государственный национализм, антибольшевизм, политическая консолидация

Для цитирования: Курашов В. А. «Вестник Русского национального комитета»: реконструкция структуры, идеологии и практик политического объединения эмиграции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 52–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1317

ВВЕДЕНИЕ

Октябрьская революция и Гражданская война привели к массовой эмиграции, сформировав уникальный феномен русского зарубежья [5], [6]. Политический спектр эмиграции отличался необычайной пестротой, что В. А. Митрохин охарактеризовал как «поразительную по своей широте и контрастности политическую мозаику»¹. Он сформировался не только за счет представителей дореволюционных партий, но и благодаря возникновению новых пореволюционных идейных течений, которые являлись результатом переосмысления их представителями катастрофических для России событий [7], [10]. В этих условиях особый интерес представляют попытки консолидации разрозненной эмиграции.

Стремление преодолеть идеологические разногласия и создать единый антибольшевистский фронт было одной из политических задач русского зарубежья. Заметной попыткой такого рода стало создание в 1921 году Русского национального комитета (РНК) как надпартийного координационного центра². В монографии О. К. Антропова РНК рассматривается в общем контексте поисков политического объединения и его деятельность характеризуется как неудавшаяся попытка реализации правокадетской идеи создания надпартийного общеэмигрантского антисоветского фронта [2: 238]. З. С. Бочарова в своих исследованиях упоминает деятельность РНК в контексте правовой и социальной помощи беженцам [3], [4]. В. И. Смирнов фокусируется на роли од-

ной личности – В. И. Бурцева в деятельности РНК [12], а А. В. Антощенко характеризует принцип централизма, обосновывавшийся главой комитета А. В. Карташевым [1].

Организационная структура РНК, его идеология и деятельность остаются недостаточно изученными и представляют собой перспективное направление исследований. Одним из важнейших источников для такого исследования является периодическое издание самой организации – «Вестник Русского национального комитета» (1923–1926).

Цель данной статьи – раскрытие на основе системного анализа материалов «Вестника РНК» информационных возможностей данного непериодического издания для реконструкции организационной структуры, идеологических основ и ключевых направлений деятельности Русского национального комитета.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА

Для изучения организационной структуры «Вестник РНК» является источником ограниченным: он не освещает период создания Комитета и его отделов (1921–1922 годы) и, будучи печатным органом, дает лишь косвенные данные о внутреннем устройстве. Его издание было нерегулярным (всего 11 выпусков), что, по оценкам исследователей, отражало общие организационные и финансовые слабости РНК [2: 227], [12: 78]. Однако тематические блоки позволяют реконструировать его ключевые функции в структуре Комитета.

1. Идеологическая функция. Формулирование программных установок, образа врага (III Интернационал) и идеала «национальной России». В первую очередь она выражена статьями председателя РНК А. В. Карташева³.

2. Легитимирующая функция. Позиционирование РНК как политического центра эмиграции и представителя «подлинной России» на международной арене (меморандумы правительствам, обращения в Лигу Наций, письма главам государств и высокопоставленным чиновникам)⁴.

3. Информационно-аналитическая функция. Освещение деятельности РНК, анализ положения в СССР и политики европейских государств. Главным образом функцию представляют статьи Ю. Ф. Семенова⁵, к которым примыкают единичные статьи других авторов, анонимных корреспондентов⁶.

4. Социально-практическая функция. Публикация материалов о помощи студенчеству и детям (воззвания⁷, доклады⁸, статьи М. М. Федорова⁹ и П. Д. Долгорукова¹⁰), инвалидам¹¹,

о защите прав беженцев¹², что трактовалось как акт государственного служения и сопротивления большевизму.

Анализ «Вестника» показывает крайнюю централизацию РНК. Деятельность концентрировалась вокруг парижского президиума (А. В. Карташев) и секретариата (Ю. Ф. Семенов). Полный состав руководства РНК опубликован в связи с переборами 7 ноября 1924 года:

«Председатель – А. В. Карташев. Товарищи председатели: В. Л. Бурцев, кн. Пав. Д. Долгоруков, М. Л. Киндяков, Е. П. Ковалевский, Б. Н. Неандер, П. Б. Струве, М. М. Фёдоров. Генеральный секретарь – Ю. Ф. Семёнов»¹³.

Упоминания о местных отделах (Лондонский¹⁴, Берлинский¹⁵, Пражский¹⁶) носят эпизодический характер. Наиболее активным на страницах «Вестника» выглядит Белградский отдел РНК¹⁷. Остальные отделы лишь перечислялись в обзоре деятельности РНК Ю. Ф. Семеновым¹⁸. Скучные и нерегулярные сообщения о местных отделах свидетельствуют об их слабой интеграции в текущую работу. Основные функции оказались персонифицированы и сосредоточены в узком кругу лидеров РНК в Париже.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Идеологию РНК, реконструируемую по материалам «Вестника», можно определить как государственный национализм. Высшей ценностью объявлялось восстановление единого национального государства, что обуславливало надпартийный характер Комитета¹⁹. Государство рассматривалось как исторически преемственный организм, а себя РНК видел «мостом» от прошлой России к будущей и платформой для общегосударственной работы. Эта работа, согласно А. В. Карташеву, должна была носить прагматичный характер, консолидируя политически активную часть эмиграции под знаменем освобождения России²⁰.

Конкретным воплощением принципа государственной преемственности являлась Русская армия П. Н. Врангеля, названная А. В. Карташевым прямым наследником русской государственности²¹. Используя религиозно-политическую метафору, председатель РНК сопоставлял борьбу Белых армий с первым членом христианского Символа веры²². Таким образом, военное поражение отеснялось на второй план духовной правотой Белого движения. Русская армия представала как «сосуд русской чести» и воплощение духа нации²³. В данной конструкции она становилась символом живой государственности и главным

аргументом в пользу сохранения преемственности с «подлинной Россией».

Большевизм осуждался в первую очередь за разрушение российской государственности и национальной традиции. Эта позиция была сформулирована предельно жестко. Характерна цитата А. В. Карташева:

«Совдепия – не государство и не Россия, а только страшная карикатура на то и на другое, только чудовищная маска, покрывающая подлинное лицо народа или вернее – могильная плита, додушающая заживо погребенную Россию»²⁴.

Такое понимание порождало политический ригоризм. Провозглашалась позиция непримиримости, полностью исключавшая компромисс с советской властью. Примером служат статьи Ю. Ф. Семенова, в которых создается жесткая бинарная оппозиция: «национальная Россия» против «III Интернационала» как чуждой и враждебной силы, оккупировавшей страну²⁵. Конечной целью коммунистов, по его оценке, являлось создание «не-государства» – подобие концентрационного лагеря²⁶.

Принцип непримиримости, в свою очередь, логически требовал активизма – продолжения борьбы всеми доступными средствами. Активизм, как он представлен в статьях А. В. Карташева, имел несколько взаимосвязанных аспектов. Во-первых, мобилизационный аспект. Целью эмиграции объявлялось не пассивное «беженское житье-бытье», а активное собиранье сил для освобождения России²⁷. Во-вторых, готовность к разнообразным формам борьбы, включая вооруженную, в будущем²⁸. В-третьих, наиболее радикальное проявление, аспект этического оправдания насилия. В статье, посвященной убийству советского дипломата В. В. Воровского, А. В. Карташев дает событию этико-философское обоснование. Большевики представлены как «демонические враги человеческой свободы». Нарушение общепринятых норм в ходе борьбы с ними находит моральное оправдание во имя защиты национальных и общечеловеческих ценностей²⁹. При этом стратегические надежды возлагались на пробуждение народа внутри России. Задачей эмиграции становилось не подменять народ, а воздействовать на него объединяющими лозунгами и, сохранив национально-государственные начала, в нужный момент соединиться с ним³⁰. В данном контексте кардинально переосмысливалась роль Красной армии. Ю. Н. Данилов развивал идею ее постепенной национализации и очищения. По его мнению, красноармейская масса, «плоть от плоти народа», перестает быть «классовой силой» и превращается в «формовоч-

ный материал» будущей национальной армии³¹. Эта мысль находила поддержку у А. В. Карташева, который также допускал, что Красная армия, искупив свой «каинов грех» уничтожением коммунистов, может стать орудием освобождения³².

Важной идеологической особенностью РНК, выявляемой по материалам «Вестника», был его специфический центристский характер. Речь шла о попытке подняться над партийными размежеваниями, предложив новую «сверхпартийную» и государственническую платформу для консолидации³³. Границы этого «центра» определялись через последовательную критику флангов. Слева РНК отвергал социалистов, ставящих классовую идею выше национальной, и республиканцев-демократов (группу П. Н. Милюкова) за абсолютизацию «завоеваний революции»³⁴, что, по мнению А. В. Карташева, вело к принципиальному соглашательству с большевизмом и отказу от активной борьбы³⁵. Действительно, принципиальным положением «новой тактики» П. Н. Милюкова была неприемлемость вооруженной борьбы [9]. Справа критика была двуправленной: против монархистов-реставраторов за непонимание необходимости творческого обновления России и против «пацифистской» части правых (берлинская группа монархистов), испытывавших, по выражению А. В. Карташева, «преклонение перед большевистствующей волей народа» и боявшихся активных действий³⁶. Позитивным программным положением, вытекавшим из этой критики, была идея «синтетической воли народа». А. В. Карташев утверждал, что народ сочетает в себе «обе струи: и национально-консервативную, и революционную», и задача будущей власти – не ввергать его в крайности, а привести к равновесию и новому синтезу³⁷. Таким образом, отвергались как «революционные», так и «реставраторские сказки» в пользу трезвого практического пути³⁸. Этому синтезу соответствовало и переосмысленное понятие «реакции» как объединяющего начала. А. В. Карташев вкладывал в него новое, созидательное содержание. Ее целью являлось восстановление порушенных революцией ценностей в сочетании с новыми задачами государственного строительства, что, по его убеждению, и гарантировало подлинное «завоевание реакции»³⁹. Позицию РНК точнее всего определяет парадоксальный термин «непримиримый центр»: широта в тактике объединения на основе государственнической платформы сочеталась с крайней узостью и ригоризмом в определении главного врага и допустимых методов борьбы.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РНК

Идеологическая платформа реализовывалась в трех взаимосвязанных направлениях.

1. Борьба за международную легитимность.

В нее входило дипломатическое лоббирование⁴⁰, направление меморандумов⁴¹ иностранным правительствам с целью изоляции СССР, противодействия или осуждения его признания, а также утверждения эмиграции как легитимного представителя России. В публикациях «Вестника» утверждалось, что РНК удавалось парализовать некоторые действия советской власти за рубежом (например, в Болгарии) и влиять на решения международных организаций, таких как Лига Наций, по вопросам репатриации⁴².

«Вестник» демонстрирует работу РНК как аналитического центра. Ю. Ф. Семенов, например, детально разбирает расклад сил во французской политике, предсказывая слабость Левого блока⁴³. Особое внимание уделялось советско-германским отношениям, которые трактовались как продолжение Брестского мира: Германия виделась силой, стремящейся к экономической колонизации России через большевиков, которые, в свою очередь, использовали Германию для подрывной работы⁴⁴. А. В. Тыркова, анализируя успехи лейбористов в Великобритании, уже в январе 1924 года предсказала скорое признание СССР⁴⁵.

Логичным дополнением к характеристике внешнеполитической ситуации был анализ внутриполитической жизни СССР, нацеленный на доказательство невозможности эволюции большевизма и его губительности для нации. Например, статья «Возвращение на Родину» анонимного корреспондента РНК представляет собой развернутый аналитический текст, где с помощью статистических данных, свидетельств о терроре и анализа социальной политики доказывалось, что советский режим ведет к физическому уничтожению русского народа⁴⁶. Аналогичная риторика пронизывает и другие материалы «Вестника»: протесты против вывоза хлеба из голодающей России⁴⁷, сообщения о преследованиях церкви⁴⁸, анализ состояния сельского хозяйства и т. д.⁴⁹ Целью таких публикаций было снабдить эмиграцию фактологическими аргументами для сопротивления и разоблачить в глазах общественности III Интернационал как силу, подменяющую собой Россию.

2. Политическая консолидация эмиграции. Ведя борьбу на международной арене, лидеры РНК отчетливо понимали, что ее успех зависит от прочного внутреннего фронта. На

страницах «Вестника» работа по объединению эмиграции реализовывалась через систематическую информационную поддержку и легитимацию тех организаций, чьи цели совпадали с курсом Комитета. Так, РНК публиковал материалы о деятельности Союзов русских инженеров⁵⁰ и Торгово-промышленной конференции⁵¹, подчеркивая их непримиримый антибольшевизм. Профессиональные элиты тем самым встраивались в общий идеологический фронт под лозунгом национальной идеи. Особое внимание уделялось студенческим и молодежным объединениям как кадровому резерву будущей России. К примеру, подробно освещалась работа Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (О.Р.Э.С.О.)⁵², возглавляемого товарищем председателя РНК Б. Н. Неандером.

3. Защита и воспроизводство человеческого капитала. Одной политической мобилизации было недостаточно. Для реализации проекта будущей России требовалось сохранить в физическом и культурном смысле саму нацию в изгнании. Это определяло третье направление деятельности по правовой защите и гуманитарной поддержке русских беженцев.

Объектом критики РНК стал Верховный комиссар Лиги Наций по делам беженцев Ф. Нансен. В материалах «Вестника» он обвинялся в непрофессионализме, непонимании специфики политической эмиграции и просоветских симпатиях⁵³. Его репатриационная политика воспринималась как прямая угроза для эмигрантов-антикоммунистов. Комитет настаивал на жестком разделении: помощь беженцам – обязанность Лиги Наций, а репатриационный вопрос – проблема советской власти⁵⁴. Однако эта критика сопровождалась трезвым прагматизмом. РНК не отвергал деятельность Лиги Наций по защите беженцев. В публикациях высоко оценивались конкретные полезные инициативы, такие как поездка сэра С. Хора в Константинополь или содействие представителей Верховного комиссариата русским беженцам во Франции⁵⁵. Таким образом, работа Верховного комиссариата признавалась полезной, когда она касалась реальных нужд русских беженцев (правовой статус, материальная помощь), но категорически осуждалась, когда пересекалась с политикой компромисса с большевиками.

Гуманитарная деятельность РНК наиболее ярко проявилась в организации помощи русским инвалидам – ветеранам Белого движения. Инициатива, выдвинутая в марте 1923 года Белградским отделом РНК, с самого начала носила явно политический характер. Во-первых, она была

сформулирована как международная проблема, требующая вмешательства иностранных правительств и использования части российского запаса золота, оказавшегося за рубежом⁵⁶. Во-вторых, предлагалось создать специальный «русский инвалидный займ», который, как предполагалось, будет гарантирован и признан будущим законным правительством России⁵⁷. Таким образом, уже в самой постановке вопроса РНК конструировал преемственность: он действовал как институт, берущий на себя функции еще не существующего национального государства, и апеллировал к его будущей ответственности. Практическим шагом стало содействие созданию Комитета помощи русским инвалидам при Российском обществе Красного Креста⁵⁸. Помощь трактовалась как священный национальный долг, как моральное обязательство нации перед «искалеченными героями»⁵⁹. Эта риторика превращала конкретную гуманитарную задачу в инструмент консолидации и мобилизации эмиграции вокруг ценностей жертвенности и верности долгу, что подчеркивалось и в прямом воззвании к читателям «Вестника» с просьбой о пожертвованиях⁶⁰.

Наиболее системным и масштабным направлением социально-гуманитарной работы РНК стала организация помощи русскому студенчеству и детям. Обосновывалась эта работа как прямой ответ на политику «физического и духовного уничтожения русской интеллигенции» в СССР⁶¹. Практическим шагом стало создание в Париже Комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, председателем которого стал М. М. Федоров, развернувший весьма большую и продуктивную деятельность⁶². Неофициальным названием организации стало «Федоровский комитет» [8]. Значимо, что в его формировании участвовало большое количество эмигрантских организаций (Русская академическая группа, Финансово-промышленный союз, Земско-городское объединение и др.), что демонстрировало способность РНК консолидировать эмиграцию вокруг конкретных задач⁶³. Для объединения усилий предпринимались координационные поездки (М. М. Федорова в Прагу, Ю. Ф. Семенова в Лондон) с целью наладить связь с местными отделами и академическими союзами⁶⁴. Публиковались обращения, например, в апреле 1923 года, к са-

мой эмиграции с призывом к пожертвованиям на помощь русской молодежи⁶⁵. Финансовая помощь оценивалась М. М. Федоровым как великая заслуга перед Россией, которая «никогда не забудется»⁶⁶, что делало ее частью национального долга.

П. Д. Долгоруков в «Вестнике РНК» поднимал проблему денационализации детей в иностранной среде. Его программа поддержки национального самосознания посредством создания русских учебных курсов включала не только язык, но и культурный код: конструирование воображаемой родины через классическую литературу, изображение пейзажей и памятников, русский быт. Важно, что эта работа мыслилась не как воспитание шовинизма, а как формирование сильного национального чувства, открытого к «общечеловеческим идеалам» и достижениям западной культуры⁶⁷.

Таким образом, «Вестник РНК» демонстрировал, как Комитет стремился к систематической работе в рамках идеологии «непримиримого центра». Все три обозначенных вектора его деятельности были взаимосвязаны и решали общую главную задачу – сохранение и легитимация «Второй России» как политического и национального целого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ «Вестника РНК» позволяет сделать следующие выводы. Организационно Комитет представлял собой централизованную структуру с активным парижским ядром и слабым интегрированием периферийных отделов в общую работу. Его идеологию определял государственный национализм, сочетавшийся с позицией «непримиримого центра». На практике это выражалось в триаде: внешнеполитическая борьба за легитимность, консолидация эмигрантских сил и масштабная гуманитарно-опекунская работа.

Значение РНК заключается не в практических успехах, которые были ограничены нехваткой ресурсов, а в последовательной попытке сформулировать и реализовать проект консолидации эмиграции на позитивной государственно-созидательной платформе. «Вестник РНК» доказал свою ценность как комплексный источник, позволяющий изучать эту попытку в ее ключевых аспектах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Митрохин В. А. Российская эмиграция: общественная мысль и политическая деятельность: 20–30-е годы XX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2009. С. 3.

² Съезд Русского Национального Объединения. 5–12 июня 1921 года. Париж, [б. г.]. С. 26–27.

- ³ Вестник РНК (далее – ВРНК). 1923–1926. № 1–4, 6–11. Статьи: «Наше лицо», «Наша ставка», «Завоевания революции в русской церкви», «Планы объединения», «Национальное объединение», «Тиранобийство», «Непререкаемая ценность», «Реакция», «Новая интервенция», «О беседе Великого Князя», «Идея Русского Национального Союза», «Кризис Белого движения».
- ⁴ Хроника Русского Национального Союза // ВРНК. 1923–1924. № 1. С. 35–39; № 4. С. 61–64; № 6. С. 42–53; № 9. С. 80–82. Хроника // ВРНК. 1923–1924. № 3. С. 28–31; № 10. С. 157–160. Хроника Русского Национального Комитета // ВРНК. 1924. № 8. С. 63–68. Обращения Русского Национального Комитета к правительствам, общественным организациям, а также к политическим и общественным деятелям // ВРНК. 1926. № 11. С. 60–89.
- ⁵ ВРНК. 1923–1926. № 1–2, 4, 6–11. Статьи: «Деятельность Русского Национального Комитета», «Франция, Россия и Советы», «Принцип соглашения», «Московский проспект», «Процесс Конради и Полунина», «От распада к собиранию», «Смерть Ленина», «Выборы во Франции», «Обзор деятельности Р. Н. Союза (Июнь 1921 – Сентябрь 1924 г.)», «Зарубежный съезд».
- ⁶ Возвращение на родину // ВРНК. 1923. № 1. С. 19–33; Положение России к середине августа 1923 г. // ВРНК. 1923. № 7. С. 13–30. Письма из России // ВРНК. 1924. № 8. С. 34–55.
- ⁷ Воззвание Русского Национального Студенческого Объединения к русскому студенчеству // ВРНК. 1923. № 2. С. 30–31.
- ⁸ К русской молодежи. Доклад М. М. Федорова // ВРНК. 1924. № 10. С. 85–100; Доклады представителей студенческих организаций // ВРНК. 1924. № 10. С. 101–104.
- ⁹ Федоров М. М. Подготовка русской молодежи к предстоящей ей ответственной задаче // ВРНК. 1923. № 1. С. 12–18; Положение русского студенчества за границей // ВРНК. 1923. № 6. С. 36–41.
- ¹⁰ Долгоруков П. Д. Дополнительные русские национальные учебные курсы // ВРНК. 1923. № 3. С. 14–20.
- ¹¹ Русский Национальный Комитет в Югославии // ВРНК. 1923. № 1. С. 42–43.
- ¹² Обращение к Лиге Наций по поводу русских беженцев в Китае // ВРНК. 1923. № 1. С. 40–41.
- ¹³ Катенев Б. Г. Из деятельности Русского Национального Комитета за время после сентябрьской конференции 1924 года // ВРНК. 1926. № 11. С. 55.
- ¹⁴ Хроника Русского Национального Союза // ВРНК. 1923. № 1. С. 41–42; № 4. С. 61–62.
- ¹⁵ Струве П. Б. Памяти В. Д. Набокова // ВРНК. 1923. № 6. С. 10–11.
- ¹⁶ Хроника Русского Национального Союза // ВРНК. 1924. № 9. С. 82.
- ¹⁷ Доклад о деятельности отдела Русского Национального Союза в Королевстве С. Х. С. // ВРНК. 1923. № 2. С. 22–24.
- ¹⁸ Семенов Ю. Ф. Обзор деятельности Русского Национального Союза и обстановки, в которой она протекала // ВРНК. 1924. № 10. С. 13.
- ¹⁹ Карташев А. В. Наше лицо // ВРНК. 1923. № 1. С. 5–6.
- ²⁰ Он же. Планы объединения // ВРНК. 1923. № 4. С. 4.
- ²¹ Он же. Непререкаемая ценность // ВРНК. 1924. № 8. С. 5. Подробно формирование данной идеи А. В. Карташева представлено в статье Н. В. Самовер [11].
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 4.
- ²⁴ Карташев А. В. Наше лицо // ВРНК. 1923. № 1. С. 5.
- ²⁵ Семенов Ю. Ф. Деятельность Русского Национального Союза // ВРНК. 1923. № 1. С. 7.
- ²⁶ Он же. Принцип соглашения // ВРНК. 1923. № 4. С. 41–42.
- ²⁷ Карташев А. В. Планы объединения // ВРНК. 1923. № 4. С. 4.
- ²⁸ Он же. Национальное объединение // ВРНК. 1923. № 6. С. 3.
- ²⁹ Он же. Тиранобийство // ВРНК. 1923. № 7. С. 5–7.
- ³⁰ Он же. Наше лицо // ВРНК. 1923. № 1. С. 6.
- ³¹ Данилов Ю. Н. Несколько мыслей о красной армии // ВРНК. 1923. № 4. С. 57.
- ³² Карташев А. В. Непререкаемая ценность // ВРНК. 1924. № 8. С. 4.
- ³³ Он же. Наше лицо // ВРНК. 1923. № 1. С. 6. Этот аспект отмечен в статье А. В. Антощенко [1].
- ³⁴ Он же. Наша ставка // ВРНК. 1923. № 2. С. 10.
- ³⁵ Он же. Национальное объединение // ВРНК. 1923. № 6. С. 3–4.
- ³⁶ Там же. С. 5.
- ³⁷ Карташев А. В. Наша ставка // ВРНК. 1923. № 2. С. 12.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Карташев А. В. Реакция // ВРНК. 1924. № 8. С. 17.
- ⁴⁰ Семенов Ю. Ф. Деятельность Русского Национального Союза // ВРНК. 1923. № 1. С. 9.
- ⁴¹ Он же. Обзор деятельности Русского Национального Союза и обстановки, в которой она протекала // ВРНК. 1924. № 10. С. 48.
- ⁴² Он же. Обзор деятельности Русского Национального Союза и обстановки, в которой она протекала // ВРНК. 1924. № 10. С. 33–34.
- ⁴³ Он же. Франция, Россия и Советы // Вестник РНК. 1923. № 2. С. 13–21; Выборы во Франции // ВРНК. 1924. № 9. С. 51–58.

- ⁴⁴ Он же. Московский проспект (Письмо из Берлина) // ВРНК. 1923. № 6. С. 18–20.
- ⁴⁵ Тыркова А. В. Революция или Конституция (Письмо из Лондона) // ВРНК. 1924. № 8. С. 32.
- ⁴⁶ Возвращение на Родину // ВРНК. 1923. № 1. С. 19–33.
- ⁴⁷ Воззвание Р.Н.К-ТА. по поводу вывоза хлеба из России. К правительствам и народам всего мира // ВРНК. 1923. № 1. С. 34–35.
- ⁴⁸ Религиозные преследования в России. Протест // ВРНК. 1923. № 3. С. 32–35.
- ⁴⁹ Приблизительный учет урожая в России в 1923 году // ВРНК. № 6. С. 25–35.
- ⁵⁰ Съезд русских инженеров // ВРНК. 1923. № 2. С. 25–29.
- ⁵¹ Торгово-промышленная конференция // ВРНК. 1923. № 7. С. 55–56.
- ⁵² Деятельность О.Р.Э.С.О. // ВРНК. 1923. № 6. С. 56–57.
- ⁵³ Обращение Русского Национального Комитета в Лондоне к Лорду Роберту Сесиллю по вопросу о деятельности Комиссара Лиги Наций, Ф. Нансена // ВРНК. 1923. № 4. С. 61–64.
- ⁵⁴ Там же. С. 62.
- ⁵⁵ Меморандум Русского Национального Комитета Лиге Наций (К сессии 1923 года) // ВРНК. 1923. № 6. С. 44–45.
- ⁵⁶ Русский Национальный Комитет в Югославии // ВРНК. 1923. № 1. С. 42.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Комитет помощи русским инвалидам // ВРНК. 1923. № 2. С. 31–32.
- ⁵⁹ Там же. С. 31.
- ⁶⁰ Воззвание о помощи инвалидам // ВРНК. 1923. № 7. С. 3–4.
- ⁶¹ Федоров М. М. Подготовка русской молодежи к предстоящей ей ответственной задаче // ВРНК. 1923. № 1. С. 12.
- ⁶² Там же. С. 12–18.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. С. 15–18.
- ⁶⁵ Обращение Центрального Комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей // ВРНК. 1923. № 2. С. 24–25.
- ⁶⁶ Федоров М. М. Положение русского студенчества за границей // ВРНК. 1923. № 6. С. 41.
- ⁶⁷ Долгоруков П. Д. Дополнительные русские национальные учебные курсы // ВРНК. 1923. № 3. С. 14–20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А. В. О центристской позиции А. В. Карташева в начале 1920-х гг. // Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв.: Материалы междунар. науч. конф. 9–10 октября 2020 г. г. Орёл / Под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. Д. В. Аронова. Орёл: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2020. С. 238–245.
2. Антропов О. К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008. 326 с.
3. Бочарова З. С. Роль русской эмиграции 1920–1930-х годов в становлении универсального статуса беженцев // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 116–132.
4. Бочарова З. С. Социальная помощь российским беженцам в 1920–1930-е годы // Русское зарубежье: история и современность. 2016. Т. 5. С. 59–119.
5. Бочарова З. С. Феномен зарубежной России 1920–30-х годов и его основные факторы // Берегиня. 777. Сова. Научный журнал. 2016. № 2 (29). С. 79–91.
6. Ганичев Л. А. Историческая миссия, образ и судьба первой русской эмиграции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2025. Вып. 2. С. 157–168.
7. Жданова Г. В. Идеино-политические течения русского зарубежья начала XX столетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2010. № 3. С. 64–75.
8. Краснослободцев К. В. «Незамеченное поколение» российских художников-эмигрантов во Франции и Федоровский комитет (1920-е – 1930-е годы) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 118–130.
9. Лысенко А. В. «Новая тактика» в газете русской эмиграции первой волны «Голос России» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2025. № 2. С. 57–79.
10. Мухачев Ю. В. Поревлюционные политические движения Российской эмиграции в 1920–1930-е годы // Русское зарубежье: история и современность. 2014. Вып. 3. С. 5–16.
11. Самивер Н. Галлиполийская мистика А. В. Карташева // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год. М.: ОГИ, 1998. С. 334–396.
12. Смирнов В. И. В. Л. Бурцев и деятельность Русского Национального комитета в эмиграции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 2. С. 74–80.

Поступила в редакцию 11.02.2026; принята к публикации 20.04.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Vladimir A. Kurashov, Postgraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0009-0008-3141-7438; curashov.vladimir@gmail.com

BULLETIN OF THE RUSSIAN NATIONAL COMMITTEE: RECONSTRUCTING THE STRUCTURE, IDEOLOGY, AND PRACTICES OF ÉMIGRÉS' POLITICAL UNIFICATION

Abstract. This article provides the first systematic analysis of the materials of the *Bulletin of the Russian National Committee* (RNC, 1923–1926), the organ of a political organization that claimed a centrist position among the post-revolutionary émigrés from Soviet Russia. The relevance of this study is determined by the insufficient study of the principles of centrism on which the RNC's ideology was built. A systems analysis method is applied to the contents of the periodical to study its self-presentation. The conducted analysis of the *Bulletin's* publications allowed us to characterize the features of the organizational structure, ideological foundations, and areas of activity of the committee. The author demonstrates how the *Bulletin* reflects the centralized structure of the organization, with a dominant role for the governing bodies in Paris and weak representation of peripheral departments. Based on programmatic and journalistic articles, an ideological platform is reconstructed that combined the principles of state nationalism with uncompromising anti-Bolshevism, which the author defines as the position of an “irreconcilable center”. The *Bulletin's* publications highlight three key areas of activity: diplomatic and informational work to legitimize the committee, consolidation of émigré organizations, and social and humanitarian support for refugees. The analysis shows how the publication was used to achieve these goals and shape the RNC's image as a national-state center in exile.

Keywords: *Bulletin of the Russian National Committee*, Russian post-revolutionary émigrés, state nationalism, anti-Bolshevism, political consolidation

For citation: Kurashov, V. A. *Bulletin of the Russian National Committee: reconstructing the structure, ideology, and practices of émigrés' political unification. Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2026;48(4):52–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1317

REFERENCES

1. Antoshchenko, A. V. On the centrist position of A. V. Kartashev in the early 1920s. *Socio-political thought of Russian liberalism in the mid-XVIII – early XX centuries: Proceedings of the international research conference (Orel, 9–10 October 2020)*. Orel, 2020. P. 238–245. (In Russ.)
2. Antropov, O. K. Russian émigrés in search of political unification (1921–1939). Astrakhan, 2008. 326 p. (In Russ.)
3. Bocharova, Z. S. The role of the Russian emigration of the 1920–1930s in the development of universal refugee status. *Dialogue with Time*. 2019;68:116–132. (In Russ.)
4. Bocharova, Z. S. Social assistance to Russian refugees in the 1920s–1930s. *Russian Abroad: History and Modernity*. 2016;5:59–119. (In Russ.)
5. Bocharova, Z. S. The Phenomenon of Russia Abroad in the 1920s–30s and Its Main Factors. *Bereginya. 777. Sova. Nauchnyy zhurnal*. 2016;2(29):79–91. (In Russ.)
6. Ganichev, L. A. Historical mission, image, and fate of the first Russian emigration. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 2025;2:157–168. (In Russ.)
7. Zhdanova, G. V. Ideological-political movements of the Russian emigration at the beginning of XX century. *RUDN Journal of Philosophy*. 2010;3:64–75. (In Russ.)
8. Krasnoslobodtsev, K. V. “The “unnoticed generation” of Russian emigrant artists in France and the Fedorov Committee (1920s–1930s). *The New Historical Bulletin*. 2021;2(68):118–130. (In Russ.)
9. Lysenko, A. V. “New tactics” in the newspaper of the first-wave Russian emigrants “The Voice of Russia”. *Lomonosov Journalism Journal*. 2025;2:57–79. (In Russ.)
10. Mukhachev, Yu. V. Post-revolutionary political movements of the Russian emigration in the 1920s–1930s. *Russian Abroad: History and Modernity*. 2014;3:5–16. (In Russ.)
11. Samover, N. Gallipoli mysticism of A. V. Kartashev. *Studies in the history of Russian thought: Yearbook for 1998*. Moscow, 1998. P. 334–396. (In Russ.)
12. Smirnov, V. I. V. L. Burtsev and the activities of the Russian National Committee in exile. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series “History and Political Sciences”*. 2016;2:74–80. (In Russ.)

Received: 11 February 2026; accepted: 20 April 2026; published: 29 May 2026

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ БОЧКАРЕВ

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение нау-
ки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2679-8503; alexander.bochkariov@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СОСЛОВНОГО СТАТУСА ОЛОНЕЦКИХ СОЛДАТ И ДРАГУН: К ВОПРОСУ О ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В РОССИИ XVII ВЕКА

А н н о т а ц и я . Анализируются последствия социальной трансформации крестьянства Олонецкого уезда после введения в 1649 году солдатской службы. Создание в указанном регионе поселенных полков «нового строя» способствовало формированию особой социальной прослойки, занимавшей промежуточное положение между собственно крестьянами и служилыми людьми. Это явление отражает общероссийскую тенденцию середины XVII века – размывание сословных границ внутри вооруженных сил, что было особенно характерно для беспокойного северо-западного приграничья. Исследование показывает, что привлечение к военной службе крестьян Олонецкого уезда усилило социально-экономическую дифференциацию местного населения, выделяя солдат и драгун из общей массы крестьян. Доказано, что «милитаризация» внутрисословного положения была санкционирована центральной властью и привела к социально-профессиональной консолидации пашенных солдат и драгун. В заключение отмечается, что по своим обязанностям рядовой состав олонцевских полков «нового строя» примыкал к классу военных профессионалов, а по социальной организации – к крестьянам. Это в сочетании с относительно недолгим сроком службы и рядом других факторов не позволило им сформировать отдельную служилую корпорацию, в отличие от военнотружущих подобных частей южных уездов России.

К л ю ч е в ы е с л о в а : военные реформы середины XVII века, олонцевские полки «нового строя», сословная политика, социальная стратификация, служилая корпорация

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 124022000029-0).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бочкарев А. С. Особенности сословного статуса олонцевских солдат и драгун: к вопросу о горизонтальной мобильности в России XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 60–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1320

ВВЕДЕНИЕ

В середине XVII века армия Российского государства переживала значительные технические, организационные, правовые и социальные трансформации. Одним из ключевых векторов многочисленных изменений стало усвоение и адаптация западноевропейского опыта, выраженного главным образом в создании и активном развертывании полков «нового строя» – пехотных и кавалерийских подразделений, находившихся на казенном содержании, вооруженных и обученных в соответствии с современными требованиями. В 1640–1650-е годы расширение источников комплектования дало возможность набирать эти полки из тяглого населения, что соответствовало одной из основ-

ных целей правительства молодого царя Алексея Михайловича Романова – численно увеличить и удешевить вооруженные силы (это было частью общеевропейской «пороховой революции»). Данные процессы привели к возникновению новых реалий в структуре российского общества XVII века, существенно увеличив масштабы социальной мобильности некоторых категорий населения и демократизировав военное дело на этапе становления регулярной армии.

На северо-западных границах социальные трансформации, связанные с военной службой, в наибольшей степени затронули население российской части Карелии. В 1647–1649 годах в Заонежских и Лопских погостах Новгородского уезда была проведена реформа, по результатам

которой данные административно-территориальные образования были выделены в отдельный Олонецкий уезд, а из местных чернососшных крестьян и бобылей сформированы солдатские (1649 год) и драгунские (1652 год) полки. Они несли службу по охране русско-шведской границы, а с началом войны с Речью Посполитой (1654–1667) вошли в состав Новгородского разрядного полка и приняли участие в основных боевых операциях на территории Великого княжества Литовского, Шведской Ливонии и Кексгольмского лена Швеции [1: 58], [9: 133–134]. Военно-административные преобразования в Карелии явились логическим продолжением правительственных мер по укреплению обороноспособности границ силами полков «нового строя», начатых еще в 1630-х годах в зоне южнорусского фронта. В Олонецком уезде введение солдатской и драгунской службы привело к заметной дестабилизации крестьянского мира. Цель данной статьи – рассмотреть ситуацию, когда крестьяне, встав под ружье, приобрели новый социальный статус и сформировали особую прослойку, близкую по своему положению к низшим разрядам служилых людей.

Обозначенная проблема еще не становилась предметом специального исследования. В вопросах влияния солдатской службы на крестьянское сообщество Олонецкого уезда внимание ученых было сосредоточено в основном на метаморфозах повседневной жизни, экономических последствиях службы, демографическом упадке региона, различных формах сопротивления власти и т. п. [1: 107], [7], [16], [24]. Исследователями, начиная с М. М. Богословского¹, в целом признавалась некая двойственность положения карельского крестьянства в период существования олонецких полков «нового строя». Но при подведении общего знаменателя под работами предшественников напрашивается вывод, будто бы, несмотря на «осолдатчивание» и «драгунивание», заонежане и лопляне не приобрели никаких черт служилых людей, а оставались прежними крестьянами, для которых полковая служба была тяжелой и ненужной повинностью. В современных исследованиях о Карелии раннего Нового времени проблема «условности» социальной стратификации также слабо изучена. Д. В. Брусницыной были рассмотрены вопросы определения статуса «охудалого» крестьянина в период службы олонецких полков [1: 38–48], а А. Ю. Жуковым на примере стрельцов, пушкарей и посадских жителей Олонца показана незавершенность оформления сословного статуса российского горожанина в XVII веке [6].

На сегодняшний день остаются нерешенными несколько важных вопросов: произошла ли (и в какой степени) инкорпорация олонецких солдат и драгун в служилое сословие; каковы последствия трансформации крестьянского сообщества в связи с его привлечением к военной службе; уникальны или характерны подобные процессы для Карелии на фоне общественных изменений середины XVII века? Ответы на них внесут определенный вклад в изучение социальной стратификации и горизонтальной мобильности российского общества раннего Нового времени.

Недостаточная разработанность обозначенной темы вынуждает обратиться к исследованиям служилого населения южных уездов России. Здесь вопросы их сословного положения и мобильности изучены более подробно. Отметим работы А. А. Новосельского [17], А. С. Ракитина² и Ю. П. Соловьева [22] о драгунах Комарицкой волости (схожих по комплектованию и организации с олонецкими полками); В. М. Важинского [2] об особенностях землевладения мелких дворян и детей боярских в период строительства Белгородской засечной черты; О. В. Скобелкина [20] о сословной политике государства в отношении служилого сословия юга России во второй половине XVII века. Перечисленная историография дает более четкое представление об упомянутых группах ратных людей и помогает в уточнении и конкретизации некоторых особенностей сословного статуса олонецких солдат и драгун.

Основную часть документальной базы исследования составили неопубликованные материалы фонда Олонецкой воеводской избы из Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Прежде всего речь идет о челобитных крестьян, солдат и драгун; на примере сопоставления лексики их самопрезентации с формуляром изучается вопрос изменения социального положения указанных групп и восприятия обществом произошедших изменений³. Привлечены также документы из коллекции Боярских и городских книг⁴ и фонда Приказных дел старых лет⁵ Российского государственного архива древних актов, связанные с введением статуса «охудалого» крестьянина в Олонецком уезде. В работе использованы и опубликованные источники⁶.

Предваряя дальнейшие рассуждения, важно подчеркнуть, что употребление термина «сословие» в отношении структуры российского общества середины XVII века достаточно условно, поскольку использование данного понятия в научном дискурсе проблематизируется отсут-

ствием подобных определений в русском бытовом и деловом языке рассматриваемого периода. В качестве общих категорий, с помощью которых население России строило свои социальные классификации, были «чин» и «люди». Несмотря на фиксацию Соборным уложением 1649 года структуры российского общества, и в частности выделения в отдельную его главу тех, кто нес военную службу, оно не провело разделения на страты и слои с четкими границами, что и определяет высокую степень социальной мобильности. Сословное устройство более четко стало оформляться лишь в первой четверти XVIII века [5: 127–130], [6: 24–26]⁷.

«МИЛИТАРИЗАЦИЯ» КРЕСТЬЯНСТВА

Государевы служилые люди, образующие личный состав армии, в социальной структуре Русского царства XVII века занимали первенствующее место. В историографии их принято разделять на две большие категории: «по отечеству» и «по прибору». В первую группу – ядро сотенной организации – входили бояре, окольные, стольники, стряпчие, московские дворяне, дворовые и городские дети боярские; они получали за службу поместные оклады и чины, а сама их служба была наследственной. Вторая группа – московские и городские стрельцы, казаки, пушкарки, затынщики, воротники, рейтары, драгуны и солдаты – переходное звено между наследственным дворянством и тяглым населением; набиралась из вольных и посадских людей, крестьян и беспоместных детей боярских, обеспечивалась денежным жалованьем и мелкими земельными дачами. Служилое сословие не являлось однородным, но ему были присущи три важнейших маркера, отделявшие его от других групп населения: это обязательство военной службы, право на привилегированное землевладение (в различных формах) и налоговый иммунитет (или льготное налогообложение) [5: 320–321], [10: 5], [18: 188–189].

Создание на северо-западных границах олонекских полков «нового строя» хотя и спровоцировало возникновение уникальных для региона социальных вызовов, но опиралось на опыт организации обороны в районе южнорусского фронта. На протяжении XVI–XVII веков на степных окраинах Русского государства в связи с их активной колонизацией, сохранением татарской угрозы и возведением новых засечных черт существовала острая необходимость присутствия постоянной военной силы. Поэтому в первой половине XVII века в ряде южных уездов произошла ликвидация круп-

ного феодального землевладения и были проведены мероприятия по массовому испомещению там мелких дворян и детей боярских в качестве оборонительного ядра «польской украины» [2: 78], [20: 60]. Осознание правительством преимуществ войск «нового строя» в степной войне обусловило в 1638–1647 годах формирование отрядов «кормовых» драгун, набравшихся из «вольных гулящих людей», казаков и солдат-ветеранов Смоленской войны, несших сезонную службу на Белгородской черте [11: 25–29]. Частью процесса увеличения концентрации войск там стало и широкомасштабное привлечение к службе тяглого населения. В 1646–1647 годах крестьяне ряда помещичьих и монастырских вотчин, граничивших с Речью Посполитой и Диким полем, были переписаны в дворцовые и сформировали поселенные драгунские полки для несения постоянной службы в пределах Белгородской черты [8: 132–135]. Самыми многочисленными из них были драгуны дворцовой Комарицкой волости (5500 человек), по ряду черт схожие с олонекскими полками «нового строя» и подчиненные не приказу Большого Дворца (как остальные дворцовые волости), а военному ведомству – Разрядному приказу [11: 31–32, 35], [14: 113], [27].

Важно отметить, что среди историков, так или иначе касавшихся статуса комарицких драгун, есть несколько определений, обозначающих их новое положение после 1646 года. Так, А. В. Чернов [26: 342], В. П. Загоровский [8: 132–135], а вслед за ними С. Т. Минаков и Э. А. Минакова [15: 31] писали о «переводе» комарицких крестьян в драгуны, подразумевая, что те становились частью служилого сословия. Наиболее широкое хождение в советской и российской историографии получило осторожное определение А. А. Новосельским комарицких драгун как «милитаризованных» крестьян, то есть номинально служилых людей «по прибору», а фактически лишь приближенных к этому классу крестьян⁸ [4], [14: 113], [17]. Однако позднее Ю. П. Соловьев попытался опровергнуть тезис о милитаризации и настаивал на перемене сословного статуса комарицан, акцентируя, что государство требовало с них не тягло, а службу [22: 104–105]. В любом случае, привлечение к драгунской службе тяглого населения спровоцировало серьезные социальные сдвиги при сохранении традиционного крестьянского уклада.

Формирование первых солдатских полков в Олонекском уезде в 1649 году также характеризуется специфическими переменами в среде северного черносошного крестьянства. В ходе реа-

лизации проекта местные жители были поделены на две категории: собственно пашенных (то есть взятых от земли, пахоты) солдат, освобожденных от уплаты данных и оброчных денег, и «охудалых», не подлежащих службе, но продолжавших нести тягло, крестьян⁹. Исследователи, сначала Р. Б. Мюллер [16: 131], а затем Т. В. Старостина [24] и А. Ю. Жуков [7: 142], определяли «охудалых» как беднейший слой населения, неспособный экономически обеспечивать собственную службу и поэтому освобожденный от нее. Д. В. Брусницына дополнила эти выводы, уточнив, что в категорию «охудалых» попадали, кроме самых бедных крестьян, старосты, целовальники, увечные и негодные по возрасту солдаты. В случае смерти родственника-солдата в «охудалые» переводились солдатские отцы, братья и племянники (если во дворе больше не было мужчин, годных к службе). Следовательно, деление на пашенных и «охудалых» производилось не только по критерию экономической обеспеченности, но и по наличию или отсутствию во дворах (как бедных, так и зажиточных) мужчин, годных к службе по возрасту и состоянию здоровья [1: 38–48]. Хотя в драгунских поселениях Белгородской черты такого деления, вероятно, не существовало, но зато вопросы фиска на юге и севере решались в сходном ключе. В 1646 году комарицкие драгуны были освобождены от уплаты денежного и медвяного оброка, посопного хлеба, ямских и стрелецких денег, то есть получили налоговый иммунитет (впрочем, регулярно нарушаемый в 1660-е годы) [17]. С введением службы в Олонецком уезде на солдатские семьи также перестал распространяться платеж данных и оброчных денег, в то время как «охудалые» крестьяне несли тягло в обычных объемах, о чем с 1649 года из раза в раз повторяют уездные сметные списки доходов и расходов¹⁰.

Таким образом, разделение жителей Олонцкого уезда после 1 марта 1649 года¹¹ на «охудалых» крестьян и пашенных солдат и освобождение последних от уплаты налогов предопределило дальнейшую социально-экономическую дифференциацию местного населения. При этом нужно иметь в виду, что одним из основных признаков служилого сословия является его относительная обособленность [18: 187–188], а распространившаяся к середине XVII века практика набора полков «нового строя» из черносошного и дворцового крестьянства определенным образом сближала поселенных солдат и драгун с классом военных профессионалов. И в этой связи важно понять, сложилась ли у олончан¹²

корпорация, которую можно расценивать как один из признаков интеграции в этот класс.

По большому счету, «милитаризация» сословного статуса тяглых категорий населения не являлась уникальным явлением для России раннего Нового времени. Уже в начале XVII века существовали примеры ухода в вольные казаки беглых крестьян и холопов: А. Л. Станиславский подчеркивал значение этого шага для человека, который быстро переставал ощущать себя крестьянином [23: 7]. Особенно это было актуально для местностей, где не было условий, обеспечивавших развитие поместной системы [21: 124]. К середине – второй половине XVII века социальная мобильность была характерна для вооруженных сил и осознавалась как норма. Проведение правительством политики сословной мобильности, следствием чего была размытость сословных границ между служилыми и тяглыми, особенно в районе южного фронта, обуславливалось потребностью пополнения армии, что и породило возможность перехода крестьян, стрельцов и казаков не только в солдаты, драгуны или рейтары, но даже в дети боярские. Примером использования такого социального лифта может служить верстание сокольских драгун (завербованных из крестьян) в дети боярские. Как считает А. С. Ракитин, основным фактором, повлиявшим на перемену сословного статуса сокольских драгун, было их иное, чем у набранных с дворцовых территорий, отношение к службе и общее опасение перевода села Соколье из дворцового в помещичье, каким оно и было до 1647 года [19]. Похожая ситуация в конце 1640-х годов наблюдалась и среди болховецких драгун на Белгородской черте, завербованных из вольных и «разных чинов» людей, которые в течение нескольких лет предпринимали попытки добиться их перевода в категорию детей боярских [12: 65]. С другой стороны, массовое испомещение в течение XVII века мелких дворян и детей боярских по южным границам породило различные переходные формы землевладения, эволюционирующие в сторону крестьянского землепользования, что привело в первой четверти XVIII века к складыванию обособленной среди сельского населения сословной группы однодворцев, отличительными признаками которой были одновременно служба в ландмилиции и обязанность платить налоги [2: 164–165], [25: 84]. Тем не менее данные факты не следует понимать как стирание границ между представителями различных страт: удельный вес выходцев из непривилегированных слоев в составе дворянства к середине XVII века составлял не более 3 % [5: 328–331], [25: 84].

ГОСУДАРЕВЫ СЛУГИ

На фоне общероссийских социальных трансформаций не удивительно, что выделение группы пашенных солдат из общей массы черносошных крестьян Олонецкого уезда также «милитаризовало» их внутрисословное положение. Это изменение лучше всего демонстрируют тексты челобитных. Еще в середине XVI века в источниках этого типа, являющихся по своей структуре стройным письменным прошением, составленным строго по формуляру, среди данных об адресанте появляются лексические формулы, выражающие отношения к адресату. У служилых людей такая формула вассальной зависимости имела вид словосочетания «холоп твой», у крестьян – «сирота твой», у женщин – «раба твоя», у священнослужителей и монахов – «богомолец твой», у монахинь – «богомолица твоя» [3: 44]. Это выглядело следующим образом:

«Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу бьет челом твой государев холоп болной салдат Оштинского погоста Ладвенской волости Якушко Микитин»¹³.

Ключевая деталь состоит в том, что указанные фразы не только служили для выражения субординации, подчиненности лицу, к которому обращался челобитчик, но и являлись его социальной характеристикой [3: 49].

В фонде Олонецкой воеводской избы Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН отложились сотни разнообразных прошений, среди которых нами были проанализированы 513 челобитных крестьян, солдат, драгун и их родственников мужского пола, сохранившиеся за 1649–1651 и 1658–1664 годы. В ходе исследования удалось установить, что из общего числа рассмотренных документов есть 150 челобитных, адресантами которых выступают солдаты или драгуны, где применяется формула вассальной зависимости, соответствующая прошением служилых разрядов – «холоп твой»; 315 челобитных крестьян (в том числе старост, захребетников и бобылей) с отвечающим делопроизводственным нормам формуляром «сирота твой»¹⁴.

В документах прослеживаются и некоторые особенности. В частности, были обнаружены восемь коллективных крестьянско-солдатских челобитных с формулой «сирота твой», а также девять челобитных солдатских отцов с той же «шапкой» (впрочем, наличествует одна челобитная солдатского отца с выражением «холоп твой»). Кроме того, в массе документов есть и одна челобитная солдата, в тексте которой одновремен-

но встречаются и «холоп», и «сирота», и одна солдатская без прописи формулы субординации¹⁵. При этом попадают и явные исключения из общепринятой делопроизводственной практики. Это 24 солдатских челобитных с формулой «сирота твой» (вместо необходимой «холоп твой») и четыре крестьянских с формулой «холоп твой» (вместо «сирота твой») ¹⁶. Однако доля этих документов не превышает 5 % и 1 % соответственно от общего числа рассмотренных челобитных. Данные исключения объяснить в точности не представляется возможным. В одних случаях можно предположить неаккуратность или ошибку подьячего, составившего текст челобитной, или адаптацию документооборота в первые годы существования олонечких полков. В других – неопределенное, ожидающее перемены положение челобитчиков (например, прошения об освобождении от службы раненых, «устарелых» и «недорослых» солдат маркируются крестьянской формулой «сирота твой») ¹⁷.

Таким образом, в подавляющем большинстве проанализированных документов челобитные записанных в солдатскую или драгунскую службу лиц имеют формулу адресанта, характерную для служилого сословия, – «холоп твой», в то время как остальные крестьяне Заонежских и Лопских погостов – «охудалые», бобыли, захребетники, старосты и т. п. – сохраняют прежнюю формулу субординации. Следовательно, пашенный солдат или драгун, не выходя за пределы крестьянского сословия, по своим новым обязанностям формально причислялся к разряду служилых людей, превращаясь из сироты государевой в его вооруженного слугу. Более того, важно иметь в виду, что челобитные составлялись не самими солдатами, а подьячими съезжей избы, площадными подьячими, ротными или церковными дьячками, то есть приказными людьми, владеющими навыками ведения делопроизводства, а в более широком смысле – низшими представителями разветвленного аппарата государственного управления. Это говорит именно о внешнем восприятии олонечких солдат и драгун как служилых людей «по прибору» (к слову, принадлежность рейтар, солдат и драгун к приборным чинам признавалась уже на Земском соборе 1642 года [14: 106]). Поэтому «милитаризация» внутрисословного положения записанных в полки крестьян – санкционированный властью шаг, повлекший за собой профессиональную консолидацию солдат и драгун.

НЕУДАВШАЯСЯ СЛУЖИЛАЯ КОРПОРАЦИЯ

Тем не менее эти доводы недостаточны, чтобы уверенно свидетельствовать о существовании

устойчивого и обособленного служилого сообщества олонецких солдат и драгун. Дело в том, что еще с 1648 года согласно царскому указу в Зонежских погостах был введен запрет продавать и закладывать деревенские участки, что означало постепенное введение норм крепостного права¹⁸ [7: 139]. Кроме того, в период пашенной службы наблюдалась своеобразная внутрисословная ситуативная мобильность, когда по результатам рассмотрения челобитной солдат или драгун мог быть признан «охудалым» крестьянином, освобожден от военной службы и обложен тяглом, и наоборот, когда люди из категории «охудалых» переводились в солдаты [1: 40–44]. Наконец, у них отсутствовал важный критерий соответствующей сословной принадлежности – это, по Н. П. Павлову-Сильванскому, «наследственная обособленность», каковая типична для дворян, детей боярских и стрельцов [18: 187]. Олонецкие полки в исторической ретроспективе просуществовали относительно недолго – с 1649 по 1666 год, за эти 17 лет фактор наследственности службы сформироваться не успел. Несмотря на то что рядовой и сержантский состав во всех документах рассматриваемого периода именуется солдатами и драгунами, они все равно оставались частью системы местного самоуправления и с социальной точки зрения были крестьянами. Это коррелирует и с позицией А. Ю. Жукова, который, занимаясь близкой к предмету данного исследования темой – социальным статусом посадских людей Олонца середины XVII–XVIII веков, пришел к выводу, что сословный статус четко не определял обязанности перед государством, в основу формирования тех или иных социальных групп ложился критерий «по обязанностям» [6: 30]. Иными словами, факт существования особой внутрикрестьянской группы олонецких солдат и драгун налицо, но попытка консолидации их в отдельную группу происходила по линии военных обязанностей перед монархом, а не приобретения новых сословных черт, что определяет зыбкость и промежуточность их сословного статуса.

Именно по причине долгой и наследственной по характеру службы в условиях постоянной военной угрозы со стороны Дикого поля большей инкорпорации в служилое сословие достигли комарицкие драгуны. Дело в том, что уже с 1632 года дворцовые комарицкие крестьяне были переведены в «даточные казаки», чье положение было близко к положению родовых ратных людей (впрочем, А. В. Малов склонен считать, что это был вариант даточной службы)¹⁹ [14: 113]. Верстание комаричан в дра-

гуны в 1646 году и их участие в войне с Речью Посполитой 1654–1667 годов ускорило процесс формирования черт социальной идентификации, характерных для служилых людей «по прибору»²⁰. В отличие от олонецких полков, расформированных уже в 1666 году, комарицкие драгунские полки просуществовали до 1679 года, когда во время Русско-турецкой войны 1676–1681 годов были переведены в солдатские [15: 33]. В 1680 году из-за массового дезертирства комаричане были освобождены от полковой службы, однако оставались на положении солдат до конца XVII века [22: 122–125]. Стоит добавить, что при этом волостной строй Комарицкой волости оставался неизменным на протяжении всего столетия [17]. Таким образом, наследственные черты службы комаричан определились почти семьдесятю годами «милитаризации», которые не успели сформироваться за 17 лет у олонецких солдат и драгун.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате вслед за первоначальной социально-экономической дифференциацией черносошного крестьянства Олонецкого уезда был дан старт так и не оформившемуся процессу социально-профессиональной консолидации солдат и драгун и их включения в служилое сословие, выразившемуся в «милитаризации», определившей промежуточность и размытость их сословного статуса. Документально-лексические изменения, закрепившиеся в правовой сфере, хотя и стали отражением восприятия обществом нового положения солдат и драгун, но свидетельствовали лишь о наличии у них военных обязанностей перед государством. Они не исключались из волостной системы самоуправления и сохраняли крестьянский уклад жизни. То есть по своим обязанностям олонецкие пашенные солдаты и драгуны примыкали к служилому сословию, а по социальной организации – к крестьянам. Эта двойственность, неопределенность внутрисословного положения хоть и выделяла олончан из общей массы сельского населения, но в итоге не позволила им сформировать отдельную служилую корпорацию.

Подводя итог, подчеркнем, что военные реформы 1640–1650-х годов стали катализатором социальных изменений внутри различных страт населения России, «либерализовав» сословную политику. По образному выражению Ю. М. Лотмана, «в пестрой картине допетровского общества с его богатством групп и прослоек дворянин и крестьянин еще не сделались полярными фигурами» [13: 21]. Между тем данные трансформации

иницировались и проводились в основном государством в периоды форсированного выполнения важнейших военных и внешнеполитических задач и ограничивались после решения ключевых проблем [20: 64]. С учетом вышесказанного можно резюмировать, что солдаты и драгуны поселенных полков, как олонецких, так и, например, комарицких, имели характерный для России середины XVII века переходный социальный

статус – «милитаризованные» крестьяне являлись одновременно служилой прослойкой. Таким образом, следует говорить не о сближении социального положения пашенных солдат с иными категориями служилых людей, а о конструировании государством посредством этого сближения качественно нового облика вооруженных сил на начальном этапе формирования русской регулярной армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. 1. М.: Издание Императорского университета истории и древностей российских при Московском университете, 1909. С. 144.
- ² Ракитин А. С. Служилое сообщество Севска и Комарицкой волости в системе обороны южного пограничья Московского государства в 20–40-е гг. XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2015. 209 с.
- ³ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – НИА СПбИИ РАН). Ф. 98. К. 1–5.
- ⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 137. Д. 2–4.
- ⁵ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29.
- ⁶ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.; Карелия в XVII веке: Сб. документов. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. 442 с.
- ⁷ Соборное уложение 1649 года... С. 24–27.
- ⁸ Ракитин А. С. Служилое сообщество Севска и Комарицкой волости... С. 60–76.
- ⁹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 14–15; Ф. 137. Оп. 1. Д. 2. Л. 19–19 об., 21 об.–22.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 137. Олоонец. Д. 2. Л. 19–19 об., 21 об.–22; Д. 3. Л. 14–15 об.; Д. 4. Л. 47, 56 об., 87 об.–88, 135 об.–137, 182 об.–183 об., 231–232 об., 281–281 об., 329–330, 380, 469.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 14–15.
- ¹² Так называли не только посадских людей Олонца, но и жителей всего Олонецкого уезда [6: 38].
- ¹³ НИА СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 82. Ст. 50–51.
- ¹⁴ Там же. К. 1–5.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. К. 3. Д. 82. Ст. 18, 46; К. 4. Д. 6. Ст. 1; Д. 91. Ст. 1.
- ¹⁸ Карелия в XVII веке: Сб. документов... С. 70.
- ¹⁹ Ракитин А. С. Служилое сообщество Севска и Комарицкой волости... С. 106–110.
- ²⁰ Там же. С. 72.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусницына Д. В. Полки пашенных солдат в северо-западном российском приграничье (1649–1666). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 107 р. Электронное издание. 1 электрон. опт. диск.
2. Вагинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (по материалам южных уездов России). Воронеж, 1974. 236 с.
3. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. 164 с.
4. Глазатова Е. А., Ракитин А. С. Сокольские драгуны на Белгородской черте. Сказки о количестве поместной земли (1646 г.) // Записки Липецкого областного краеведческого общества. 2013. Вып. 10. С. 149–184.
5. Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования. СПб.: Алетейя, 2018. 722 с.
6. Жуков А. Ю. Крестьянский уклад и военная служба в жизни горожан: город Олоонец в середине XVII–XVIII вв. // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Вып. 3. 2018. С. 23–42.
7. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2003. 256 с.
8. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1969. 291 с.
9. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
10. Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII вв. М.: Квадрига, 2018. 544 с.
11. Курбатов О. А. Драгунский строй на Белгородской черте в 1630-х – начале 1650-х годов // От Донца до Ворсклы. Белгород: Константа, 2016. С. 25–36.
12. Курбатов О. А. Служилые сословия на русских оборонительных линиях XVI–XVII вв. Особенности и закономерности развития // Астраханские Петровские чтения: Материалы VIII Междунар. науч. конф. Астрахань, 2024. С. 62–67.

13. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
14. Малов А. В. Основные проблемы строительства вооруженных сил России. 1613–1689 гг. М.: Квадрига, 2022. 324 с.
15. Минаков С. Т., Минакова Э. А. Комарицкие драгуны генерала Змеёва // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 2 (91). С. 30–35.
16. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII веков. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 175 с.
17. Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине 17 века // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 65–80 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://diderix.petergen.com/lub-nvskj.htm> (дата обращения 25.12.2025).
18. Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. М.: Крафт+, 2000. 288 с.
19. Ракитин А. С. Непослушание драгун Комарицкой волости иноземцам начальным людям 1647 г. // Сборник статей и материалов, посвященный деревне Любошь и местам ее окружающим [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://diderix.petergen.com/rgd-n47.htm> (дата обращения 19.12.2025).
20. Скобелкин О. В. Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй половине XVII века // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 58–65.
21. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 326 с.
22. Соловьев Ю. П. Комарицкие драгуны. Об одной неудавшейся служилой корпорации // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Вып. 12–13. Саратов, 2019. С. 102–126.
23. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 270 с.
24. Старостина Т. В. Пашенные солдаты: к 450-летию русской регулярной армии // Карелия. 2000. № 47 (646). С. 9.
25. Ткачева Н. К. К истории крестьян-однодворцев в XVIII веке // Советские архивы. 1971. № 1. С. 84–87.
26. Чернов А. В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I). М., 1949. 1603 с.
27. Шеламанова Н. Б. Комарицкая волость и Севский уезд в первой половине XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России. М., 1974. С. 191–214 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://diderix.petergen.com/lub-slmv.htm> (дата обращения 25.12.2025).

Поступила в редакцию 26.02.2026; принята к публикации 30.04.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Alexander S. Bochkarev, Cand. Sc. (History), Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-2679-8503; alexander.bochkariov@yandex.ru

FEATURES OF THE ESTATE STATUS OF OLONETS SOLDIERS AND DRAGOONS: REVISITING HORIZONTAL MOBILITY IN SEVENTEENTH-CENTURY RUSSIA

Abstract. The article analyzes the consequences of the social transformation of serf peasants in the Olonets Uyezd following the introduction of soldier service in 1649. The establishment of settled “new model” regiments in this region contributed to the formation of a special social stratum that occupied an intermediate position between peasants and service people. This phenomenon reflects an all-Russian trend in the mid-XVII century – the blurring of estate boundaries within the armed forces, which was particularly characteristic of the turbulent northwestern borderlands. The study shows that the military recruitment of peasants from the Olonets Uyezd intensified the socio-economic differentiation of the local population, distinguishing soldiers and dragoons from the general mass of peasants. It was proven that the “militarization” of intra-estate status was sanctioned by the central authorities and led to the socio-professional consolidation of peasant soldiers and dragoons. The article concludes that in terms of their obligations the rank-and-file of the Olonets “new model” regiments aligned with the class of professional soldiers, while in terms of their social organization they remained connected to peasants. This, combined with a relatively short term of service and a number of other factors, prevented them from forming a separate service class corporation, unlike the servicemen of similar units in the southern uyezds of Russia.

Keywords: mid-seventeenth-century military reforms, Olonets “new model” regiments, class policy, social stratification, service class corporation

Acknowledgements. The study was funded from the federal budget as part of the state research project No 124022000029-0 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Bochkarev, A. S. Features of the estate status of Olonets soldiers and dragoons: revisiting horizontal mobility in seventeenth-century Russia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):60–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1320

REFERENCES

1. Brusniut'syna, D. V. Regiments of peasant soldiers in the northwestern Russian borderland (1649–1666). Petrozavodsk, 2016. 107 p. (In Russ.)
2. Vazhinsky, V. M. Land tenure and the formation of the odnodvortsy community in the XVII century (a study of the southern uyezds of Russia). Voronezh, 1974. 236 p. (In Russ.)
3. Volkov, S. S. Vocabulary of seventeenth-century Russian petitions: structure, traditional etiquette, and stylistic means. Leningrad, 1974. 164 p. (In Russ.)
4. Glazatova, E. A., Rakitin, A. S. Sokolsk dragoons on the Belgorod defense line. Records on the amount of land granted for military service (1646). *Proceedings of the Lipetsk Regional Local History Society*. 2013;10:149–184. (In Russ.)
5. Boundaries and markers of social stratification in Russia, XVII–XX centuries: research vectors. St. Petersburg, 2018. 722 p. (In Russ.)
6. Zhukov, A. Yu. Townspeople's peasant way of life and military service: the town of Olonets in the middle of the 17th and the early 18th centuries. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2018;3:23–42. (In Russ.)
7. Zhukov, A. Yu. Administration and self-government in seventeenth-century Karelia. Veliky Novgorod, 2003. 256 p. (In Russ.)
8. Zagorovsky, V. P. The Belgorod defense line. Voronezh, 1969. 291 p. (In Russ.)
9. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
10. Kozlyakov, V. N. Service people of Russia in the XVI–XVII centuries. Moscow, 2018. 544 p. (In Russ.)
11. Kurbatov, O. A. The dragoon formation on the Belgorod defensive line between the 1630s and the early 1650s. *From the Donets to the Vorskla*. Belgorod, 2016. P. 25–36. (In Russ.)
12. Kurbatov, O. A. Service estates on Russian defense lines in the XVI and XVII centuries. Features and patterns of development. *The Astrakhan Petrov Readings: Proceedings of the VIII international research conference*. Astrakhan, 2024. P. 62–67. (In Russ.)
13. Lotman, Yu. M. Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII–early XIX centuries). St. Petersburg, 1994. 399 p. (In Russ.)
14. Malov, A. V. Main problems of building the armed forces of Russia, 1613–1689. Moscow, 2022. 324 p. (In Russ.)
15. Minakov, S. T., Minakova, E. A. Komaritsky dragoons of General Zmeev. *Scientific Notes of Orel State University*. 2021;2(91):30–35. (In Russ.)
16. Muller, R. B. Essays on the history of Karelia in the XVI and XVII centuries. Petrozavodsk, 1947. 175 p. (In Russ.)
17. Novoselsky, A. A. Palace peasants of the Komaritskaya Volost in the second half of the XVII century. *Issues of history of Russian economy and population*. Moscow, 1961. P. 65–80. Available at: <http://diderix.petergen.com/lub-nvskj.htm> (accessed 25.12.2025). (In Russ.)
18. Pavlov-Silvansky, N. P. The service people of Russian monarchs. Moscow, 2000. 288 p. (In Russ.)
19. Rakitin, A. S. Disobedience of dragoons from the Komaritskaya Volost to foreign commanders (1647). *Collection of articles and materials dedicated to the village of Lyuboshch and its surroundings*. Available at: <http://diderix.petergen.com/rgd-n47.htm> (accessed 19.12.2025). (In Russ.)
20. Skobelkin, O. V. Servicemen at the southern frontier: particular quality of land ownership, land and class state policy at the latter half of the XVII century. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2013;1:58–65. (In Russ.)
21. Skrynnikov, R. G. Socio-political struggle in early-seventeenth-century Russia. Leningrad, 1985. 326 p. (In Russ.)
22. Solovyov, Yu. P. Dragoons from the Komaritskaya Volost. On one failed service class corporation. *Military and historical research in the Volga Region: Collection of research works*. Issue 12–13. Saratov, 2019. P. 102–126. (In Russ.)
23. Stanislavsky, A. L. The civil war in seventeenth-century Russia: The Cossacks at a historical turning point. Moscow, 1990. 270 p. (In Russ.)
24. Starostina, T. V. Peasant soldiers: celebrating the 450th anniversary of the Russian regular army. *Karelia*. 2000;47(646):9. (In Russ.)
25. Tkacheva, N. K. Revisiting the history of odnodvortsy peasants in the XVIII century. *Soviet Archives*. 1971;1:84–87. (In Russ.)
26. Chernov, A. V. Building the armed forces of the Russian state in the XVII century (before Peter the Great). Moscow, 1949. 1603 p. (In Russ.)
27. Shelamanova, N. B. The Komaritsa Volost and the Sevsk Uyezd in the first half of the XVII century. *Issues of history of Russian economy and population*. Moscow, 1974. P. 191–214. Available at: <http://diderix.petergen.com/lub-slmv.htm> (accessed 25.12.2025). (In Russ.)

Received: 26 February 2026; accepted: 30 April 2026; published: 29 May 2026

Научная статья

Отечественная история

DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1321

EDN: EELXWB

УДК 334.732.2(09)(470.22)

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7152-8070; krivfed@yandex.ru

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КРИЖАНОВСКИЙ

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Института прикладных математических исследований

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-3717-2079; andrew.krizhanovsky@gmail.com

МЕЛКИЙ КРЕДИТ И НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАРАБОТКИ КРЕСТЬЯН В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ КАРЕЛИИ

А н н о т а ц и я . Исследуется роль кредитных товариществ в поддержке неземледельческих заработков крестьян в Карелии в начале XX века. Основная гипотеза заключается в том, что эти кооперативные учреждения, созданные в ходе реформы мелкого кредита 1904–1906 годов, стали важным инструментом финансирования кустарных промыслов и отхожих заработков, способствуя усложнению внутреннего экономического строя крестьянских хозяйств. В качестве источника использованы 272 ведомости выданных ссуд из 29 кредитных товариществ Петрозаводского, Повенецкого, Олонецкого и Пудожского уездов за 1911–1917 годы. Применен междисциплинарный метод: полученные из источников статистические сведения были структурированы с помощью Python и визуализированы в открытой среде Google Colab. Анализ показал, что ссуды на ремесленные инструменты, материалы и снаряжение в отход, хотя и составляли небольшую долю в структуре выданных товариществами кредитов, резко возросли в годы Первой мировой войны благодаря росту спроса на наемный труд. Выявлены четыре региональных центра активного кредитования неземледельческих промыслов. Выводы подчеркивают значимость кредитной кооперации в модернизации крестьянского хозяйства. Полученные данные открывают перспективы для расширения исследования на другие уезды губернии и разработки методик оценки реального влияния мелкого сельского кредита на уровень благосостояния крестьян.

К л ю ч е в ы е с л о в а : мелкий кредит, крестьянство, Карелия, Олонецкая губерния, пореформенный период, заработки, промыслы

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН, № 124022000029-0 и 124030100054-6.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кривоноженко А. Ф., Крижановский А. А. Мелкий кредит и неземледельческие заработки крестьян в дореволюционной Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 69–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1321

ВВЕДЕНИЕ

К началу XX века во внутреннем строе крестьянского хозяйства Карелии стали постепенно ускоряться наметившиеся в прежние десятилетия модернизационные процессы. Они проявлялись в медленном, но последовательном усложнении экономических процессов внутри деревни. Так, уже с последней четверти XIX

века менялась базовая модель крестьянского хозяйства: преимущественно натуральное, замкнутое по своему характеру, оно постепенно стало испытывать на себе возрастающее влияние товарно-денежных отношений. Одним из многих визуальных проявлений таких изменений стал рост значения неземледельческих заработков крестьян: от мелкой кустарной промышлен-

ности до работ на лесозаготовках и неземледельческого отхода в другие части империи. Всего, по данным на 1913 год, 46 % крестьянских хозяйств в Олонецкой губернии помимо земледелия занималось другими промыслами¹.

Цель работы – охарактеризовать, насколько эффективно крестьяне в Карелии в начале XX века стали использовать кредитные товарищества для развития неземледельческих заработков в своих хозяйствах. Это отражает и суть поставленной в статье научной проблемы. Новизной данного исследования является использование междисциплинарного подхода для обработки и анализа большого массива статистических данных, которые содержатся в главном проанализированном источнике – ведомостях по выданным кредитными товариществами ссудам (далее – ведомости). Географические рамки статьи ограничены Петрозаводским, Повенецким, Олонецким и Пудожским уездами Олонецкой губернии, территории которых в настоящее время входят в состав Республики Карелия.

В начале XX века проблемы развития кредитной кооперации активно обсуждались в публикациях самого разного характера². В 1912–1915 годах Управление по делам мелкого кредита издавало даже специальный журнал, целиком посвященный этой проблематике, – «Вестник мелкого кредита». В Олонецкой губернии наиболее последовательно популяризировал эти идеи инспектор мелкого кредита В. Ф. Кербицкий³.

В региональной историографии есть ряд специальных исследований по истории экономики Карелии, обобщающие труды по истории региона [2], [4], [5], а также работы, посвященные кредитной кооперации и истории развития промыслов в крае в начале XX века [3], [7]. Однако в этих трудах не найдено отражения роли системы мелкого сельского кредита в финансировании неземледельческих заработков крестьян. В имеющейся отечественной историографии развития дореволюционной системы мелкого сельского кредита, рассматривающей ее в том числе и в региональном аспекте (см., например, [1], [6], [8], [9], [10]), эта тема также не получила пока должного освещения. Тем не менее нельзя сказать, что проблема не изучалась вообще. Так, историки рассматривали общую структуру ссуд, выдаваемых крестьянам учреждениями мелкого кредита. При этом в ходе исследования косвенно затрагивалось и кредитование развития кустарных и ремесленных заработков [8: 176–177, 179].

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

К осени 1917 года основной формой существования мелкого кредита в Олонецкой губер-

нии являлись кредитные товарищества. Из 83 действовавших учреждений мелкого кредита на долю последних приходилось почти 82 %. Значительно реже встречалась другая форма организации мелкого кредита – общественные ссудо-сберегательные кассы. Их к этому времени насчитывалось 10. Продолжали существовать и «старые», открытые еще до реформы 1906 года, учреждения мелкого кредита – вспомогательно-сберегательные кассы, но их оставалось только три⁴.

В Национальном архиве Республики Карелия были выявлены и изучены ведомости 29 кредитных товариществ за 1911–1917 годы. В общей сложности было обработано 272 ведомости⁵. Определенные затруднения при работе с этим источником представляет не унифицированный временной промежуток, за который они составлялись. В одних товариществах они заполнялись каждый месяц, в других – поквартально. В отдельных случаях ведомость составлялась правлением товарищества целиком за истекший год. Отметим встречающиеся случаи небрежного заполнения, пропуски в отчетности за один или несколько месяцев подряд⁶. Несмотря на предписания Управления по делам мелкого кредита, требовавшего регулярной подачи в отделения Государственного банка текущей и годовой отчетности, инспекторам мелкого кредита не всегда удавалось этого добиться от правлений товариществ⁷. Ситуация в Олонецкой губернии не была исключением. Этот факт несколько сужает объем составленной для анализа источниковой базы. Другая сложность при работе с такого рода источниками заключалась в том, что в делах встречались ведомости, в которых по каким-то причинам отсутствовали названия кредитных товариществ. Решение этой проблемы потребовало дополнительной источниковедческой работы.

МЕТОДОЛОГИЯ

Исходные сведения из 272 ведомостей были вручную внесены в электронные таблицы. Параллельно автоматически перепроверялись итоговые суммы, которые указывали счетоводы товариществ. В ряде случаев были обнаружены ошибки. Разница между итоговой суммой после перепроверки и той, которая указывалась счетоводами, могла достигать в отдельных случаях нескольких десятков рублей⁸.

Сформированные электронные таблицы были экспортированы в стандартный открытый формат (CSV). Эта работа проводилась в рамках проекта, размещенного на платформе GitHub⁹.

Специальный скрипт собрал эти разрозненные файлы в единый структурированный набор данных, который стал основой для всех последующих расчетов. На его основе были написаны скрипты на языке Python, которые автоматически строят графики и диаграммы, представленные в статье. Вычисления выполнялись в облачной среде Google Colab. Таким образом, подготовленные графики – не статичные иллюстрации, а результаты прозрачного алгоритма, который любой исследователь может запустить, изменить параметры (например, выбрать другие типы ссуд) и получить обновленные результаты. Это означает, что все желающие могут не только ознакомиться с выводами, но и полностью воспроизвести или развить анализ, используя те же данные и код, доступные в открытом репозитории на GitHub под свободной лицензией. Такой подход обеспечивает проверяемость результатов, а также перспективу улучшения предложенного методологического подхода в ходе его апробирования другими исследователями. Интерпретация полученных при компьютерной обработке статистических данных подразумевала использование и традиционных методов исторического исследования.

КРЕДИТНЫЕ ТОВАРИЩЕСТВА И НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАРАБОТКИ КРЕСТЬЯН

В отличие от традиционного крестьянского полеводства, которое в условиях Карелии не могло иметь товарный характер, неземледельческие заработки приносили в домашний бюджет наличные деньги. Именно эти заработки помогали в течение года сократить негативные последствия от главной проблемы экономики крестьянского двора в дореволюционной Карелии – нехватки оборотных средств. Нужда в живых деньгах в течение года толкала крестьян занимать деньги у деревенских ростовщиков или попадать в другие формы экономической зависимости. На страницах губернской земской печати эта проблема указывалась в качестве одной из наиболее острых в крестьянской среде:

«Положение крестьянина таково, что он нередко сам содействует кулаку-кредитору в его явно незаконных операциях. <...> Да и как быть иначе? Кулак – это почти повсюду единственный человек, у которого как-никак, а можно достать в долг нужные деньги»¹⁰.

В начале XX века был предложен достаточно эффективный механизм обеспечения крестьян дешевым краткосрочным кредитом для поддержания требуемого объема оборотных средств в их хозяйствах. В результате проведен-

ной в 1904–1906 годах реформы системы мелкого сельского кредита в стране появились кредитные товарищества – самоуправляющиеся всеобщественные кредитные организации, действовавшие при экономической поддержке государства. Главным условием получения ссуды в кредитном товариществе стало ее назначение. Согласно законодательным нормам, кредиты должны были выдаваться в первую очередь на производственные нужды крестьян: улучшение качества обрабатываемой земли и орудий труда для ее обработки, покупку скота¹¹. Подразумевалось, что кредитные товарищества также станут инструментом для поддержания развития неземледельческих заработков крестьян.

В Пудожском, Петрозаводском, Повенецком и Олонецком уездах Олонецкой губернии кредитные товарищества начали появляться сравнительно поздно. Первое из них – Шальское кредитное товарищество – было открыто в 1911 году. В последующие шесть лет их количество постоянно росло, и к середине 1917 года на территории Карелии (Пудожский, Повенецкий, Олонецкий и Петрозаводский уезды) существовало 36 кредитных товариществ¹², в районе действия которых находились 20 569 крестьянских дворов¹³. В Кемском уезде Архангельской губернии, территория которого выходит за географические рамки статьи, к 1917 году действовали два кредитных товарищества – Сумское и Сорокское¹⁴.

Как правило, район действия одного товарищества совпадал с волостными границами, а его правление находилось в волостном центре. Исключением стали Авдеевская и Великогубская волости, где действовали по два кредитных товарищества, а также Нигижемская и Толвуйская волости – по три.

Текущая и годовая отчетность кредитных товариществ – очень информативные, но пока малоизученные специалистами источники социально-экономического характера, в которых отражены многие аспекты хозяйственной жизни крестьян начала XX века. Помимо регулярно высылаемых для проверки в Петрозаводское отделение Государственного банка годовых отчетов, правления товариществ в течение года заполняли специальные стандартные формы – ведомости по выданным ссудам¹⁵. В них отражалась текущая информация по открытым кредитам.

Статьи, на которые выделялись ссуды, представляли собой самые разные аспекты крестьянского хозяйства. Всего их было 19 (рис. 1).

ВЪ		КОНТОРУ Государственного Банка.		
ОТДѢЛЕНІЕ		ВЪ ДОМОСТЬ		
кредитнаго товарищества по ссудамъ, выданнымъ за		мѣсяцъ 190 г.		
1	2	3	4	5
ПРЕДМЕТЫ ВЫДАЧЪ.		Число ссудъ.	На сумму.	
		Руб.	К.	Болѣе подробныя свѣдѣнія на какія именно предметы выданы ссуды.
1	Покупка земли въ полную собственность.			
2	Постройка, покупка, оборудованіе и ремонтъ предпріятій сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ (мельницъ, маслобоекъ, кузницъ, амбаровъ, сараевъ и т. п.)			
3	Постройки для жилья, покупка ихъ или ремонтъ			
4	Улучшеніе угодій (покупка удобреній, искусственное орошеніе, осушеніе, хорчеваніе и т. п.), устройство плотинъ, прудовъ, садовъ, огородовъ			
5	Покупка и починка орудій для сельскаго хозяйства (машинъ и проч.)			
6	Покупка и починка орудій ремесленнаго, кустарнаго и другихъ промысловъ (слесарные, столярные инструменты, приборы и проч.)			
7	Покупка рабочаго скота и всякихъ домашнихъ животныхъ (лошади, волю, ослы, верблюды, коровы, овцы и т. п.), домашней птицы, пчелы и т. п.			
8	Аренда (земли и другихъ угодій, мельницы, промышленнаго заведенія)			
9	Покупка сѣмянъ для посѣва			
10	Покупка материаловъ ремесленнаго, кустарнаго и другихъ промысловъ (сталь, железо, мѣдь, дерево, сукно, кожа, шерсть, краски и т. п.)			
11	Наемъ машинъ и рабочей силы (рабочихъ, рабочаго скота, электрической и другой энергій), покупка горючаго материала (дровъ, уголь и т. п.)			
12	Покупка разнаго рода товаровъ для продажи			
13	Покупка корма для скота (овесъ, сѣно, отрубы и т. п.)			
14	Снаряженіе въ отхожіе промыслы			
15	Уплата частныхъ долговъ			
16	Переноска выданныхъ т-ву обязательствъ на новыя сроки или на новыя условія			
17	Разныя личныя расходы заемщика и его семьи (продовольствіе, отопленіе, уплата повинностей, свадьбы, похороны, леченіе, воспитаніе дѣтей, свадьбы, удовольствія, мебель, книги и т. п.)			
18	Ссуды подъ залогъ произведеній сельскаго хозяйства и промысловъ			
19	Ссуды подъ залогъ ремесленныхъ и кустарныхъ произведеній			
И Т О Г О				
Члены Правленія		Счетоводъ		

Рис. 1. Стандартная форма ведомости по выданным кредитным товариществом ссудам¹⁶

Figure 1. Standard register form for loans issued by the credit cooperative

Для темы исследования особую ценность представляет анализ объема выдачи ссуд по тем статьям, которые напрямую связаны с кустарными промыслами и работами в отходе: 1) покупка и починка орудий ремесленного, кустарного и других промыслов (слесарные, столярные инструменты, приборы и проч.); 2) покупка материалов ремесленного, кустарного и других промыслов (сталь, железо, медь, дерево, сукно, кожа, шерсть, краски и т. п.); 3) снаряжение в отхожие промыслы. В форме, которая подавалась в отделение Государственного банка (см. рис. 1), они располагались под пунктами 6, 10 и 14 соответственно. В дальнейшем для краткости – «неземледельческие» ссуды.

Отметим также, что с неземледельческими заработками напрямую связан и ряд других категорий ссуд (наем машин и рабочей силы, покупка горючего материала). Кроме того, нами была выделена категория ссуд, которую можно связать

с неземледельческими крестьянскими заработками условно (например, покупка корма для скота, поскольку он мог приобретаться и для работ с лошадью на зимних лесозаготовках).

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

Всего за 1911–1917 годы общая сумма выданных кредитными товариществами ссуд составила 572 923 руб. За редким исключением (в товариществах кредитовались также представители немногочисленной сельской интеллигенции и духовенства) все эти ссуды поступили в крестьянские хозяйства края.

На первом этапе работы было определено место трех интересующих нас статей ссуд в общем объеме выданных кредитов в процентном соотношении. В табл. 1 представлены сводные данные по всем выданным в 1911–1917 годах ссудам, а также по трем категориям «неземледельческих» (в таблице – целевые) ссуд.

Таблица 1

Сводные сведения по всем выданным в 1911–1917 годах ссудам.

Составлено по: см. примеч. 5

Table 1

Summary information on all loans issued during 1911–1917, compiled according to the source referenced in note 5

Год	Всего ссуд	Целевые	%	Всего, руб.	Целевые, руб.	%
1911	165	9	5,5	4 073	538	13,2
1912	1 248	102	8,2	32 775	2 661	8,1
1913	914	22	2,4	24 418	505	2,1
1914	347	41	11,8	7 887	853	10,8
1915	3 925	327	8,3	111 936	12 765	11,4
1916	5 377	453	8,4	204 857	16 825	8,2
1917	2 599	211	8,1	186 977	8 436	4,5
ИТОГО ¹⁷	14 575	1 165	7,9	572 923	42 583	7,4

Анализ ведомостей говорит о том, что «неземледельческие» типы ссуд у крестьян не входили в категории наиболее востребованных. Лишь в 1911 году ссуды на приобретение и ремонт ремесленных инструментов стали третьими по общему объему кредитов, выданных товариществами. На эти цели кредиторами было взято в общей сложности 538 руб., что составило 13,2 % от всех выданных в 1911 году ссуд. Тем не менее в общей структуре выданных ссуд абсолютно преобладали кредиты именно производственного или условно производственного характера. Непроизводственных ссуд было 30 %.

Рассмотрим отдельно динамику выдачи ссуд на отхожие промыслы, ремесленные материалы и инструменты. На рис. 2 видно, что первоначально невысокий спрос на них в 1911–1914 годах стремительно увеличился со второго года

Первой мировой войны. Так, в 1916 году количество выданных ссуд на ремесленные материалы увеличилось в 62 раза по сравнению с 1912 годом, а общий объем выданных денег по этим ссудам увеличился почти в 80 раз.

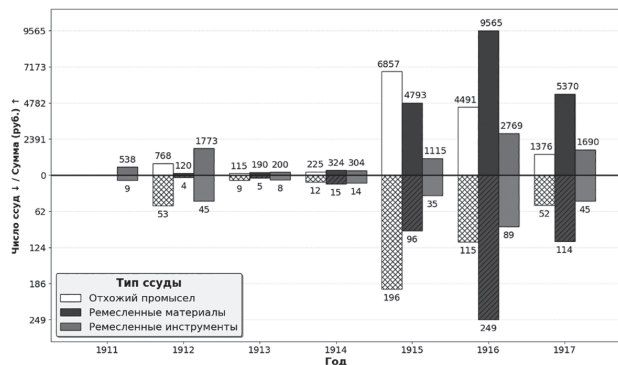

Рис. 2. Динамика выдачи кредитными товариществами трех «неземледельческих» ссуд. Авторская работа. Составлено по: см. примеч. 5

Figure 2. Dynamics of issuing three “non-agricultural” loans by credit cooperatives, drawn by the authors according to the source referenced in note 5

Отдельно сгруппируем и сравним средние показатели выдачи «неземледельческих» (целевых) ссуд за период до Первой мировой войны (сюда же включаем и данные за 1914 год) и в военные годы (табл. 2).

Таблица 2

Средние показатели выдачи «неземледельческих» ссуд в 1911–1914 и 1915–1917 годах.

Составлено по: см. примеч. 5

Table 2

Average issuance rates for “non-agricultural” loans during 1911–1914 and 1915–1917, compiled according to the source referenced in note 5

Показатель	1911–1914	1915–1917	Разница
Среднее число целевых ссуд в год	43,5	330,3	7,6x
Средняя доля числа ссуд (%)	7,0	8,3	1,2x
Средний объем целевых ссуд (руб.)	1 139,2	12 675,3	11,1x
Средняя доля объема ссуд (%)	8,6	8,0	0,9x

Таким образом, статистический анализ выявил парадоксальную динамику неземледельческого кредитования: при сохранении относительно стабильной доли в общем портфеле (8,3 % в среднем за 1911–1917 годы) наблюдалось многократное увеличение абсолютных объемов. Среднегодовой объем трех целевых категорий ссуд в военные годы (1915–1917) составил 12 675 руб. против 1 139 руб. в довоенный период (рост в 11,1 раза). Особенно примечательна трансфор-

мация по ремесленным материалам: их объем вырос с 120 до 9 565 руб. (в 79,7 раза) при увеличении количества ссуд с 4 до 249 (в 62,3 раза).

На наш взгляд, рост кредитования именно в неземледельческих секторах связан с масштабными изменениями на местном рынке труда в этот период. Мобилизация мужчин работоспособного возраста, строительство Мурманской железной дороги и завода по производству азотной кислоты в Кондопоге привели к рекордному для дореволюционной Карелии росту оплаты наемного труда. В этом причина увеличившегося спроса на ссуды для снаряжения в отхожие промыслы (в данном случае – на строительство железной дороги). Масштабное строительство требовало орудий труда, которые изготавливали местные крестьяне-кустари (лопаты, кирпичи, телеги, колеса и т. д.), нуждающиеся в увеличении оборотных средств, вкладываемых в свое производство. Помимо указанных экономических изменений в Олонецкой губернии, нужно учесть и увеличение объема рынка труда во время войны в столичном регионе – традиционном направлении для внекраевого отхода крестьян из дореволюционной Карелии.

Еще одним итогом обработки ведомостей стало выявление четырех центров концентрации кредитных товариществ, в которых отмечалась высокая востребованность рассматриваемых типов ссуд (рис. 3).

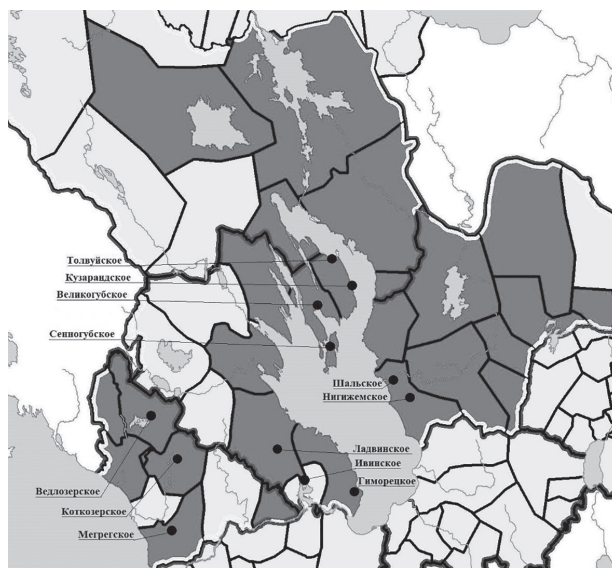

Рис. 3. Кредитные товарищества, в которых наиболее активно выдавались «неземледельческие» ссуды. Авторская работа. Составлено по: см. примеч. 5

Figure 3. Credit cooperatives with the most active issuance of “non-agricultural” loans, drawn by the authors according to the source referenced in note 5

Выделенные группы условно можно назвать Заонежской (Толвуйское, Кузарандское и Великогубское кредитные товарищества), Шальской (Шальское и Нигижемское кредитные товарищества), Южно-Прионежской (Ладвинское, Ивинское и Гиморецкое кредитные товарищества) и Олонецкой (Ведлозерское, Коткозерское и Мегрегское кредитные товарищества). Эти районы традиционно являлись центрами крестьянской мелкой кустарной промышленности, неземледельческих промыслов и внекраевого отхода.

ВЫВОДЫ

Кредитные товарищества играли важную роль в экономической жизни крестьянства Карелии в предреволюционный период. Кредитная кооперация, как и другие формы кооперации вообще, активно проникала в деревню. Число кредитных товариществ стремительно росло. Объем трех проанализированных категорий ссуд оставался сравнительно невелик в общей структуре выданных кредитов. В то же время изученные материалы показали популярность среди крестьян других категорий кредитования, которые напрямую или косвенно были связаны с развитием кустарных промыслов и неземледельческих заработков. Зафиксирована корреляция между наиболее развитыми экономическими

центрами крестьянской жизни и активностью выдачи кредитов именно этого типа. Кроме того, отмечен всплеск выдачи таких ссуд в период Первой мировой войны. Особенно заметен был почти 80-кратный рост объема выданных ссуд на покупку материалов для кустарного промысла и ремесленных заработков по сравнению с довоенным периодом. Такая нелинейная динамика указывает на качественные изменения в экономической адаптации крестьянских хозяйств в условиях экономики военного времени.

К сожалению, статистический материал лишь за семь лет (большая часть которых пришлось на период военного времени с деформированной экономикой) является недостаточным для фиксации устойчивых и достоверно проверяемых тенденций. В то же время полученные результаты указывают на необходимость углубить проблематику изучаемой темы. Так, очевидна значимость расширения источниковой базы за счет изучения ведомостей выданных ссуд в кредитных товариществах, действовавших в Лодейнопольском, Вытегорском и Каргопольском уездах Олонецкой губернии. Кроме того, требуется выработка методологических подходов для эффективной оценки работы кредитных товариществ, то есть того, насколько они в действительности успели повлиять на уровень благосостояния крестьянства в Карелии в начале XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Олонецкая губерния: Статистический справочник / Стат. бюро Олонец. Губ. Земской Управы; Предисл. Вл. Бузина. Петрозаводск: «Северная Скоропечатня» Р. Г. Кац, 1913. С. 47.
- ² См., например: Железнов В. Я. Теория мелкого (кооперативного) кредита. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1912. 85 с.; Хейсин М. Л. Исторический очерк кредитной кооперации в России. Пг.: [Мысль], 1917. 184 с.; Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России. СПб.: Е. Д. Кускова, 1903. 243 с.
- ³ Кербицкий В. Ф. Где можно достать деньги на хозяйственные потребности. Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1911. 21 с.; Кербицкий В. Ф. Кооперативное дело: обзор деятельности кредитных товариществ в Олонецкой губернии за 1912 год // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1913. Т. 1, № 4. С. 255–264.
- ⁴ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 74. Оп. 1. Д. 45/738. Л. 232.
- ⁵ НАРК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 33/552. Л. 39, 41, 44; Д. 33/555. Л. 15, 38, 45; Д. 33/569. Л. 22, 28, 32, 34; Д. 34/577. Л. 10, 24, 40, 48; Д. 34/578. Л. 42, 49, 60; Д. 34/584. Л. 27; Д. 34/587. Л. 29, 33, 39; Д. 34/589. Л. 18, 39, 44, 53; Д. 34/592. Л. 30, 34, 50; Д. 36/614. Л. 27, 33; Д. 36/615. Л. 22, 61, 75, 81; Д. 36/616. Л. 41, 46; Д. 36/618. Л. 7, 48, 61, 69; Д. 36/621. Л. 10, 20, 27; Д. 36а/626. Л. 9, 44, 48; Д. 38/651. Л. 20, 43; Д. 38/653. Л. 67; Д. 44/726. Л. 2, 6, 16, 18, 22, 33, 35, 37, 41, 44, 46, 49, 51, 53, 55, 57, 60, 68, 71, 74, 82, 84, 86–89, 91, 94, 96, 98, 100, 164–192; Д. 45/730. Л. 37; Д. 45а/747. Л. 8, 60, 74, 86, 104, 114–122, 123–128, 129–137, 151; Д. 45а/749. Л. 10, 73, 86, 89, 91, 99, 102, 104, 109, 117–139, 140–148, 150–159; Д. 45а/751. Л. 54, 124–140, 142–150, 171–182; Д. 46/759. Л. 3, 19–24, 31; Д. 46/762. Л. 48, 51, 55, 57, 60, 68–70, 72, 77, 85, 89, 105; Д. 46/763. Л. 3, 259, 265, 288, 302, 342, 352, 357. Результаты всех статистических подсчетов, представленных в статье, базируются на этой источниковой базе.
- ⁶ Данный факт можно объяснить и тем, что эти ведомости не были вовремя составлены правлениями кредитных товариществ, и тем, что по каким-то причинам они не отложились в архивных фондах.
- ⁷ Сборник по мелкому кредиту: (Законоположения, образцовые уставы учреждений мелкого кредита, адм. распоряжения, операц. правила, сенат. решения, практ. советы и указания) / Сост. С. В. Бородаевский. 2-е изд. СПб.: Тип. М. Д. Ломковского, 1909. С. 355.
- ⁸ См., например: НАРК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 45а/751. Л. 171–174.

- ⁹ Loans, Livelihoods, and Local Economies – Russia, 1900s: репозиторий данных и визуализаций по кредитованию в сельской России начала XX века / Comronavt [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://github.com/comronavt/LLLE-R1900s> (дата обращения 08.01.2026).
- ¹⁰ Копятевич В. О мелком кредите и кредитных товариществах // Вестник Олонецкого губернского земства. 1907. № 7. С. 10.
- ¹¹ Подробнее о примерах производственных и непроизводственных ссуд в контексте крестьянских хозяйств см.: Анциферов А. Н. Кооперативный кредит. М., 1918. С. 6–7.
- ¹² Кроме кредитных товариществ в Петрозаводском уезде действовала одна, а в Повенецком – две общественные ссудо-сберегательные кассы. Анализ их влияния на развитие неземледельческих заработков крестьян в конкретных местностях выходит за рамки статьи.
- ¹³ Подсчитано по: НАРК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 46/760. Л. 1–8 об.
- ¹⁴ Памятная книжка Архангельской губернии на 1916 год / Издание Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск: Губ. тип., 1916. С. 57.
- ¹⁵ Сборник по мелкому кредиту... С. 347, 352.
- ¹⁶ Там же. С. 352.
- ¹⁷ Проценты в строке «ИТОГО» рассчитаны как отношение суммы целевых показателей к сумме всех показателей за период 1911–1917 годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Я. А. Эволюция региональных кредитных учреждений (на примере Новгородской губернии XIX – начала XX в.) // Экономическая история: ежегодник. 2021. Т. 2020. С. 207–248.
2. Государственный банк. 100 лет в Карелии: история, имена и судьбы. Петрозаводск: Острова, 2010. 391 с.
3. Дианова Е. В. Кредитная кооперация Карелии и Германии начала XX века: точки соприкосновения // Карелия и Германия: на пути мира и сотрудничества. Петрозаводск: КГПУ, 2005. С. 66–71.
4. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
5. История экономики Карелии: В 3 кн. Кн. 1. Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. 191 с.
6. Кайдышева Н. Н. Развитие кооперации в Нижнем Тагиле в дореволюционный период: последняя треть XIX – начало XX в. // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2023. № 3. С. 8–25.
7. Корблев Н. А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии, вторая половина XIX – начало XX в. Петрозаводск: ПетроПресс, 2009. 64 с.
8. Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1988. 259 с.
9. Лиджиева И. В. Учреждения мелкого кредита в обществах кочевников Ставропольской губернии XIX – начала XX веков // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 4. С. 451–466. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-451-466
10. Пьянков С. А. Создание и функционирование сельских учреждений мелкого кредита на Урале в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. Вып. 66, № 24 (379). С. 38–49.

Поступила в редакцию 12.01.2026; принята к публикации 06.04.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Alexander F. Krivonozhenko, Cand. Sc. (History), Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-7152-8070; krivfed@yandex.ru

Andrey A. Krizhanovsky, Cand. Sc. (Engineering), Leading Researcher, Institute of Applied Mathematical Research, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-3717-2079; andrew.krizhanovsky@gmail.com

SMALL LOANS AND NON-AGRICULTURAL EARNINGS OF PEASANTS IN PRE-REVOLUTIONARY KARELIA

Abstract. The article examines the role of credit cooperatives in supporting non-agricultural earnings of peasants in Karelia during the early twentieth century. The central hypothesis posits that these cooperative institutions, established as part of the small credit reform in 1904–1906, became a crucial instrument for financing cottage industries and seasonal off-farm labor, thereby contributing to the increasing complexity of peasants' internal economic structures. The study draws on 272 loan issuance statements from 29 credit cooperatives in the Petrozavodsk, Povenets, Olonets, and Pudozh districts covering the period between 1911 and 1917. An interdisciplinary methodology was employed:

statistical data extracted from the sources were structured using Python and visualized in the Google Colab environment. The analysis revealed that loans for artisanal tools, materials, and supplies for seasonal migration, while constituting a relatively small share of total cooperative lending, rose sharply during World War I due to increased demand for hired labor. Four regional hubs of active credit provision for non-agricultural pursuits were identified. The findings underscore the significance of credit cooperation in the modernization of peasant households. The resulting dataset provides promising prospects for expanding the research to other districts of the province and for developing methodologies to assess the actual impact of rural microcredit on peasant welfare levels.

Key words: small loans, peasantry, Karelia, Olonets Province, post-reform period, earnings, crafts

Acknowledgements. The article was written as part of the state research projects No 124022000029-0 and No 124030100054-6 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Krivonozhenko, A. F., Krizhanovsky, A. A. Small loans and non-agricultural earnings of peasants in pre-revolutionary Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):69–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1321

REFERENCES

1. Vasiliev, Ya. A. Evolution of regional credit institutions (on the example of the Novgorod Province of the 19th – early 20th centuries). *Economic History: Yearbook*. 2021;2020:207–248. (In Russ.)
2. The State Bank. 100 years in Karelia: history, names, and destinies. Petrozavodsk, 2010. 391 p. (In Russ.)
3. Dianova, E. V. Credit cooperation between Karelia and Germany in the early XX century: points of contact. *Karelia and Germany: on the path of peace and cooperation*. Petrozavodsk, 2005. P. 66–71. (In Russ.)
4. The history of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
5. The history of Karelia's economy: In 3 books. Book 1. Petrozavodsk, 2005. 191 p. (In Russ.)
6. Kaidysheva, N. N. Development of cooperation in Nizhny Tagil in the pre-revolutionary period: the last third of the XIX – beginning of the XX centuries. *Scientific Notes of NTSSPI. Series: History & Philology*. 2023;3:8–25. (In Russ.)
7. Korablev, N. A. Traditional handicrafts and trades of Karelia during the second half of the XIX and early XX centuries. Petrozavodsk, 2009. 64 p. (In Russ.)
8. Korelin, A. P. Agricultural loans in Russia in the late XIX and early XX centuries. Moscow, 1988. 259 p. (In Russ.)
9. Lidzhiyeva, I. V. Small credit institutions in nomadic societies of Stavropol Governorate in 19th – early 20th centuries. *Scientific Dialogue*. 2023;12(4):451–466. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-451-466 (In Russ.)
10. Pyankov, S. A. Creation and functioning of rural institutions of small credit in the Urals in the late 19th – early 20th century. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015;24(379):38–49. (In Russ.)

Received: 12 January 2026; accepted: 6 April 2026; published: 29 May 2026

Научная статья

Отечественная история

DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1322

EDN: EOFADS

УДК 94(47)

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ РЕЗАНОВ

кандидат исторических наук, ассистент кафедры отечественной истории

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

(Архангельск, Российская Федерация)

andreydmrezanov@yandex.ru

ГЛАВЫ ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1834–1917 ГОДАХ: ОПЫТ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

А н н о т а ц и я . Проводится анализ «коллективной биографии» начальников регионального жандармского ведомства Архангельской губернии с целью выявления основных социальных и кадровых характеристик, которые могли бы считаться существенными. Такая постановка проблемы актуальна в связи с важностью антропологического подхода к рассмотрению исторических процессов, вниманию к личностям и социальным группам. В основе исследования лежит метод просопографического анализа – впервые относительно изучения личного состава жандармерии Архангельской губернии. Выводы о переменах в подходе к назначению кадров можно сформулировать на основе учета различных показателей, например возраста офицеров на момент поступления в Корпус и назначения в регион, наличия опыта пребывания на аналогичной должности, количества последующих назначений и повышений в звании. Выясняется, что кадровая политика Корпуса жандармов по замещению руководящей должности в регионе в разные периоды имела особенности, при этом развивался тренд на «старение» кадров: проходило больше времени от момента становления жандармом до назначения, был более востребован профессиональный опыт, для многих должность стала последней в карьере.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Архангельская губерния, жандармы, жандармский штаб-офицер, губернское жандармское управление, политический сыск, политический надзор, просопографический метод, социальный портрет

Д л я ц и т и р о в а н и я : Резанов А. Д. Главы жандармского управления в Архангельской губернии в 1834–1917 годах: опыт просопографического анализа // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1322

ВВЕДЕНИЕ

Корпус жандармов был учрежден в 1827 году как исполнительный элемент политической полиции, подчинявшийся в этом качестве III Отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Изначально он разделялся на округа, а основной функцией жандармов, представленных на местах губернскими командами, являлся надзор за общим порядком. Только губернский жандармский штаб-офицер, подчиняясь окружному начальнику, был наделен правом организации политического надзора и выполнения иных поручений в рамках охраны государственной безопасности [7: 53].

В 1867 году вышло новое «Положение о Корпусе жандармов» в контексте реформаторской деятельности Александра II и реакции правительства на рост активности революционеров. Оно ликвидировало большинство жандармских округов и преобразовало должность губернского

штаб-офицера в начальника губернского жандармского управления (ГЖУ), а жандармские команды – в строевой состав ГЖУ [11: 42]. Отныне жандармы не были прикреплены к губернскому городу, а могли быть дислоцированы и в уездных пунктах. В состав ГЖУ вводились должности уездных помощников начальника. В отличие от прежнего периода, в подчинении жандармского начальника оказывалось больше офицеров и нижних чинов. Кроме того, в 1871 году жандармы получили право проводить дознания по «государственным преступлениям» [8: 205–206]. Нововведения значительно расширили и усложнили службу региональных жандармских начальников, которые теперь подчинялись непосредственно шефу, за неимением окружных генералов.

Одной из перспектив изучения истории политической полиции Российской империи являются просопографические исследования, заключающиеся в анализе «коллективной био-

графии» выбранной категории функционеров системы. В частности, сравнение кадровой политики при назначении руководителей губернского жандармского ведомства до и после 1867 года. Значительный вклад в анализ социального портрета жандармских штаб-офицеров и начальников ГЖУ внесен томским исследователем П. П. Румянцевым [9], [10], которого можно считать первым, кто на системной основе применил просопографический метод в истории политического сыска, в частности в сибирских губерниях. Впрочем, подобные темы уже освещались в историографии [1: 55–83], [3], [4].

Для более широкого применения метода просопографии в анализе назначений руководящего состава ГЖУ мы предлагаем рассмотреть пример Архангельской губернии, которая ранее в этом контексте не изучалась. Регион интересен тем, что являлся самой северной и обширной губернией европейской части Российской империи, представляя собой малонаселенную «северную окраину» как место политической ссылки. При этом сам Архангельск был весьма важен с военной и экономической точек зрения.

Первым офицером Корпуса жандармов, назначенным в Архангельск, был майор Д. А. Бердяев. С конца 1831 года он служил в столице как жандармский капитан, майорский чин получил вместе с назначением. Был в должности с 23 января 1834 года, а 4 октября выехал в отпуск и более не возвращался¹. Чин капитана относился к обер-офицерскому званию, поэтому для Бердяева Архангельская губерния стала первым опытом службы в качестве штаб-офицера. С 1835 года в Корпусе Бердяев не служил, постов не занимал². Около года должность оставалась вакантной. В дальнейшем местной политической полицией руководили восемь жандармских штаб-офицеров и 14 начальников Архангельского ГЖУ (АГЖУ).

В таблице представлены основные сведения о персоналиях. При восстановлении перечня лиц в качестве источников использовались приказы по Корпусу жандармов, списки личного состава Корпуса, послужные списки офицеров, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Государственном архиве Архангельской области (ГААО).

АРХАНГЕЛЬСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ЖАНДАРМСКИЕ ШТАБ-ОФИЦЕРЫ

Из девяти жандармских штаб-офицеров, служивших в Архангельской губернии, по социальному происхождению семь принадлежали к дворянскому сословию. Подполковник Соро-

кин относился к группе «солдатских детей»³: его отец был, вероятно, крепостным, рекрутированным на службу. Известно образование некоторых офицеров, полученное различным, но характерным для дворян образом: на дому (Горновский), в гимназии (Шульговский), «в частном заведении» (Соколов), в училище и кадетском корпусе (Лакс). Никаких данных о майоре Бердяеве в этом отношении не выявлено.

Хотя жандармерия относилась к кавалерийским войскам, из девяти персоналий только Соколов служил в кавалерии до вступления в Корпус. Горновский перешел в жандармы из флота, Лакс – из артиллерии и преподавания в кадетских корпусах. Остальные прежде служили в пехотных войсках. В частности, характерным было нахождение в гренадерских и егерских полках. Кроме того, Жадовский и Ходнев имели опыт службы в Отдельном корпусе внутренней стражи, к которому в 1817–1836 годах относились и губернские жандармские команды [5: 213–214].

Некоторые штаб-офицеры ранее принимали участие в военных кампаниях: Отечественная война 1812 года и Заграничный поход (Сорокин и Ходнев), подавление Польского восстания 1830–1831 годов (Сетков и Шульговский), Русско-турецкая война 1828–1829 годов (Шульговский), Крымская война (Горновский).

Офицеры входили в Корпус в различном возрасте. Выявлен большой разброс показателей: от раннего становления жандармом (Соколову 28 лет, Шульговскому 29) до весьма позднего (Ходневу 49 лет, Сорокину 45). Остальные переходили в Корпус в возрасте от 33 до 38 лет. Наиболее молодыми штаб-офицерами в Архангельске стали Соколов и Жадовский (33 и 34 года соответственно), самыми зрелыми – Ходнев и Сорокин. При этом повышения возраста архангельского штаб-офицера со временем не наблюдалось, напротив, наметилась тенденция к его снижению.

Для Жадовского, Сорокина и Ходнева должность стала первой на жандармской службе. У Бердяева и Горновского от вступления в Корпус до назначения прошло два и три года соответственно, у прочих – по пять лет. Только у Шульговского показатель намного выше – 12 лет. Это объясняется тем, что он, перейдя в Корпус из пехоты, почти 10 лет служил начальником Бобруйской жандармской команды. Соколов, будучи кавалеристом, избежал такой модели продвижения и сразу стал адъютантом штаб-офицера.

Предполагалось недолгое пребывание штаб-офицеров в должности, чтобы они регулярно обогащали свой опыт знакомством с разными регионами и не могли при этом «обрастать»

Начальники жандармского ведомства Архангельской губернии в 1834–1917 годах
Chiefs of the Arkhangelsk Province Gendarme Department in 1834–1917

ФИО, годы жизни	Период руководства, звание	Срок от вступления в Корпус до назначения
Бердяев Диодор Алексеевич	23.01–4.10.1834; майор	2 года
Жадовский Николай Астафьевич (1801–)	10.09.1835–28.05.1837; майор, 26.02.1837 подполковник	–
Сорокин Семен Никифорович (1792–)	14.12.1837–14.03.1841; подполковник	–
Сетков Пантелеймон Никитич (1798–)	14.03.1841–10.10.1843; полковник	5 лет
Ходнев Семен Иванович (1794–1850)	28.10.1843–12.08.1846; подполковник, 7.04.1846 полковник	–
Шульговский Владимир Николаевич (1805–)	22.05.1847–1.10.1851; майор, 18.07.1850 подполковник	12 лет
Соколов Александр Дмитриевич (1818–1879)	1.10.1851–14.06.1857; майор, 6.05.1852 подполковник	5 лет
Горновский Павел Иванович (1821–1881)	14.06.1857–6.03.1864; подполковник, 16.04.1862 полковник	3 года
Лакс Антон Иванович (1825–1888)	6.03.1864–6.06.1867; подполковник, 16.04.1867 полковник	5 лет
Заранек Антон Онуфриевич (1823–)	6.06.1867–16.04.1872; полковник	9 лет
Воронкевич Александр Анастасьевич	21.07.1872–18.03.1873; полковник	5 лет
Есипов Павел Александрович (1828– предп. 1892)	28.04.1873–5.12.1874; подполковник	8 лет
Щетинин Александр Николаевич (1832–1913)	5.12.1874–24.09.1885; полковник	5 лет
Крестинский Михаил Гаврилович (1838–1900)	5.11.1885–22.03.1888; подполковник	18 лет
Латухин Коронат Андреевич (1831–1916)	22.03.1888–23.05.1892; подполковник, 6.05.1888 полковник	35 лет
Корнев Владимир Дмитриевич (1832–1913)	23.05.1892–20.06.1896; полковник	24 года
Роменский Михаил Александрович (1845–)	8.07.1896–16.01.1898; подполковник, 6.12.1896 полковник	24 года
Семенов Константин Егорович (1845–1903)	16.01.1898–7.02.1900; подполковник, 15.02.1898 полковник	13 лет
Вейтбрехт Александр Александрович (1848–)	7.02.1900–3.06.1905; подполковник, 6.03.1900 полковник	24 года
Соболев Александр Федорович (1854–)	7.06.1905–1.03.1908; полковник	20 лет
Мочалов Николай Илларионович (1863– предп. 1918)	1.03.1908–29.06.1915; полковник, 6.12.1912 генерал-майор	20 лет
Флоринский Евгений Павлович (1866–1920)	29.06.1915–18.05.1916; полковник	20 лет
Кормилев Александр Николаевич (1864–)	18.08.1916–4.03.1917; подполковник, 5.10.1916 полковник	21 год

Источники: ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1914, 2001, 3001, 4159, 8691, 9425; ГАОО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 4843а, 4869, 4883, 4893, 4916, 4975, 4996, 5046, 5049, 5054; Приказы по Отдельному корпусу жандармов за 1834–1836, 1838–1917 гг. СПб., 1834–1917 гг.

ненужными связями [6: 48]. Поэтому многие служили в среднем три года. При Александре II намечается тенденция к более долгому пребыванию, что можно видеть на примере Соколова и особенно Горновского. Последний дольше всех прослужил в Архангельске – почти восемь лет. В то же время меньше всех пробыли в должности первые штаб-офицеры – Бердяев (менее года) и Жадовский (более полутора лет).

До 1867 года наименование должности говорило о том, что она не предназначена для лиц в генеральском чине, и в случае Архангельска этот принцип соблюдался. В руководстве здесь были

представлены все три штаб-офицерских чина. Майорами были назначены Бердяев, Жадовский, Шульговский и Соколов, подполковниками – Сорокин, Ходнев, Горновский и Лакс, полковником – Сетков. Большая часть из них, находясь в Архангельске, были отмечены производством в вышестоящий чин. Относительное большинство штаб-офицеров (кроме Бердяева, Жадовского, Сорокина и Ходнева) в итоге получают звание генерал-майора, перейдя в категорию генералитета.

Большая часть офицеров к моменту назначения в Архангельскую губернию не имели опы-

та руководства политическим надзором. Прежде в должности жандармского штаб-офицера состояли только Сетков (в соседней Олонецкой губернии), Горновский (в Пензенской) и Лакс (в Пензенской, Гродненской и Ярославской). Майор Соколов до Архангельска был назначен штаб-офицером в Ковенскую губернию, но состоял в должности несколько месяцев, то есть, скорее всего, номинально. Таким образом, только треть архангельских штаб-офицеров имели опыт службы на аналогичной должности в других регионах. При Николае I структура Корпуса и детали службы жандармов находились в процессе организационного становления. До 1827 года в губерниях не было отдельных чинов, ответственных за политический надзор, поэтому не имелось возможности заполнить вакансии опытными кадрами [2: 191]. Логично, что назначения опытных штаб-офицеров приходится преимущественно на период правления Александра II. Причем только подполковник Лакс мог считаться по-настоящему опытным функционером, так как ранее не только был штаб-офицером, но и мог сравнивать ситуацию в разных губерниях.

Примеры развития карьеры штаб-офицеров после службы в Архангельске позволяют сделать вывод, насколько губерния была перспективна в качестве этапа продвижения. Примечательно, что у семи персоналий должность не стала последней в жандармской службе. Полковник Сетков при производстве в генерал-майоры был причислен к МВД, где служил до отставки⁴. Прочие продолжали занимать руководящие должности в рамках жандармского надзора: в одной губернии (Сорокин, Горновский, Ходнев), двух (Жадовский, Шульговский) или трех (Соколов, Лакс). Так, можно сказать, что в практике назначений Архангельская губерния становилась местом службы скорее для перспективных жандармских офицеров. Они могли находиться в должности в течение небольшого или среднего срока, но успевали далее послужить и в других губерниях, повышая опыт руководства и получая новые чины.

На основании проведенного анализа можно представить обобщенный социальный портрет архангельского жандармского штаб-офицера. Родился в дворянской, русской и православной семье, получил хорошее образование и поступил на военную службу. Служил в пехотных частях, гренадерских или егерских, имел опыт боевых действий. В Корпус жандармов вступил в промежутке от 35 до 40 лет, затем примерно через пять лет был назначен в Архангельск, где прослужил три года. Опыта руководства жан-

дармами прежде не имел. Находясь в Архангельской губернии, получил повышение в звании, вскоре перевелся в другой регион. Служил еще в двух губерниях, прежде чем выйти в отставку в звании генерал-майора.

НАЧАЛЬНИКИ АРХАНГЕЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Во второй рассматриваемой категории дворянское происхождение доподлинно известно у семи из 14 персоналий и предполагается еще у четырех, судя по окончанным учебным заведениям. У полковника Соболева допускается мещанское происхождение, так как он окончил уездное училище⁵. Прочие обучались на дому (Щетинин), в кадетских корпусах (Крестинский, Флоринский, Кормилев), военных училищах (Вейтбрехт, Мочалов), гимназии (Латухин), лицее (Коренев). Полковник Заранек был выпускником престижного Пажеского корпуса.

Большинство начальников АГЖУ были русскими и православными. Вейтбрехт являлся лифляндским немцем и лютеранином, а Заранек – католиком, его происхождение могло быть как польским, так и западнорусским (белорусским), учитывая, что Заранек представлял дворянство Витебской губернии⁶. Как и в прежний период, большинство офицеров не имели опыта кавалерийской службы до вступления в Корпус. Из 14 будущих начальников АГЖУ только один подполковник Есипов ранее служил в армейской кавалерии. Большинство поступало в жандармы из пехоты, а Крестинский, Флоринский и Мочалов – из артиллерии (последний из морской). Но к профессиональным кавалеристам можно отнести также Латухина, Роменского и Вейтбрехта, так как они затем служили в жандармских дивизионах.

Офицеры «александровской плеяды» (Заранек, Воронкевич, Щетинин) и последний начальник АГЖУ Кормилев имели опыт службы в гвардейских частях. Воинский путь полковника Щетинина отличался большим разнообразием: он служил во флоте, пехоте и лейб-гвардии в Преображенском полку. Для некоторых персоналий была характерна служба, связанная с внутренним функционированием и снабжением воинских формирований. Так, Есипов до перехода в Корпус был обер-вагенмейстером кавалерийской бригады, а Коренев имел опыт службы батальонным казначеем.

О некоторых начальниках АГЖУ точно известен факт награждения за участие в войнах, однако не всегда удается выявить вид награды. Поэтому остается неясным, принимал ли офицер непосредственное участие в боевых действиях

или служил в местности, находящейся на военном положении. Речь идет о Крымской войне (Есипов, Щетинин, Крестинский, Корнев), подавлении Польского восстания 1863–1864 годов (Есипов и Щетинин), Русско-турецкой войне 1877–1878 годов (Семенов).

Будущие начальники АГЖУ, как ранее штаб-офицеры, вступали в Корпус в разном возрасте. Молодых прежде всего ждала служба в жандармских дивизионах. Так было с Латухиным, который стал жандармом в 21 год, Роменским (26 лет) и Вейтбрехтом (28 лет). Позже такая практика не встречалась: Мочалов и Флоринский, вступившие в Корпус в 24 и 29 лет соответственно, сразу получили должности адъютантов ГЖУ. При этом ни один офицер не перешел в жандармы в возрасте старше 40 лет. Позже прочих это сделали Семенов (39 лет) и Щетинин (37 лет).

Наиболее молодыми руководителями АГЖУ стали офицеры, назначенные при Александре II: Щетинин в 42 года, Заранек в 44 и Есипов в 45. Крестинскому было 47 лет, затем уже ни один из начальников, кроме Мочалова, не вступал в должность, будучи младше 49 лет. Самыми возрастными являлись полковники Корнев (60 лет) и Латухин (56 лет), причем оба были назначены в наиболее стабильный период для губернии и государства в целом. Таким образом, в практике назначения выявлена тенденция к старению кадров после правления Александра II. Единственным «нарушением» стало утверждение Мочалова, которому в 1908 году исполнилось 44 года⁷.

Отметим также увеличение срока, прошедшего от перехода офицера в Корпус до назначения в Архангельскую губернию. Минимальная разница (от пяти до девяти лет) была характерна для первой четверки начальников АГЖУ, ставленников Александра II. Уже для Крестинского промежуток составил 18 лет, а в дальнейшем почти все офицеры назначались спустя 20–24 года после вступления в Корпус. Исключением является полковник Семенов, чей «разрыв» в 13 лет объясняется тем, что он поздно перешел в Корпус и потому быстрее стал начальником ГЖУ. Максимальный срок (35 лет) установлен у Латухина, что связано с его ранним вступлением в жандармский дивизион, который являлся в большей степени военной полицией, нежели политической, при позднем назначении в губернию.

Сроки службы в должности начальника АГЖУ были различными, но в подавляющем большинстве случаев не превышали пяти лет. По-прежнему не нарушалось представление о нежелательности излишне длительной службы на-

чальника ГЖУ в какой-либо губернии. Исключениями стали полковники Щетинин и Мочалов: первый прослужил в Архангельске более десяти лет, второй – более семи. Мочалов, кроме того, единственный из руководителей местных жандармов, кто ранее уже служил в губернии, будучи адъютантом АГЖУ в 1888–1889 годах⁸.

«Положением» 1867 года предусматривалось, что начальниками ГЖУ могут стать чины в звании от майора, однако с развитием штатной структуры Корпуса и преодолением кадрового дефицита стало возможно повысить требования: с 1886 года во главе ГЖУ могли быть лишь полковники и генерал-майоры, а нижестоящие чины должны «исправлять должность»⁹. Большинство начальников АГЖУ на момент назначения пребывали в звании полковника, пятеро получили его вскоре, с утверждением в должности. Только Есипов и Крестинский руководили АГЖУ, находясь в чине подполковника. В случае Крестинского после указа 1886 года может идти речь о нарушении формального требования.

При этом повышения в звании в период службы в регионе не предусматривались. Помимо упомянутых утверждений в должности с чином полковника, полковник Мочалов в 1912 году был произведен в генерал-майоры. Он стал единственным в истории местного жандармского ведомства, кто руководил им в генеральском чине, не выйдя в отставку. Так или иначе, в дальнейшем все персоналии получили звание генерал-майора, кроме Флоринского и Кормилева, так как их продвижение прервала революция 1917 года, упразднившая Корпус. Полковник Воронкевич стал генералом уже вне жандармской службы¹⁰. Как правило, за производством в генерал-майоры либо сразу, либо в скором времени следовала отставка. Только Щетинин в итоге выслужит звание генерал-лейтенанта в Вологде в 1896 году.

У относительного большинства офицеров (восемь из 14) руководство АГЖУ стало первым опытом пребывания в должности начальника губернского управления. Ранее Есипов возглавлял уездные жандармские управления, а Корнев – Шлиссельбургское крепостное, но формально эти структуры не являлись ГЖУ. Руководство ГЖУ стало формально первым и для Заранека, но прежде он был штаб-офицером в нескольких губерниях, поэтому считался опытным функционером.

Опыт службы во главе ГЖУ до назначения в Архангельск имелся у Воронкевича (Бакинская и Плоцкая губернии), Щетинина (Вятская), Латухина (Олонецкая и Тульская). Но наиболее опытными руководителями политического сы-

ска были Мочалов и Флоринский. Первый ранее возглавлял 4 ГЖУ и служил в Петербургском охранном отделении, а второй руководил Туркестанским районным охранным отделением и Пермским ГЖУ¹¹. Четыре начальника (Щетинин, Роменский, Вейтбрехт, Флоринский) имели опыт службы в жандармских полицейских управлениях железных дорог.

Примечательно, что для восьми начальников АГЖУ эта должность по тем или иным причинам стала последней в жандармской карьере. Заранек, Латухин, Коренев и Вейтбрехт после Архангельска увольнялись в отставку. Соболев был прикомандирован к Петербургскому ГЖУ, где пробыл до отставки. Воронкевич вышел из Корпуса жандармов, но продолжил военную службу. Флоринский был переведен на другую должность в Архангельске (единственный подобный случай), а Кормилев застал здесь упразднение Корпуса. Для Крестинского, Семенова и Мочалова губерния стала предпоследним местом службы. Таким образом, активно развить карьеру в дальнейшем удалось только Есипову (возглавлял 2 ГЖУ), Щетинину (3 ГЖУ) и Роменскому (3 ГЖУ, но непродолжительно).

С точки зрения общего статуса назначение в Архангельск не было благотворным для карьеры еще и потому, что здесь не предусматривалось преимуществ в силу отдаленного характера местности. В 1887 году такие преимущества были установлены для военных чинов при службе в разных регионах, в том числе в уездах губернии, кроме Архангельского уезда¹², и не в самом губернском городе, где служили начальники АГЖУ.

Социальный портрет начальника АГЖУ может быть описан в следующих чертах. Родился в дворянской, русской и православной семье, получил образование, включая профессиональное военное. Служил в пехотных частях, но в войнах не участвовал. В промежутке 30–35 лет перешел в жандармы, став адъютантом ГЖУ, позже уездным помощником начальника. Через 20 лет службы как полковник был назначен начальником АГЖУ, в этой должности находился четыре года. Прежде ГЖУ не возглавлял. Находясь в Архангельске, следующего воинского звания не получил. Затем недолго возглавлял еще одно ГЖУ, прежде чем получить чин генерал-майора с отставкой. Таким образом, чаще всего начальниками АГЖУ становились «стандартные» офицеры Корпуса, которые не были искушенными профессионалами политического розыска, и потому начальство не возлагало на них особых надежд, способствуя лишь исправному продвижению по военной службе с результатом в виде выхо-

да на пенсию в генеральском чине. Это можно объяснить тем, что власти считали Архангельскую губернию «спокойной» относительно тех, где политический сыск имел более сильные позиции и разветвленную структуру.

Можно выделить два периода, когда государство обращало на регион более пристальное внимание, что отражалось в кадровой политике. Первый – 1870-е годы, когда по следам ссылки польских мятежников во главу АГЖУ были поставлены такие перспективные офицеры, как Есипов и Щетинин. Первый ранее служил в нестабильных западных губерниях, а второй имел продолжительный опыт военной службы, включая гвардейскую. Второй период почти совпал с последним десятилетием существования Российской империи, когда начальниками АГЖУ стали «розыскные офицеры» Мочалов и Флоринский. В то же время, когда положение было действительно стабильным, АГЖУ руководили офицеры, чья служебная карьера представлялась такой же стабильной и вполне предсказуемой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кадровая политика Корпуса жандармов имела отличительные особенности в разные периоды, что отражало и общие перемены в политике государства. При Николае I Корпус находился в стадии формирования и дальнейшей первичной стабилизации, в первую очередь осуществляя политический надзор и отождествляясь с авторитетом императорской власти. В правление Александра II проходит реформирование политической полиции и окончательная стабилизация ее деятельности. Функционал ГЖУ был расширен и закреплён на уровне закона. Для эпохи Александра III и Николая II, несмотря на дальнейшие нововведения, характерна консервация структур Корпуса в вопросах кадровой политики.

Данные особенности находили отражение в регионе. В частности, постепенно повышался возраст начальников АГЖУ, увеличивался срок от их поступления в Корпус до назначения в губернию, причем после этого их служба на иных должностях в большинстве случаев утрачивала активность. Увеличилось число постов, которые ранее занимали жандармские начальники, что связано с возросшими требованиями к занятию должности главы ГЖУ в плане чина и срока службы, а также наличию опыта политического сыска. Если для офицеров 1834–1867 годов служба в жандармах была одним из этапов общей карьеры (часто завершающим), то в дальнейшем большинство продолжало службу именно в жандармских рядах, проходя в течение десятков

лет путь от обер-офицерских чинов до генералитета.

Общей чертой для периодов 1834–1867 и 1867–1917 годов является сохранение относительно недолгого срока пребывания на должности в Архангельске. Однако если в первый период ротация обосновывалась необходимостью сохранения «беспристрастности» офицеров и потому была самоценной, то в дальнейшем эта идея уже отступила перед конкретными мотивами перемещения. Еще одним постоянным фактором яв-

лялось то, что во главе жандармерии никогда не было уроженцев Архангельской губернии. Здесь не было как такового дворянского сословия и помещичьего землевладения, в то время как большинство офицеров Корпуса были именно дворянами. На этом основании можно считать, что назначение в Архангельск являлось для них не самым желаемым и непростым в плане необходимости обустройства при отсутствии в Архангельске поощрительных условий выхода на пенсию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1508; Приказ от 4 октября 1834 года / Приказы по Отдельному корпусу жандармов за 1834–1836, 1838–1917 гг. СПб., 1834–1917 гг.
- ² «Русский инвалид» № 57 от 5 марта 1835 года. С. 1.
- ³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 4869.
- ⁴ «Русский инвалид» № 226 от 12 октября 1843 года. С. 2.
- ⁵ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, испр. по 13 октября 1911 года. СПб., 1916. С. 239.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1914.
- ⁷ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, испр. по 15 февраля 1916 года. Пг., 1916. С. 227.
- ⁸ Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов, испр. по 15 января 1889 года. СПб., 1889. С. 322.
- ⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 6. № 3936. Штаты и табели. С. 160.
- ¹⁰ «Русский инвалид» № 265 от 8 декабря 1883 года. С. 1.
- ¹¹ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, испр. по 15 февраля 1916 года. Пг., 1916. С. 227, 310.
- ¹² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 7. № 4597. С. 339–350.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов К. Ф. Олонекские люди оружия: из истории губернского жандармского управления. Петрозаводск: Острова, 2021. 271 с.
2. Бибииков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 424 с.
3. Бриль Г. Г., Зайцев Л. Н. Политическая полиция в Костромской губернии и ее кадровый состав в 1826–1867 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 221–227. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-221-227
4. Власов А. Е., Штепа А. В. Начальствующий состав Корпуса жандармов в Калужской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. Исторические науки и археология. 2021. № 4. С. 33–43. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-33-43
5. Колпаков П. А. Внутренняя стража и Отдельный корпус внутренней стражи в 1811–1863 гг.: эволюция организационной структуры военно-полицейских формирований Российской империи // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 206–218.
6. Мухаметов П. А. Принципы и механизмы кадрового отбора сотрудников губернских жандармских управлений во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Уфимского губернского жандармского управления) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 47–49. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_7_47
7. Перегудов А. В. В ногу со временем: преобразование Корпуса жандармов в эпоху Великих реформ // Власть и общество: вопросы взаимодействия в прошлом и настоящем: Материалы XVIII Всерос. науч. конф. (Воронеж, 2 февраля 2024 г.). Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2024. С. 52–57.
8. Рубцов А. А. Корпус жандармов в системе организации следствия по политическим преступлениям в Российской империи в 1870-е годы: между наблюдением и расследованием // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4 (28). С. 204–212.
9. Румянцев П. П. Жандармские штаб-офицеры и начальники губернского жандармского управления в Томской губернии: практика назначения и социальный портрет // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 141–149. DOI: 10.17223/15617793/457/17
10. Румянцев П. П. Социальный портрет начальников жандармского управления в Иркутской губернии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 41. С. 22–30. DOI: 10.26516/2222-9124.2022.41.22
11. Рыжова Ю. В. Жандармская реформа 1867 года в Российской империи и ее историческое значение // Закон и право. 2024. № 12. С. 40–44. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-12-40-44

Original article

Andrey D. Rezanov, Cand. Sc. (History), Assistant, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
andreydmrezanov@yandex.ru

CHIEFS OF THE ARKHANGELSK PROVINCE GENDARME DEPARTMENT IN 1834–1917: A PROSOPOGRAPHIC ANALYSIS

Abstract. The article analyzes the “collective biography” of the chiefs of the regional gendarme department of the Arkhangelsk Province with an aim to identify the main social and personnel characteristics that could be considered significant. This formulation of the problem is relevant due to the importance of an anthropological approach to examining historical processes, which focuses on individuals and social groups. The key research method is prosopographic analysis that is used for the first time to study the gendarme personnel of the Arkhangelsk Province. Conclusions regarding changes in the approach to gendarme personnel appointment rely upon various indicators, including the age of officers at the time of admission to the Gendarme Corps and assignment to the region, experience in a similar role, and the number of subsequent appointments and promotions. It turns out that the personnel policy of the Gendarme Corps for staffing the senior position in the region had its own peculiarities in different periods, while the trend towards “aging” of personnel developed: more time passed from becoming a gendarme to appointment, professional experience was more in demand, and for many gendarmes this position became the last step in their careers.

Keywords: Arkhangelsk Province, gendarmes, gendarme staff officer, provincial gendarme department, political investigation, political supervision, prosopographic method, social portrait

For citation: Rezanov, A. D. Chiefs of the Arkhangelsk Province Gendarme Department in 1834–1917: a prosopographic analysis. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1322

REFERENCES

1. Belousov, K. F. Olonets people of arms: from the history of the provincial gendarme department. Petrozavodsk, 2021. 271 p. (In Russ.)
2. Bibikov, G. N. A. Kh. Benckendorff and the policy of Emperor Nicholas I. Moscow, 2009. 424 p. (In Russ.)
3. Bril, G. G., Zaitsev, L. N. Political police of Kostroma Province and its cadre personnel in 1826–1867. *Vestnik of Kostroma State University*. 2020;26(1):221–227. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-221-227 (In Russ.)
4. Vlasov, A. E., Shtepa, A. V. The commanding staff of the Gendarmes Corps in the Kaluga Province in the second half of the XIX – early XX centuries. *The Bryansk State University Herald. Historical Sciences and Archeology*. 2021;4:33–43. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-33-43 (In Russ.)
5. Kоlпakov, P. A. The Internal Guard and the Separate Corps of the Internal Guard in 1811–1863: the evolution of the organizational structure of military police formations of the Russian Empire. *Scientific Dialogue*. 2016;10(58):206–218. (In Russ.)
6. Mukhametov, P. A. Principles and mechanisms of personnel selection of employees of provincial gendarme departments in the second half of the XIX – early XX centuries (on the example of the Ufa Provincial Gendarme Department). *Law and State: The Theory and Practice*. 2022;7(211):47–49. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_7_47 (In Russ.)
7. Peregudov, A. V. Keeping up with the times: the transformation of the Gendarme Corps in the era of Great Reforms. *Government and society: issues of interaction in the past and the present: Proceedings of the XVIII all-Russian scientific conference (Voronezh, 2 February 2024)*. Voronezh, 2024. P. 52–57. (In Russ.)
8. Rubtsov, A. A. The Special Corps of Gendarmes in the system of organization the investigation of political crimes in the Russian Empire in the 1870s: between observation and investigation. *Petersburg Historical Journal*. 2020;4(28):204–212. (In Russ.)
9. Rummyantsev, P. P. Gendarme staff officers and heads of the Provincial Gendarme Administration in Tomsk Province: the practice of appointment and the social portrait. *Tomsk State University Journal*. 2020;457:141–149. DOI: 10.17223/15617793/457/17 (In Russ.)
10. Rummyantsev, P. P. Social portrait of the chiefs of the Gendarmerie Department in the Irkutsk Province. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”*. 2022;41:22–30. DOI: 10.26516/2222-9124.2022.41.22 (In Russ.)
11. Ryzhova, Yu. V. The gendarme reform of 1867 in the Russian Empire and its historical significance. *Law and Legislation*. 2024;12:40–44. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-12-40-44 (In Russ.)

Received: 13 January 2026; accepted: 6 April 2026; published: 29 May 2026

Научная статья

Отечественная история

DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1323

EDN: ESFVUI

УДК 332.1.(470.22)

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
syrsa@yandex.ru

ИСТОРИЯ ТРЕСТА «КАРЕЛЛЕС»

А н н о т а ц и я . Целью статьи является анализ развития и обобщение опыта работы треста «Кареллес» – ведущего объединения лесной промышленности Карелии в 1922–1937 годах. В условиях нэпа трест быстро наращивал заготовку леса и производство пиломатериалов, начал переоборудование лесопильных заводов, что позволило ему занять второе место в СССР по экспорту леса. Однако экспорт был убыточным, что усилило зависимость от государственных дотаций. Перевод треста в союзное подчинение в 1930 году обеспечил выполнение ключевой для общегосударственных интересов задачи – надежных поставок экспортных пиломатериалов, но закрепил сырьевую направленность производства. Рабочей силой трест обеспечивался за счет платной трудовой повинности колхозников, миграций сезонников извне Карелии, привлечения квалифицированных рабочих из США и Канады. В первой половине 1930-х годов сохранялась высокая доля физического труда, сезонность работ, слабая транспортная инфраструктура, ограниченный уровень социального обеспечения. Недовольство вылилось в огромную текучесть рабочей силы. Создание системы общественного питания, рост барачного строительства снизили протестный импульс, вызванный тяжелыми условиями труда и быта. В то же время проявилось позитивное влияние применения лучковых пил, частичной механизации вывозки древесины, постепенного формирования постоянных кадров. Однако массовые репрессии ослабили эти благоприятные сдвиги и дезорганизовали производство. Накануне войны в лесозаготовительной отрасли Карелии усилилась роль ГУЛАГа.

К л ю ч е в ы е с л о в а : трест «Кареллес», лесозаготовки, сплав, лесопиление, экспорт леса, нэп, форсированная индустриализация

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН, № 124022000029-0.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Филимончик С. Н. История треста «Кареллес» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 85–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1323

ВВЕДЕНИЕ

Значимость исследования советского опыта модернизации промышленности определена тем, что в ходе ее решалась актуальная для России задача преодоления технологического отставания от ведущих стран на основе научно-технического прогресса и укрепления обороноспособности государства. Тогда был взят курс на ускоренное развитие Севера. Опыт промышленного освоения регионов с неблагоприятным климатом, низкой плотностью населения, слабой транспортной инфраструктурой важен для эффективного развития этих территорий сегодня, когда стоят задачи комплексного развития производства, рационального использования и охраны природных ресурсов, обеспечения достойного качества жизни северян.

На протяжении сотен лет лес являлся основой экономики Карелии. В 1920–1930-е годы в лесной отрасли была заложена база для перехода на индустриальный уровень, определены векторы эволюции лесного дела. Наряду с изучением долгосрочных тенденций развития, структурных и функциональных черт всей отрасли, необходима характеристика конкретных хозяйственных субъектов с учетом их характерных черт и признаков. Изучение деятельности основных заготовителей лесных материалов важно для сохранения региональной идентичности, истории населенных мест, в том числе тех, которые уже утрачены, а также истории десятков тысяч семей жителей края.

Основы научного изучения лесной промышленности Советской Карелии заложил в 1930–

1950-е годы И. В. Первозванский, опытный лесовод, сотрудник Госплана республики и первых научных учреждений Карелии [15], [16]. В 1960–1980-х годах историки фокусировали внимание на освоении новой техники, трудовом энтузиазме передовиков соцсоревнования. После десятилетий забвения стал отмечаться вклад в экономику АКССР иностранных рабочих из США и Канады. Наиболее значимы работы В. Г. Макурова, осветившего функции трестов, леспромхозов, механизированных лесопунктов, значение первых шагов по созданию кадрового ядра. С открытием в конце 1980-х – начале 1990-х годов ранее недоступных архивных документов ученым была охарактеризована роль принудительного труда в лесной промышленности Карелии [12], [13]. В 2000-е годы творчески развил проблематику советского периода И. Р. Шегельман, знаток отрасли, долгое время возглавлявший Карельский НИИ лесной промышленности [21].

Сегодня внимание историков сконцентрировано на выявлении сущностных черт лесной промышленности Карелии 1930-х годов. С. Аутио поворотным пунктом в развитии Карелии считает переход лесов в федеральное управление, поскольку он лишил республику ресурсов, изменил механизм принятия экономических решений [22]. Негативные последствия жесткой централизации управления лесной отраслью в период первых пятилеток подчеркивают Ю. М. Килин и И. Р. Такала [9], [20]. И. В. Зыкин отмечает, что, несмотря на рост производства, в 1930-е годы лесная промышленность Карелии сохраняла сырьевую ориентацию [6]. Сформировавшаяся в 1930-е годы модель развития О. И. Кулагин характеризует как «фактор унаследованных особенностей», предопределивший одностороннее развитие лесной отрасли во второй половине XX века [11]. В русле социальной истории на региональных источниках подготовлены ценные исследования о продовольственном обеспечении, жилищных условиях, повседневности работников лесной отрасли [2], [3], [7]. На материалах Карелии эти темы рассматривались Е. В. Диановой [5] и О. И. Кулагиным [10]. Комплексно охарактеризовали социокультурный облик иностранных рабочих в Карелии А. В. Голубев и И. Р. Такала [4]. Социокультурная специфика других групп работников представлена пока фрагментарно. Вехи истории предприятий лесной промышленности освещались известными журналистами [19], научные исследования по этой проблематике отсутствуют.

Целью данной статьи является анализ развития и обобщение опыта работы треста «Кареллес» – ведущего объединения лесной промыш-

ленности Карелии в 1922–1937 годах. Основное внимание будет уделено производственно-технической базе треста, кадровому составу и социально-бытовым условиям жизни работников. Исследование проведено на основе концепции модернизации с использованием историко-генетического, историко-проблемного, биографического методов. Основу источниковой базы составили документы Национального архива Республики Карелия. При анализе информации учитывались неоднократные корректировки цифровых данных, влияние политической ситуации на высказанные суждения, предустановленный вектор сведений о трудовых коллективах. Работа с источниками велась на основе историко-критического метода.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ТРЕСТ «КАРЕЛЛЕС» В УСЛОВИЯХ МНОГОУКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Большинство созданных в годы нэпа на территории Карелии трестов управлялись федеральными органами. ВСНХ РСФСР подчинялись тресты «Северолес» и «Севзаплес», Наркомату путей сообщения РСФСР – «Желлес». В отличие от них трест «Кареллес» находился в ведении правительства Карелии. В первом уставе треста (1925) указывалось, что он действует на основе коммерческого расчета с целью извлечения прибыли. Правление треста назначалось правительством Карелии¹. Для утверждения претендентов требовалось согласие партийной организации².

Первыми руководителями треста стали Василий Тимофеевич Гурьев (1922–1926), Герман Абрамович Саксман (1926–1928), Степан Антонович Соболев (1928–1929). В ходе военных и революционных потрясений будущие руководители треста накопили политический опыт: Гурьев был избран членом Карельского ревкома, Соболев – председателем Олонецкого губисполкома, Саксмана направил на работу в Карелию ЦК Финляндской компартии. В начале нэпа все трое перешли на хозяйственную работу. Гурьев и Саксман руководили Совнархозом, а Соболев работал заместителем председателя треста «Севзаплес», членом правления Кареллеса. Завершив работу председателя правления, Гурьев возглавил Каргосплан³. Саксман был снят с работы из-за пристрастия к спиртному⁴. В 1929 году претензии к Соболеву были связаны с тем, что он не проявил энергии при выдвижении в аппарат рабочих и коммунистов⁵.

Знающих экономику сотрудников не хватало. В конце 1920-х годов из 182 работников аппарата треста высшее образование имели всего пять, среднее – 58 человек, у остальных образо-

вание было не выше начального⁶. Приходилось закрывать глаза на дворянское происхождение, православное мировоззрение, прошлую судимость необходимых работников. В центральный аппарат треста принимали «старослужащих». Ценным сотрудником Кареллеса был признан Б. И. Цоппе – бывший чиновник особых поручений при Костромском губернаторе. В аппарате треста работал сын крупного лесопромышленника, сотрудник фирмы Стюарта Н. В. Савин. Подающим надежды работником считался сын члена правления Онежского пароходного общества В. П. Михеев. Успешно справлялся с работой в аппарате Кареллеса бывший владелец лесозавода Д. С. Парижский⁷. Во время «чистки» 1929 года «старослужащих» стали заменять выдвиженцами.

За 1922–1928 годы заготовка леса выросла с 0,9 млн куб. м до 2,6 млн куб. м в год⁸. Валили деревья топорами и поперечными пилами. Главным орудием сплавщика был багор. По озерам лес продвигали с помощью буксиров. Трест строил непаровые суда⁹.

В распоряжение Кареллеса были переданы лесопильные предприятия. На юге Карелии основную часть продукции давали два лесозавода – Соломенский (построен в 1908 году, до национализации принадлежал британским подданным А. П. Беляеву и Э. Джеллибранду) и Сунский (построен в 1910 году, до национализации им владела фирма «Э. Г. Брандт и К»). Другие предприятия имели старое оборудование.

Трест построил два новых предприятия, оснастив их современным оборудованием. В 1927 году был введен в эксплуатацию лесопильный завод в с. Ильинском. В 1928 году начал работу Лососинский деревообрабатывающий комбинат. В его состав помимо лесопильного завода входили небольшие предприятия глубокой переработки древесины – мебельная фабрика, столярная и лыжная мастерские. Однако передовое предприятие не получило должной противопожарной защиты: в 1928 году сгорела столярная мастерская, в 1934 году та же участь постигла комбинат.

В октябре 1925 года к тресту «Кареллес» отошли предприятия Беломорской Карелии. Важным центром лесопиления являлись заводы № 37–38 в Сороке (бывшие Финляндский и Феникс компании Беляевых). Нарастивали производство восстановленные в 1924 году заводы № 45–46 в с. Ковда (до 1918 года принадлежавшие иностранному подданному К. Стюарту и А. Бергрону). Успешно работал завод № 42 в с. Кереть (до революции им владели предприниматели Савины). На лесозаводах быстро шла замена устаревших механизмов: ежегодно уста-

навливалось от 6 до 13 быстроходных шведских пилорам. В 1928/29 году 11 лесозаводов Кареллеса поставили 759 тыс. куб. м лесоматериалов¹⁰.

Трест добился значимых успехов и одновременно столкнулся с серьезными вызовами. Рос экспорт продукции: в 1927/28 году он составлял 402 тыс. куб. м лесоматериалов¹¹. Себестоимость карельских пиломатериалов была высокой, а продавали их по низким ценам, большой вес экспорта вел к убыткам треста. Он нуждался в государственных субсидиях, вынужден был брать банковские кредиты под высокий процент. Ситуация в Кареллесе не являлась исключительной. Руководители Северолеса К. Х. Данишевский и С. И. Либерман также жаловались на нехватку оборотного капитала и чрезвычайно тяжелые условия кредитов¹².

Быстрый рост лесозаготовок в малонаселенном крае актуализировал проблему рабочих рук. В 1927/28 году Кареллес привлек на лесозаготовки более 17 тыс. человек, на сплав – около 15 тыс. рабочих¹³. Основной рабочей силой являлись местные крестьяне, но без приезжих обойтись не могли: они составляли на заготовках 12 %, на сплаве 20 % работников.

В разгар сезона рабочий день затягивался до 12 часов. Дневной заработок сезонников составлял от 2 до 4 руб. Крестьяне часто были недовольны оплатой труда, могли уйти с работы, если администрация занижала расценки, не платила двойную ставку за работу в праздники, задерживала зарплату [3: 135]. Ночевали работники в избышках с печкой-каменкой или в землянках, летом – в шалашах. Жилье рабочие строили на скорую руку сами и за свой счет. Питались, объединившись по двое-трое, домашними припасами. Хлеб, чай, сахар, шпик продавала кооперация, но из-за товарного дефицита торговля оставалась нестабильной [5].

На лесозаводах Кареллеса в 1928/29 году было занято 4 тыс. работников¹⁴. На предприятиях ввели 8-часовой рабочий день. По договору треста с Наркомздравом работники получали бесплатную медицинскую помощь¹⁵. К 1928 году среднюю зарплату подняли до 63,5 руб., но она не достигала до средней зарплаты промышленных рабочих Карелии (68,6 руб.) [17: 59].

В 1927 году на одного рабочего лесозавода приходилось 2,86 кв. м жилплощади¹⁶. Трест ежегодно строил около 4 тыс. кв. м жилья – небольшие общежития на 50 человек, 8-квартирные дома для семейных рабочих. Жилищные условия немногочисленных новоселов были приемлемыми, но темпы строительства не решали насущную проблему основной массы рабочих.

Достижением треста признавалось строительство рабочих клубов в селах Сорока, Ковда и др.¹⁷

СОЮЗНЫЙ ТРЕСТ «КАРЕЛЛЕС» В УСЛОВИЯХ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ШТУРМА»

В конце 1920-х годов в СССР была поставлена задача в короткий срок обрести технико-экономическую независимость. Внедрение научно-технических достижений ускоряли закупки техники на Западе. Важным источником валюты стал экспорт древесины. В этих условиях трест «Кареллес», занявший второе место в стране по объему экспорта леса, перешел в 1930 году в федеральное ведение. Централизация управления позволяла добиваться роста ключевого для государства показателя независимо от состояния других сфер производства. При этом жесткая централизация ограничивала вариативность действий и учет обстановки на местах.

Внутри Кареллеса повысилась роль первичных хозяйственных организаций. В 1929 году в составе треста был создано 14 леспромхозов (ЛПХ). Они занимались заготовкой и переработкой древесины, эксплуатацией техники, обучали кадры, строили жилье, вели лесное хозяйство.

Рассчитывая на безграничные возможности директив, центр предписал Кареллесу увеличить заготовки до 5,5–5,7 млн куб. м леса¹⁸. Это была невыполнимая задача в условиях технологической отсталости и отсутствия кадровых рабочих. В 1930–1932 годах трест поставлял в среднем 3,6 млн куб. м леса¹⁹. Тем не менее в сравнении с нэпом годовые заготовки выросли.

Руководителями треста в это время стали ближайшие соратники председателя СНК АКССР Э. А. Гюллинга, в разные годы его заместители, Николай Васильевич Архипов (1929–1931) и Александр Николаевич Лесков (1931–1932). Партийных и советских работников массово посылали на лесопункты в помощь администрации²⁰.

В 1930 году ВЦИК и СНК РСФСР разрешили использовать на заготовке леса трудовые повинности. За невыполнение задания сельсовет мог штрафовать крестьян, а при противодействии лесозаготовкам групп хозяйств – возбуждать уголовное преследование [18: 162]. Если прежде ставилась задача сокращать ввоз рабочей силы²¹, то теперь его стали наращивать. Переселенцы трудились добросовестно, но не имели нужной квалификации. В 1929/30 году были травмированы 6 993 рабочих лесной отрасли. Причинами являлись низкая квалификация работников, плохая охрана труда²². Наряду с вербовкой необученных сезонников руководство АКССР добилося разрешения привлечь на договорной основе квалифицированных рабочих преимущественно финской

национальности из США и Канады. За 1931–1934 годы численность иммигрантов в составе Кареллеса выросла с 600 до 1489 человек²³.

В Кареллес поступали американские тракторы и грузовики, но они быстро приходили в негодность – не было ни запасных частей, ни ремонтных рабочих. Основная нагрузка на вывозке древесины ложилась на гужевую силу. На лесозаводах первостепенное внимание уделялось выполнению экспортной программы. В 1932 году по большинству видов продукции трест перевыполнил экспортный план, вывез 380 тыс. куб. м бревен, 58 тыс. куб. м балансов, 68 тыс. куб. м пропсов, 133 тыс. шпал²⁴. При этом отмечались претензии покупателей к качеству продукции [8: 78]. В ответ лесозаводы жаловались на нехватку качественного сырья.

Продолжалось оборудование лесопильных заводов техникой шведских и финских фирм. Совершенствовались паросиловое хозяйство и биржи. Несмотря на это, существенно нарастить выпуск продукции не удавалось²⁵. Современная техника нуждалась в квалифицированном персонале. В 1931 году на лесозаводах работало 179 ИТР, из них специальное образование имели всего 16 человек²⁶. Не справившихся с работой отправляли под суд. Председатель правления треста Лесков писал Гюллингу и прокурору АКССР Н. И. Заводову 9 июня 1931 года:

«Прошу очень вдумчиво и тщательно проанализировать решения судов, т. к., по моему мнению, все же меры пресечения и карательные меры, устанавливаемые приговорами, являются чрезмерно суровыми, вносят страх в ряды технических работников, парализуют инициативу»²⁷.

Рабочей силой лесопильные предприятия были укомплектованы на 70–80 %. Сменяемость рабочих доходила до 100 % и выше²⁸. Высокая текучесть определялась плохими жилищно-бытовыми условиями, полуголодной жизнью. В 1929–1935 годах действовали карточки на продукты, но снабжение шло с перебоями. Трест и кооперация организовали общественное питание для своих работников. В октябре 1931 года на делянках развернули 460 котлопунктов. На Соломенском, Сунском, Сорокском, Кемском лесозаводах работали по две-три столовых, к которым «прикрепляли» до 2 тыс. человек²⁹. В Пудоже и Сороке открыли курсы подготовки поваров. Главной проблемой оставалась нехватка продуктов. Осенью 1931 года директор Ковдского лесозавода № 46 писал начальству о том, что в «столовой рабочего кооператива, кроме селедки, супа с крупой и каши, ничего нет, да еще хлеба к обеду дают по 100–200 г.»³⁰. Трест вынужденно занялся продовольственным

самообеспечением. С 1932 года разделяли земли под зерновое, огородное и парниковое хозяйство. В 1934 году Кареллес содержал 599 голов крупного рогатого скота, 1,8 тыс. свиней, 2,1 тыс. кроликов. Рыболовные артели заготавливали более 1000 т рыбы³¹.

Трест обязан был обеспечить работников жильем. В 1928 году Кареллес имел 38,6 тыс., в 1933 году – 65,3 тыс. кв. м жилья³². Основным видом жилья стали бараки. Это было незавидное жилье: холод, двухъярусные нары вдоль стен, пол, настланный только между койками. В бараках отмечались вспышки желудочно-кишечных инфекций, фиксировались факты проституции и венерических заболеваний³³.

В конце первой пятилетки Наркомлес начал разукрупнять производство. В 1932 году десять лесопильных предприятий образовали трест «Карелдрев». С этого времени Кареллес концентрировался на заготовке древесины. Шпалопиление, добыча живицы имели вспомогательное значение. 15 августа 1935 года был утвержден устав треста как объединения союзного значения, в деятельности которого превалировала сырьевая направленность³⁴. Нарастивая заготовки, хозяйственники существенно ослабили лесокультурные работы. Трест получал на них минимальное финансирование. Из-за нехватки рабочих и низкой оплаты очищали малую часть лесосек³⁵. Часть древесины бросали в лесу и у трассы, оставляли на зимовку в воде³⁶. Лесосбережение в приоритеты не входило.

СЫРЬЕВОЙ ТРЕСТ «КАРЕЛЛЕС» В СЕРЕДИНЕ 1930-х ГОДОВ

В 1934–1936 годах трест ежегодно заготавливал 5,4–5,9 млн куб. м. леса³⁷. Основной рост пришелся на ЛПХ южной Карелии, где активнее применялась механизация, внедрялись более производительные инструменты, быстрее формировались кадры постоянных рабочих [15]. К 1935 году Кареллес имел 7,5 тыс. лучковых пил, 2 тыс. пил «Кроскот», 4 тыс. топоров канадского типа³⁸. На советских заводах были адаптированы для массового производства американские модели машин. К 1936 году в Кареллесе имелось 106 тракторов «Сталинец-60», 115 грузовиков ГАЗ, ЗИС, АМО. Поддерживался в рабочем состоянии лесосплавный флот. В 1935 году помимо лодок трест имел 19 собственных пароходов и еще пять арендовал³⁹.

Численность работников основного производства за 1933–1936 годы выросла с 17,3 тыс. до 21,3 тыс. человек⁴⁰. Большинство рабочих составляли сезонники. ЛПХ заключали с колхозами договоры, в которых закреплялись объ-

ем работ и оплата труда, до 1938 года более низкая, чем кадровых рабочих. В письме Сталину и Молотову 13 декабря 1934 года Э. А. Гюллинг и Г. С. Ровио признавали:

«В отдельных районах на лесозаготовки привлекается трудоспособное сельское население в таких размерах, которые создают крупнейший ущерб интересам остальных отраслей народного хозяйства»⁴¹.

С декабря 1933 по январь 1937 года численность кадровых рабочих выросла с 3 тыс. до 5,9 тыс. человек. Более четверти постоянных кадров составляли иностранные рабочие. Больше всего их трудилось в Петрозаводском и Кондопожском ЛПХ. Средняя выработка иммигрантов превышала средние по Карелии нормы в 3–4 раза⁴². На делянки, где трудились иностранные рабочие, постоянно приезжали учиться местные лесорубы. Приемы работы американских лесорубов изучала лесная секция КарНИИ, Карельский филиал Центрального НИИ механизации и энергетики лесной промышленности. Лесопункты, где трудились иностранные рабочие, становились «лабораторией для всего СССР»⁴³.

К 1933 году была введена новая тарифная система оплаты труда, снижавшая уравниловку. Более успешно материальные стимулы стали действовать с началом стахановского движения. Зарботки стахановцев были в два-пять раз выше средней зарплаты промышленных рабочих (в 1936 году она составляла 216 руб. [17: 59]).

Квалифицированных рабочих готовили школы ФЗУ в Сороке, Ильинском, Ухте. Трест финансово поддерживал лесной техникум, и он впервые развернул подготовку специалистов сплава, лесозаготовок, лесопиления. За годы первых пятилеток техникум подготовил 388 специалистов лесной отрасли [1: 15, 16]. На работу прибывали выпускники ленинградских вузов. С 1934 года трест возглавляли управленцы с высшим образованием. Георгий Иванович Валлин окончил Институт народного хозяйства им. Плеханова по специальности «инженер-экономист». В 1930 году он прошел 4-месячную стажировку в Соединенных Штатах Америки и Канаде с целью изучения достижений лесной промышленности⁴⁴. Последним в истории треста руководителем стал Федор Родионович Иванов – в молодости политработник и чекист, в 1935 году окончивший Лесотехническую академию по специальности «лесоэксплуатация». Учебу он совмещал с работой в должности управляющего трестом «Севзаптранлес»⁴⁵.

Для постоянных рабочих развернули строительство 12 поселков, где предусматривался регулярный характер застройки, возводилось более качественное жилье, а также культурные цен-

тры – клубы, школы, бытовые объекты (пекарни, столовые, бани), отводились земельные участки под огороды и подсобное хозяйство⁴⁶. Однако из-за недостаточного финансирования строительство затягивалось, поселки строились без расчета запасов деловой древесины⁴⁷.

В качестве маяков для всей отрасли рассматривались поселки, обустроенные иммигрантами. «Лучшим в Карелии и одним из лучших в Союзе» печать называла пос. Матросы⁴⁸. Кадровые рабочие лесопункта были обеспечены отдельными квартирами в новых домах, снабженных электричеством и радиоточками. Своими силами в поселке проложили водопровод. Из отборного бруса построили просторный клуб, и жители получили возможность смотреть звуковое кино, спектакли Национального театра Карелии. Спортсмены из Матросов успешно выступали на Всекарельских соревнованиях, в первенстве СССР по греко-римской борьбе.

Однако положительные сдвиги выглядели скромными на фоне нерешенных проблем. Политическое руководство не желало признавать издержки экономической политики, стремилось объяснить трудности «изменой» конкретных людей. В преддверии новой войны в Европе мигрантов из западных стран бездоказательно обвиняли в шпионаже, в пропаганде враждебной идеологии. В леспромпхозах прокатилась массовая волна арестов кадровых рабочих-финнов. Ужесточался политический контроль над аппаратом треста. В 1934 году управляющим Кареллеса назначили секретаря Медвежьегорского райкома партии Георгия Пахомовича Шерешкова, поручив ему изгнать «чуждые элементы». Выполнив задание, он вернулся на партийную работу⁴⁹, а в 1935 году УНКВД докладывало, что аппарат Кареллеса вновь засорен «чуждыми элементами» [14: 244–246]. За время действия приказа 00447 в Карелии было арестовано 127 ответственных работников треста «Кареллес»⁵⁰. Погибли все руководители треста. Умер под пытками Саксман, были расстреляны Гурьев, Лесков, Архипов, Шерешков, Валлин, Иванов. Изгнанных замещали выпускниками советских техникумов и вузов. Выпускников было еще немного, поэтому после репрессий хлынула новая волна выдвигенчества.

В октябре 1937 года трест «Кареллес» прекратил работу, на его базе были созданы тресты «Южкареллес» и «Севкареллес». Разукрупнение производства в условиях кадровых чисток не привело к существенному росту производства

в трестах Наркомлеса. В 1937 году они заготовили 5,3 млн куб. м, в 1938 году – 4,9 млн куб. м, в 1939 году – 5,9 млн куб. м леса. За это же время объемы заготовок Беломорско-Балтийского комбината выросли с 3,7 млн куб. м до 6,6 млн куб. м⁵¹. Накануне войны в лесной отрасли Карелии усилилась роль ГУЛАГа.

ВЫВОДЫ

В период нэпа в работе Кареллеса проявилась тенденция к комплексному лесопользованию: вдвое выросли лесозаготовки и производство пиломатериалов, началось переоборудование лесопильных заводов, открылось несколько небольших предприятий глубокой переработки древесины. Однако производство столкнулось с серьезными трудностями. Росла зависимость треста от государственных дотаций. Не хватало специалистов, затруднялся набор рабочих на устраивающих обе стороны условиях.

После передачи Кареллеса в федеральное управление закрепился сырьевой профиль треста. За 1928–1936 годы объем лесозаготовок вырос вдвое. Валютные поступления за экспорт карельского леса содействовали успеху индустриализации СССР. Экстенсивное хозяйствование не наладило в должной мере защиту леса, рациональное, экологически обоснованное лесопользование. Трест стал обеспечиваться рабочей силой за счет платной трудовой повинности местных крестьян и активизации переселенческой работы. Наряду с вербовкой необученных сезонников в Карелию привлекли на договорной основе квалифицированных рабочих из США и Канады. Создание системы общественного питания и подсобных хозяйств, рост барачного строительства снизили протестный импульс, вызванный тяжелыми условиями труда и быта. Недовольство вылилось в огромную текучесть рабочей силы.

В середине 1930-х годов сохранялась высокая доля физического труда, сезонность работ, слабая инфраструктура. В то же время проявилось позитивное влияние применения лучковых пил, частичной механизации вывозки древесины, постепенного формирования постоянных кадров. Трест внедрял передовой опыт иммигрантов, содействовал профессиональному обучению кадров. Стали смягчаться трудности повседневной жизни. Массовые репрессии ослабили эти благоприятные сдвиги и дезорганизовали трудовые коллективы. Разукрупнение производства не привело в одночасье к его стабилизации, важной для предвоенного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 286. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2, 4.

- ² НАРК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
- ³ НАРК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2000. Л. 1–14.
- ⁴ НАРК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1496. Л. 3.
- ⁵ НАРК. Ф. 3. Оп. 6. Д. 10195. Л. 1–7.
- ⁶ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 121. Л. 119.
- ⁷ НАРК. Ф. 286. Оп. 12. Д. 46. Л. 52, 56, 93.
- ⁸ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 52. Л. 7.
- ⁹ Гурьев В. Т. О деятельности Кареллеса по отчетным данным за 3 года // Экономика и статистика Карелии. 1927. № 1–3. С. 59. НАРК. Ф. 286. Оп. 8. Д. 7. Л. 43.
- ¹⁰ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 121. Л. 113, 114.
- ¹¹ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 109. Л. 17.
- ¹² Докладная записка Председателя Правления К. Х. Данишевского и директора-распорядителя С. И. Либермана о деятельности Гостреста «Северолес» за три года его существования. На правах рукописи. М., 1925. С. 26, 27.
- ¹³ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 52. Л. 17.
- ¹⁴ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 123. Л. 8.
- ¹⁵ НАРК. Ф. 286. Оп. 8. Д. 9. Л. 1. Д. 11. Л. 12.
- ¹⁶ НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 224а. Л. 65.
- ¹⁷ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 24. Л. 68, 69.
- ¹⁸ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 182. Л. 34.
- ¹⁹ НАРК. Ф. 286. Оп. 8. Д. 250. Л. 81; Оп. 1. Д. 208. Л. 61.
- ²⁰ НАРК. Ф. 6153. Оп. 2. Д. 665. Л. 32, 33.
- ²¹ VIII Всекарельский съезд Советов. Протокол. Петрозаводск, 1929. С. 36.
- ²² НАРК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1. Л. 76–77.
- ²³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 32. Д. 416. Л. 104.
- ²⁴ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 208. Л. 37.
- ²⁵ НАРК. Ф. 6153. Оп. 2. Д. 901. Л. 10, 15.
- ²⁶ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 182. Л. 2.
- ²⁷ НАРК. Ф. 286. Оп. 12. Д. 46. Л. 86.
- ²⁸ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 182. Л. 32.
- ²⁹ Научный архив КарНЦ. Ф. 1. Оп. 33. Д. 100. Л. 4, 21, 24, 46, 57.
- ³⁰ НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 441. Л. 162, 178.
- ³¹ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 288. Л. 60.
- ³² НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 52. Л. 114.
- ³³ НАРК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 371. Л. 55–57.
- ³⁴ НАРК. Ф. 286. Оп. 8. Д. 78. Л. 2.
- ³⁵ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 208. Л. 70.
- ³⁶ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 24. Л. 63.
- ³⁷ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 288. Л. 16; Д. 327. Л. 29, 30; Д. 288. Л. 1–5.
- ³⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 32. Д. 416. Л. 104.
- ³⁹ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 327. Л. 32, 33, 46.
- ⁴⁰ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 377. Л. 138.
- ⁴¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 567. Л. 6.
- ⁴² Тонкель В. Канадские лесорубы в советской Карелии. Л., 1934. С. 8.
- ⁴³ Андриевский А. Рациональное использование транспорта в лесу // Карело-Мурманский край. 1933. № 9–10. С. 20–28.
- ⁴⁴ НАРК. Ф. 3. Оп. 6. Д. 1408. Л. 1–8.
- ⁴⁵ НАРК. Ф. 3. Оп. 6. Д. 3819. Л. 1–2.
- ⁴⁶ НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 259. Л. 51.
- ⁴⁷ Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 33. Д. 128. Л. 6, 7.
- ⁴⁸ Коммунист Прионежья. 1935. 4 июля.
- ⁴⁹ НАРК. Ф. 3. Оп. 6. Д. 12316. Л. 8, 10.
- ⁵⁰ НАРК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 94. Л. 82.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 953. Л. 8; НАРК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 422. Л. 12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Век профессионалов: к 100-летию Петрозаводского лесотехнического техникума / Авт.-сост. О. Лутфуллин и др. Петрозаводск: Scandinavia, 2024. 83 с.
2. Воейков Е. В. Жилищная проблема на лесозаготовках национальных республик Поволжья в годы предвоенной индустриализации // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2 (70). С. 69–81.
3. Воейков Е. В. Продовольственный аспект повседневности рабочих лесозаготовок Поволжья в годы предвоенной модернизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69, № 1. С. 135–151. DOI: 10.21638/spbu02.2024.110

4. Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдorado: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Авторизиров. перевод с англ. А. С. Роговой. СПб.: Нестор-История, 2019. 351 с.
5. Дианова Е. В. Быт лесозаготовителей Европейского Севера (1920-е – начало 1930-х гг.) // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). СПб., 2019. С. 284–290.
6. Зыкин И. В. Региональные лесопромышленные комплексы Советского Союза в годы первых пятилеток: модели и роли // Экономическая история. 2024. Т. 20, № 4. С. 317–330. DOI: 10.24412/2409-630X.067.020.202404.317-330
7. Зыкин И. В. Социокультурный облик работников лесопромышленного комплекса Советского Союза в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. М., 2022. 432 с.
8. Каюмова М. Р. Карельский экспорт в первой половине 1930-х годов (по документам Национального архива Республики Карелия) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2024. № 12. С. 74–86. DOI: 10.34830/SOUNB.2024.80.63.001
9. Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 277 с.
10. Кулагин О. И. Социальный облик и трудовая мотивация рабочих лесной промышленности Карелии (1917–1928) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 7 (120), Т. 1. С. 13–18.
11. Кулагин О. И. «Эффект колеи» зависимости в лесной промышленности Карелии как фактор социально-экономического развития региона в конце XIX–XX вв. // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 145–152.
12. Макуров В. Г. Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии: 1933–1941 гг. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 135–159.
13. Макуров В. Г. Из истории развития лесной промышленности Карелии в довоенный период // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 79–94.
14. Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940. Петрозаводск: Изд-во КНЦ РАН, 1997. 366 с.
15. Первозванский И. В. Лесная промышленность Карелии (1931–1935 гг.) // Вопросы лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии. Петрозаводск, 1937. С. 14–47.
16. Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии // Вопросы рационального использования лесов Карелии. Петрозаводск, 1959. С. 5–75.
17. Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. 1926 – июнь 1941 г.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск: Карелия, 1984. 196 с.
18. Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. 440 с.
19. Соломенский лесозавод, 150 лет / Авт.-сост.: Ю. В. Шлейкин. Петрозаводск: Острова, 2024. 199 с.
20. Такала И. Р. «Лицом к лесу!» или индустриализация по-карельски // Советские регионы: политика, экономика, повседневность. 1930–1950-е годы. М., 2024. С. 251–265.
21. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 239 с.
22. Autio S. Suunnitelmattomus Neuvosto-Karjalassa 1928–1941. Paikallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2002. 398 s.

Поступила в редакцию 16.03.2026; принята к публикации 30.04.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Svetlana N. Filimonchik, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 syrsa@yandex.ru

THE HISTORY OF KARELLES TRUST

Abstract. The article aims to analyze the development and summarize the experience of the Karelles Trust, the leading association in the forestry industry of Karelia between 1922 and 1937. Under the New Economic Policy (NEP), the trust rapidly expanded timber harvesting and lumber production and began modernizing its sawmills, which enabled it to rank second in the USSR in timber exports. However, exports were unprofitable, which increased dependence on state subsidies. The transfer of the trust under Soviet Union jurisdiction in 1930 ensured the fulfilment of a task critical to national interests, which was to provide reliable supplies of sawn timber for export, but cemented the raw-material orientation of production. The trust secured its workforce through provision of paid labor service by collective farmers, the migration of seasonal workers from outside Karelia, and the recruitment of skilled workers from the U.S. and Canada. In the mid-1930s, there remained a high proportion of manual labor, seasonal work, weak transportation

infrastructure, and limited social security. Dissatisfaction with those conditions resulted in massive turnover of the workforce. The establishment of a public food service system and the expansion of barracks construction reduced the momentum of protest caused by harsh working and living conditions. At the same time, there were positive effects from the use of bow saws, partial mechanization of timber hauling, and the gradual formation of a permanent workforce. However, mass repression undermined these favorable developments and disrupted production. The period before the war saw the intensified role of the Gulag in the logging industry of Karelia.

Key words: Karelles Trust, logging, sawmilling, timber rafting, timber export, New Economic Policy, NEP, forced industrialization

Acknowledgements. The article was written as part of the state research project No 124022000029-0 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Filimonchik, S. N. The history of Karelles Trust. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):85–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1323

REFERENCES

1. The age of professionals: celebrating the 100th anniversary of Petrozavodsk Forestry Technical College. (O. Lutfullin et al., Eds.). Petrozavodsk, 2024. 83 p. (In Russ.)
2. Voeykov, E. V. The housing problem in the logging of the national republics of the Volga region during the years of pre-war industrialization. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(2):69–81. (In Russ.)
3. Voeykov, E. V. The food aspect of the daily life of logging workers in the Volga Region during the years of pre-war modernization. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2024;69(1):135–151. DOI: 10.21638/spbu02.2024.110 (In Russ.)
4. Golubev, A. V., Takala, I. R. In search of the socialist Eldorado: North American Finns in Soviet Karelia during the 1930s. (A. S. Rogova, Trans.). St. Petersburg, 2019. 351 p. (In Russ.)
5. Dianova, E. V. The daily life of loggers in the European North (1920s – early 1930s). *Natural and geographical factors in the daily life of the Russian population: history and the present day (regional aspect)*. St. Petersburg, 2019. P. 284–290. (In Russ.)
6. Zykin, I. V. Regional timber industry complexes of the Soviet Union during the first five-year plans: models and roles. *Russian Journal of Economic History*. 2024;20(4):317–330. DOI: 10.24412/2409-630X.067.020.202404.317-330 (In Russ.)
7. Zykin, I. V. The sociocultural profile of workers in the timber industry of the Soviet Union from late 1929 to the first half of 1941. Moscow, 2022. 432 p. (In Russ.)
8. Kayumova, M. R. Karelian exports in the first half of the 1930s (based on documents from the National Archives of the Republic of Karelia). *The 20th Century and Russia: Society, Reforms, Revolutions*. 2024;12:74–86. DOI: 10.34830/SOUNB.2024.80.63.001 (In Russ.)
9. Kilin, Yu. M. Karelia in the politics of the Soviet state, 1920–1941. Petrozavodsk, 1999. 277 p. (In Russ.)
10. Kulagin, O. I. The social profile and work motivation of workers in the forestry industry of Karelia (1917–1928). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. Series: Social Sciences and Humanities. 2011;7(120–1):13–18. (In Russ.)
11. Kulagin, O. I. The “track effect” of dependency in the forestry industry of Karelia as a factor in the socio-economic development of the region in the late XIX and the XX centuries. *Regional Research*. 2015;1(47):145–152. (In Russ.)
12. Makurov, V. G. The White Sea-Baltic complex in Karelia: 1933–1941. *New developments in the study of the history of Karelia*. Petrozavodsk, 1994. P. 135–159. (In Russ.)
13. Makurov, V. G. From the history of the development of the forestry industry in Karelia in the pre-war period. *Issues of economic, social and cultural development of Karelia*. Petrozavodsk, 1976. P. 79–94. (In Russ.)
14. Unknown Karelia: Documents from special agencies on life in the republic, 1921–1940. Petrozavodsk, 1997. 366 p. (In Russ.)
15. Pervozvansky, I. V. The forest industry of Karelia (1931–1935). *Issues of forest management and the forest industry of Karelia*. Petrozavodsk, 1937. P. 14–47. (In Russ.)
16. Pervozvansky, I. V. Essays on the development of forestry and the forest industry in Karelia. *Issues of the rational use of forests in Karelia*. Petrozavodsk, 1959. P. 5–75. (In Russ.)
17. The working class of Karelia during the period of socialist construction in the USSR. 1926 – June 1941: Collection of documents and materials. Petrozavodsk, 1984. 196 p. (In Russ.)
18. The Soviet forest economy. Moscow – North. 1917–1941: Collection of documents and materials. Petrozavodsk, 2005. 440 p. (In Russ.)
19. Solomensky Timber Mill, 150 years. (Yu. V. Shleikin, Comp.). Petrozavodsk, 2024. 199 p. (In Russ.)
20. Takala, I. R. “Facing the forest” or industrialization of the Karelian type. *Soviet regions: politics, economy, everyday life. 1930s–1950s*. Moscow, 2024. P. 251–265. (In Russ.)
21. Shegelman, I. R. Forest transformations (XV–XXI centuries). Petrozavodsk, 2008. 239 p. (In Russ.)
22. Autio, S. Suunnitelmattomat Neuvosto-Karjalassa 1928–1941. Paikallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa. Helsinki, 2002. 398 s.

Received: 16 March 2026; accepted: 30 April 2026; published: 29 May 2026

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ЕРМОЛАЕВ

ассистент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0009-0003-3954-9172; ermolaev.spbu@yandex.ru

ОБРАЗ ЯПОНИИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

А н н о т а ц и я . Исследование посвящено анализу трансформации образа Японии в российской церковной периодике в период Русско-японской войны. Цель работы – выявить механизмы конструирования образа Японии и его изменения под влиянием военных событий. Методология включает анализ содержания материалов ведущих церковных изданий. Результаты показали, что в начале войны доминировал нарратив священной борьбы с «языческой» Японией, подкрепляемый расовыми и религиозными стереотипами. К 1905 году после серии поражений риторика сместилась в сторону самокритики, объяснения неудач как Божьей кары за грехи и призывов к духовному обновлению. Выводы исследования подчеркивают роль церковной прессы как инструмента идеологического воздействия, а также ее адаптацию к внешним изменениям. Работа вносит вклад в изучение механизмов формирования образов врага и самоидентификации в условиях кризиса. Устойчивый негативный образ японцев за полтора года войны не смог полноценно сформироваться и начал смягчаться и наполняться нюансами еще до окончания боевых действий.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Русско-японская война, образ Японии, церковная пресса, образ врага, религиозная риторика, миссионерская деятельность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ермолаев И. В. Образ Японии в периодической печати Православной церкви в период Русско-японской войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1324

ВВЕДЕНИЕ

Русско-японская война 1904–1905 годов была не только военно-политическим, но и идеологическим противостоянием, в ходе которого формировался образ Японии и японцев в российском общественном сознании. В условиях военного времени пресса играла ключевую роль в интерпретации событий. Особый интерес на этом фоне вызывают церковные издания, посредством которых православное духовенство стремилось влиять на общественные настроения, сочетая патриотическую риторику с религиозно-нравственной оценкой происходящего. Представители духовенства, в первую очередь Русской православной церкви, по-прежнему выполняли для народа функцию моральных наставников и проводников государственной идеологии.

В советский период церковная периодика не рассматривалась как актуальный объект исследования и практически не изучалась [1: 6]. Интерес к православной прессе вновь возник в начале 90-х годов XX века. Среди важней-

ших работ по этой теме следует выделить труды К. Е. Нетужилова [15] и А. Н. Кашеварова [7].

В последние годы появилось немало исследований, посвященных региональной печати духовенства, в частности «Епархиальным ведомостям» Костромской [2], [10] и Пермской [11] губерний. Особый интерес в контексте изучения формирования образа Японии представляют исследования, сфокусированные на деятельности прессы духовенства на Дальнем Востоке в период Русско-японской войны 1904–1905 годов. В этом отношении показательным является исследование В. П. Лёвиной, рассматривающей освещение хода военных действий во «Владивостокских епархиальных ведомостях» [9].

На современном этапе были проведены комплексные исследования процесса формирования «образа врага» в общественном сознании, в первую очередь работы Е. С. Сенявской [16] и Т. А. Филипповой [17]. Всестороннему анализу восприятия Японии в России посвящен отдельный труд В. Э. Молодякова [14], а также его совместная работа с А. Е. Кулановым [8]. В рамках

данной темы актуальны монографии Б. И. Есина [6] и С. Я. Махониной [12] об истории дореволюционной периодической печати.

Теме восприятия Японии в российской прессе рубежа XIX–XX веков также уделяется значительное внимание. В этой области выделяются работы И. О. Ермаченко [5], Я. С. Гузей [3], В. И. Дятлова [4], Д. В. Михеева [13] и др. Исследователям удалось сделать ряд важных выводов о процессе трансформации образа Японии. В частности, Я. С. Гузей утверждает, что война актуализировала этничность и трансформировала статус японских мигрантов до уровня «вражеских подданных» [3]. И. О. Ермаченко, исследуя либеральный дискурс, отмечает использование образа Японии в качестве «зеркала» для критики внутреннего устройства России и поиска причин военных неудач [5]. Анализ Д. В. Михеева, посвященный журналу «Мир Божий», фиксирует эволюцию восприятия от восхищения модернизацией к признанию Японии как серьезного военно-политического противника [13].

Однако специальных исследований, фокусирующихся на конструировании образа Японии именно в периодике православного духовенства в период Русско-японской войны, по-прежнему недостаточно. Анализ материалов духовных изданий позволяет не только реконструировать представления о противнике, но и глубже понять механизмы идеологического воздействия в условиях военного времени.

Печать православного духовенства в начале XX века служила важным инструментом влияния на паству, отражая как официальную позицию Святейшего синода, так и разнообразие мнений внутри церковной среды. Анализ публикаций позволяет выявить особенности восприятия Японии в среде духовенства, а также раскрыть механизмы конструирования образа врага в условиях войны. В качестве основных источников в данном исследовании использованы материалы «Церковных ведомостей», «Вестника военного духовенства», «Миссионерского обозрения» и «Богословского вестника». Выбор этих изданий обусловлен их репрезентативностью и спецификой.

«Церковные ведомости» в начале XX века являлись официальным органом Святейшего синода и были главным источником административной информации и идеологическим ориентиром для всего православного духовенства Российской империи. В период с 1901 по 1916 год журнал выходил еженедельно, годовой тираж составлял свыше 40 тысяч экземпляров. Под редакцией П. А. Смирнова издание проводило охранитель-

ную церковно-государственную политику, а его неофициальная часть состояла в основном из материалов нравственно-назидательного характера [15: 166].

Ежемесячный журнал «Миссионерское обозрение» издавался в Киеве с 1896 года под редакцией В. М. Скворцова как официальное издание Синодального миссионерского отдела. В нем публиковались материалы о деятельности внутренней миссии и борьбе с расколом и сектантством. В контексте Русско-японской войны журнал акцентировал внимание на религиозно-культурных аспектах противостояния с Японией.

«Вестник военного духовенства» – официальный журнал для священнослужителей армии и флота, выходивший в Санкт-Петербурге с января 1890 по июль 1917 года дважды в месяц. В рассматриваемый период редактором журнала был протоиерей Иоанн Таранец. В издании публиковались распоряжения, проповеди, воспоминания и дискуссии, обеспечивая связь между разбросанными по стране полковыми священниками. Его материалы, часто написанные непосредственными участниками событий, отличались эмоциональностью и живыми личными впечатлениями.

Ежемесячный научно-богословский журнал «Богословский вестник» выпускался в 1892–1918 годах как издание Московской духовной академии. В нем публиковались богословские, философские и исторические исследования, творения святых отцов, а также хроника академической жизни. Он считался не слишком консервативным изданием, отличавшимся взвешенным подходом и отражавшим позиции академической, интеллектуальной части духовенства [15: 185].

На основе материалов указанных выше изданий можно получить достаточно репрезентативную картину официальной позиции церкви относительно Японии и Русско-японской войны, а также представлений различных православных деятелей и публицистов.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ «ЯЗЫЧНИКОВ»

В начале Русско-японской войны российская церковная пресса активно формировала образ конфликта как священной войны православной России против языческой Японии. Этот нарратив последовательно проводился на протяжении большей части военного периода и основывался на резком противопоставлении двух стран в религиозном, культурном и расовом аспектах.

Япония в различных изданиях характеризовалась как «языческая», к примеру в «Миссио-

нерском обозрении»¹ или «Вестнике военного духовенства»², сами же японцы назывались «идолопоклонниками»³ и «врагами-язычниками»⁴. Затем из этого статуса делались далекоидущие выводы об их моральном облике, культурном уровне и военных методах. В «Миссионерском обозрении» нападение на Порт-Артур описывалось как действие «вероломного врага, язычника»⁵. Митрополит Московский Владимир утверждал: «Как язычники, они не знают христианских чувств. Не ведая истинного Бога и Его закона, они не хотят признавать и законов человеческих»⁶.

В противовес «языческой» Японии Россия изображалась как носительница истинной веры, выполнявшая свою историческую миссию. Л. А. Тихомиров в статье «Справедлива ли наша война?» подчеркивал, что Россия несла Востоку «спасение» в виде христианства, а Япония пыталась лишить его этого блага⁷. Эта мысль развивалась в «Церковных ведомостях», где война называлась инструментом «посрамления языческой гордыни» по воле Божьего промысла⁸. Японцы представлялись не только как военные противники, но и как носители чуждой, «неполноценной» культуры. Профессор Бронзов в публичной лекции сравнивал японцев с «дикарем из одной повести, который, поучившись в оксфордском университете... не мог воздержаться от употребления сладкого мяса белых людей»⁹. В «Прибавлениях к Церковным ведомостям» подчеркивалось: «Смотрите, какая тьма: по виду цивилизованный европеец, в душе дикий азиат»¹⁰.

Отдельные представители духовенства наделяли японцев демоническими чертами, интерпретируя их действия как происки темных сил. Преосвященный Платон Чигиринский заявлял, что «враг рода человеческого силами японцев старается отстоять теперь свою главную стоянку на земле»¹¹. Проявлением связи с темными силами в отдельных случаях мог послужить выбор японцами применяемого на войне оружия. В боевых действиях усматривалось использование «арсенала дьявольских изобретений человеческого ума – орудий Антихристовых», среди которых упоминались подводные мины, брандеры, удушающие и отравляющие снаряды и т. д.¹²

В осмыслении конфликта использовались не только религиозные термины, но и расовые. А. И. Введенский в работе «Дальневосточная война с философской точки зрения» рассуждал о «желтой угрозе», утверждая, что победа Японии могла привести к господству над 500–600 миллионами «желтолицей расы»¹³. В статье «Мысли и чувства христианина...» ак-

центрировалась расовая и религиозная чуждость японцев, автор называл их «отпрысками монгольского племени», «чуждого нам и по крови, и по религии, и задачам культуры»¹⁴. П. А. Знаменский видел в конфликте столкновение христианства с «представительницей язычества, мечтающей о “желтой” мировой гегемонии», связывая это с эсхатологическими ожиданиями¹⁵.

С другой стороны, некоторые авторы рассматривали войну как возможность для распространения православия в Азии. В церковной печати публиковались исследования о религиозной жизни Японии и распространении в ней христианства, такие как «Современное религиозное состояние Японии»¹⁶ и «Из мира инославия и из жизни заграничного сектантства»¹⁷. Авторы этих работ указывали на духовный кризис, наступивший в Японии после стремительной модернизации второй половины XIX века, который создал возможность для православной миссионерской деятельности среди японцев.

В связи с интересом к идее распространения христианства среди японцев в церковной прессе в 1905 году немало внимания уделялось деятельности Русской духовной миссии в Японии. В «Прибавлениях к Церковным ведомостям» приводились статьи о деятельности святителя Николая Японского (Касаткина)¹⁸, отчет о состоянии Российской духовной миссии в 1904 году¹⁹. Отдельная большая статья была посвящена 35-летию Русской Православной духовной миссии в Японии, в которой подробно описывалась история создания миссии на территории страны и ее важнейшие достижения²⁰. Стоит отметить стремление самого святителя Николая привлечь внимание прессы на тот факт, что японское правительство старалось избегать религиозной интерпретации войны²¹. Судя по всему, он пытался таким образом бороться с доминировавшим в начале войны нарративом.

ИЗМЕНЕНИЕ РИТОРИКИ К 1905 ГОДУ

К 1905 году дискурс в церковных кругах претерпел значительные изменения. Если в начале конфликта преобладали мотивы религиозного противостояния с «язычниками-японцами» и уверенность в божественной поддержке русского оружия, то к концу войны, особенно после падения Порт-Артура, Мукденского и Цусимского сражений, а также на фоне разворачивавшейся Первой русской революции, в церковных кругах участились рассуждения о жертвах и цене войны, усилились мотивы скорби по погибшим.

Примеры такой смены риторики, контрастирующей с ранними уверениями в скорой побе-

де, можно найти в различных источниках. Так, в «Вестнике военного духовенства» священник Николай Яхонтов описывал войну как трагедию, подчеркивая ее тяжесть и бессмысленность: «...люди в ожесточении дерутся; гром орудий, жужжание пуль оглушает вас; разрывающиеся гранаты вырывают целые ряды людей»²². Н. Гринякин писал, что война «продолжает клокотать адом» и ее «жерло» поглощает десятки тысяч русских и японских солдат²³. Митрополит Московский Владимир в «Слове в день Пятидесятницы» обращал внимание на масштабы кровопролития: «Если бы собрать вместе кровь одной только настоящей нашей войны с Японией, то от нее одной, кажется, побагровел бы целый океан»²⁴.

Взгляды на японцев, их культурный и моральный облик также претерпели изменения. В статье «Из литературы и жизни» признавалось: «Оказывается, Японии мы не знали, а она уже давно состоит в рядах сильных и культурных государств»²⁵. Некий старец-монах объяснял военные успехи японцев «единомыслием и единодушием» японского императора и его народа²⁶. М. М. Тареев утверждал, что в текущей войне «православные уступили язычникам в этической культуре»²⁷. Этот сдвиг в восприятии отражал осознание того, что военные неудачи были не случайны и обусловлены превосходством противника.

Поражение в войне стало поводом для глубокой рефлексии и поиска причин. В церковных изданиях появились резкие оценки в отношении военного и государственного руководства. В «Миссионерском обозрении» поражения объяснялись превосходством японцев в организации, подготовке и единстве народа – в отличие от российской «халатности» и «ротозейства»²⁸. В. Н. Мышцын писал, что война оказалась «превосходной пробой» государственного механизма и выявила «множество существенных недочетов» в общественном устройстве²⁹. В «Прибавлениях к Церковным ведомостям» утверждалось, что японцы застали русских «рассеянными, ленивыми, обессиленными внутренней рознью...»³⁰.

В печати встречались и призывы к внутреннему обновлению самой церкви. В «Миссионерском обозрении» констатировалось: «Религиозно-нравственное оскудение проникло и в нашу среду»³¹. В заметке «Запросы времени к православному духовенству» в «Прибавлениях к Церковным ведомостям» признавалось, что церковь сталкивалась с обвинениями в «косности, рутине, отсталости» и ей необходимо было ответить на эти вызовы³².

Особый интерес представляет позиция М. М. Тареева, который в «Богословском вестнике» критиковал слияние патриотизма и религии: «Патриотизм можно примирить с Евангелием только при помощи лицемерия и софистики... Истинное христианство не может подогревать патриотических чувств»³³. Хотя это радикальное высказывание не получило широкого распространения, оно тем не менее было опубликовано, что может служить свидетельством внутренних дискуссий в церковной среде.

Наиболее распространенной идеей объяснения военных неудач стало представление о войне как о Божьей каре за грехи. Протоиерей Иоанн Сергиев (Кронштадтский) в своих словах на праздник Покрова Божьей Матери прямо называл войну наказанием за «тяжкие грехи России» и призывал к всенародному покаянию: «Кайтесь же все; кайся, вся Россия!»³⁴ В другом выступлении он связывал поражения с «безбожием и безнравственностью» «русского всеобщего мира», за что этот «мир» и получал «горький урок»³⁵. Эта риторика «духовного очищения» через страдания перекликалась с идеями Л. А. Тихомирова, ссылавшегося на идеи Иоанна Кронштадтского и видевшего причины поражения в нравственном упадке и искажении «Божьего дела» в России³⁶. Война позиционировалась как наказание обществу за «отчуждение от молитвы», за равнодушие. Японцы, «казавшиеся ничтожным врагом», побеждали по воле Бога, преподавая таким образом «внушительный урок» России³⁷. Эта риторика служила не только объяснением поражений, но и призывом к духовному обновлению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в начале Русско-японской войны в церковной прессе доминировала идея о том, что Россия выполняет свою историческую миссию – несет «христианский свет» «языческому Востоку». В дальнейшем в умах представителей духовенства данная идея развивалась в двух направлениях: в первом случае идея религиозной миссии связывалась с концепцией противостояния рас, во втором – рассматривались перспективы обращения азиатских народов, в том числе японцев, в православную веру. К 1905 году риторика в прессе изменилась: от воинственного воодушевления и демонизации противника произошел переход к более рефлексивной и самокритичной позиции. Выявленная динамика образа Японии в церковной прессе согласуется с общими тенденциями, зафиксированными исследователями светской периоди-

ки: начало войны спровоцировало воинственную риторику в отношении японцев [3], затем по мере развития военных действий произошла переоценка образа врага и его частичное признание [13], также изменилось отношение к самому конфликту [5].

Однако церковная пресса продемонстрировала специфический механизм адаптации: сдвиг риторики был осуществлен не в сторону реалистической переоценки противника, как в ряде светских изданий, а в русло религиозно-нравственного самообличения и поиска внутренних причин по-

ражения. Война стала поводом для обсуждения необходимости реформ как в государстве, так и в церкви, а также для размышлений о нравственном состоянии общества. Идея «очищения через покаяние» вскоре трансформировалась в черносотенную риторику, где «внутренние враги» заменили внешних. В свою очередь, образ японцев как врагов, враждебных России культурно и религиозно, не смог до конца сформироваться и укрепиться в российском общественном сознании и начал смягчаться еще в период активных боевых действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Виноградов А., свящ. Смысл церковных молений, возносимых православной Россией по поводу войны с языческой Японией (Поучение на молебном пении о даровании победы русскому оружию) // Миссионерское обозрение. Особое приложение к журналу. 1904. № 5. Март. С. 1–6.
- ² Стрелковой офицерской школы протоиерей Григорий Лапшин. Речь о любви к отечеству и преданности к Царю (по поводу войны с Японией) // Вестник военного духовенства. 1904. № 10. 15 мая. С. 301.
- ³ Патриотические заявления со стороны раскольников и иноверцев // Миссионерское обозрение. Особое приложение к журналу. 1904. № 5. Март. С. 16–19.
- ⁴ Протоиерей Петр Смирнов. Сретение Господне. Назидание праздника для наших дней // Прибавления к Церковным ведомостям. 1904. № 6. 7 февраля. С. 199.
- ⁵ Патриотические заявления со стороны раскольников и иноверцев // Миссионерское обозрение. Особое приложение к журналу. 1904. № 5. Март. С. 16–19.
- ⁶ Молитва христианина в бедствиях войны (Речь высокопреосвященного Владимира, митрополита Московского) // Прибавления к Церковным ведомостям. 1904. № 29. 17 июля. С. 1061.
- ⁷ Тихомиров Л. А. Справедлива ли наша война? // Богословский вестник: научно-богословский журнал. 1904. Т. 3, № 10 / Московская духовная академия. Сергиев Посад: Изд-во МДА, 1993. С. 351.
- ⁸ От Александровского комитета о раненых // Церковные ведомости. 1904. № 8. 21 февраля. С. 80.
- ⁹ Бронзов А., проф. При каких условиях мог бы наступить «вечный мир» между людьми? (Публичная лекция в Соляном Городке – в СПб, 2 марта 1904 г.) // Миссионерское обозрение. 1904. № 8. Май. С. 937–952.
- ¹⁰ Протоиерей Петр Смирнов. Сретение Господне. Назидание праздника для наших дней // Прибавления к Церковным ведомостям. 1904. № 6. 7 февраля. С. 199.
- ¹¹ Из Киева // Прибавления к Церковным ведомостям. 1904. № 10. 6 марта. С. 367.
- ¹² «Сим победиши» // Миссионерское обозрение. Особое приложение. 1904. № 8. Май. С. 86–88.
- ¹³ Введенский А. И. Дальневосточная война с философской точки зрения в связи с вопросом о войне вообще: Чтение студентам 1-го курса (Окончание) // Богословский вестник: научно-богословский журнал. 1904. Т. 3, № 12 / Московская духовная академия. Сергиев Посад: Изд-во МДА, 1993. С. 676.
- ¹⁴ Мысли и чувства христианина по поводу переживаемой войны с Японией // Вестник военного духовенства. 1904. № 12. 15 июня. С. 368.
- ¹⁵ Знаменский П. А. Война и «толстовство» // Вестник военного духовенства. 1905. № 4. 15 февраля. С. 107.
- ¹⁶ С. Ф. Современное религиозное состояние Японии // Прибавления к Церковным ведомостям. 1905. № 10. 5 марта. С. 410.
- ¹⁷ Вердеревская С. Из мира инославия и из жизни заграничного сектанства // Миссионерское обозрение. 1904. № 17. Октябрь – ноябрь. С. 1054–1065.
- ¹⁸ Прибавления к Церковным ведомостям. 1905. № 11. 12 марта. С. 460.
- ¹⁹ Сообщения из заграницы. О состоянии Российской духовной миссии в Японии в 1904 году // Прибавления к Церковным ведомостям. 1905. № 21. 21 мая. С. 886.
- ²⁰ Тридцатипятилетие Русской Православной духовной миссии в Японии // Прибавления к Церковным ведомостям. 1905. № 15. 9 апреля. С. 631.
- ²¹ Письмо преосвященного Николая, начальника русской духовной миссии в Японии // Прибавления к Церковным ведомостям. 1904. № 35. 28 августа. С. 1355.
- ²² Священник 48 драгунского Украинского полка Николай Яхонтов. Поучение по поводу военных действий на Дальнем Востоке // Вестник военного духовенства. 1904. № 22. 15 ноября. С. 680.
- ²³ Гринякин Н. Навстречу «свободы исповеданий» // Миссионерское обозрение. 1905. № 1. Январь. С. 219–226.
- ²⁴ Слово в день Пятидесятницы высокопреосвященного Владимира, митрополита Московского // Прибавления к Церковным ведомостям. 1905. № 27. 2 июля. С. 1108.
- ²⁵ Из литературы и жизни. Боголюбов Д. О притязательных, но неправильных заключениях // Миссионерское обозрение. 1905. № 2. Февраль. С. 352–366.
- ²⁶ Из записок и дневников. Старец-монах. Голос современного летописца-инока по поводу переживаемых Церковью и Отечеством событий (Из келейных записок монаха) // Миссионерское обозрение. 1905. № 2. Февраль. С. 297–311.

- ²⁷ Тареев М. М. Дух и плоть (Начало) // Богословский вестник: научно-богословский журнал. 1905. Т. 1, № 1 / Московская духовная академия. Сергиев Посад: Изд-во МДА, 1993. С. 14.
- ²⁸ Скворцов С. Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение. 1905. № 2. Февраль. С. 401–416.
- ²⁹ Мышцын В. Н. Из периодической печати: Духовное обновление народа и наше духовенство <...> // Богословский вестник: научно-богословский журнал. 1905. Т. 2, № 4 / Московская духовная академия. Сергиев Посад: Изд-во МДА, 1993. С. 831.
- ³⁰ Необходимость пробуждения // Прибавления к Церковным ведомостям. 1904. № 38. 18 сентября. С. 1482.
- ³¹ Шлеев С., свящ. К вопросу: какой епископ нужен ЕдинOVERию? // Миссионерское обозрение. 1905. № 10. Август. С. 219–242.
- ³² Известия и заметки. Запросы времени к православному духовенству // Прибавления к Церковным ведомостям. 1905. № 14. 2 апреля. С. 599.
- ³³ Тареев М. М. Дух и плоть (Начало) // Богословский вестник: научно-богословский журнал. 1905. Т. 1, № 1 / Московская духовная академия. Сергиев Посад: Изд-во МДА, 1993. С. 24.
- ³⁴ Слова протоиерея И. И. Сергиева. На день преславного Покрова Божией Матери, 1 октября 1904 г. // Прибавления к Церковным ведомостям. 1904. № 41. 9 октября. С. 1597.
- ³⁵ Два слова протоиерея И. И. Сергиева. I. На день святой памяти преподобного отца нашего Иоанна Рьльского, 19 октября 1904 г. // Прибавления к Церковным ведомостям. 1904. № 44. 30 октября. С. 1742.
- ³⁶ Тихомиров Л. А. Справедлива ли наша война? // Богословский вестник: научно-богословский журнал. 1904. Т. 3, № 10 / Московская духовная академия. Сергиев Посад: Изд-во МДА, 1993. С. 362.
- ³⁷ Мысли и чувствования христианина по поводу переживаемой войны с Японией // Вестник военного духовенства. 1904. № 12. 15 июня. С. 368.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верещагин И. Ф. Епархиальная печать и проблема консолидации местного духовенства в конце XIX – начале XX века (на материалах «Архангельских епархиальных ведомостей») // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 5–9.
- Ветелина Л. Г. «Костромские епархиальные ведомости» как тип епархиальной печати рубежа XIX–XX вв.: из истории издания // Ипатьевский вестник. 2021. № 1. С. 87–97.
- Гузей Я. С. Этничность и война. Японские мигранты в общественно-политическом дискурсе Российской империи накануне и во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2015. № 3 (78). С. 162–174.
- Дятлов В. И. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 63–89.
- Ермаченко И. О. На пути к революции: Русские либералы перед «японским зеркалом» // Неприкосновенный запас. 2005. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/6/na-puti-k-revoljuczii-russkie-liberaly-pered-yaponskim-zerkalom.html> (дата обращения 05.07.2025).
- Есин Б. И. Русская дореволюционная газета и газетное дело (1702–1917 гг.). Т. 2. М.: Факультет журналистики Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2016. 244 с.
- Кашеваров А. Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: очерки истории. СПб.: Роза мира, 2004. 162 с.
- Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 480 с.
- Лёвина В. П. «Владивостокские епархиальные ведомости» о русско-японской войне 1904–1905 гг. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 491–495.
- Майоров А. Д., Майорова Н. С. Русская Православная Церковь и Русско-японская война 1904–1905 гг. (по материалам «Костромских епархиальных ведомостей») // Ипатьевский вестник. 2025. № 3 (31). С. 160–170.
- Марченко А. Н., прот. Церковно-историческая тематика на страницах епархиальной прессы по материалам газеты «Пермские епархиальные ведомости» // Христианское чтение. 2021. № 1. С. 70–80.
- Махонина С. Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914) / Под ред. Б. И. Есина. М.: Изд-во МГУ, 1991. 205 с.
- Михеев Д. В. Образ Японии на страницах журнала «Мир Божий» // Метаморфозы истории. 2025. Вып. 35 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history-metamorph.ru/s241436770033279-6-1> (дата обращения 03.07.2025).
- Молодяков В. Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1996. 184 с.
- Нетужилов К. Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 268 с.
- Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
- Филиппова Т. А. «Враг с востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М.: АИРО-XXI, 2012. 384 с.

Поступила в редакцию 07.08.2025; принята к публикации 27.02.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Igor V. Ermolaev, Assistant, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI” (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0009-0003-3954-9172; ermolaev.spbu@yandex.ru

THE IMAGE OF JAPAN IN THE PERIODICAL PRESS OF THE ORTHODOX CHURCH DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR

Abstract. The study analyzes the transformation of the image of Japan in Russian church periodicals during the Russo-Japanese War. The purpose of the study is to identify the mechanisms of constructing the image of Japan and its transformations under the influence of military events. The methodology includes a content analysis of the materials from leading church publications. The results showed that at the beginning of the war the dominating narrative was the idea of a crusade against “pagans”, supported by racial and religious stereotypes. By 1905, after a series of defeats, the rhetoric shifted towards self-criticism, explanations of failures as God’s punishment for sins, and calls for spiritual renewal. The findings of the study emphasize the role of the church press as an instrument of ideological influence, as well as its adaptation to external changes. The work contributes to the study of the “image of the enemy” formation mechanisms and self-identification process in times of crisis. The consistent negative image of the Japanese did not fully form during the eighteen months of the war and began to soften and fill with nuances even before the end of hostilities.

Keywords: Russo-Japanese War, image of Japan, church press, image of enemy, religious rhetoric, missionary activity

For citation: Ermolaev, I. V. The image of Japan in the periodical press of the Orthodox Church during the Russo-Japanese War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1324

REFERENCES

1. Vereshchagin, I. F. Eparchial press and the problem of consolidation of local clergy in the late 19th – early 20th century (case study of “Arkhangelsk Eparchial Vedomosti”). *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University*. Series “Humanitarian and Social Sciences”. 2012;3:5–9. (In Russ.)
2. Vetelina, L. G. “Kostroma Diocesan Vedomosti” as a type of diocesan press of the turn of the 19th–20th centuries: from the history of the publication. *Ipatievsky Vestnik*. 2021;1:87–97. (In Russ.)
3. Guzei, Ya. S. Ethnicity and war (Japanese migrants in socio-political discourse of Russian Empire on the eve of and during the Russian-Japanese War of 1904–1905). *Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics “Politeia”*. 2015;3(78):162–174. (In Russ.)
4. Dyatlov, V. I. Migration of the Chinese and the discussion on the “yellow threat” in pre-revolutionary Russia. *Acta Eurasica*. 2000;1:63–89. (In Russ.)
5. Ermachenko, I. O. On the path to Revolution: Russian liberals in front of the “Japanese mirror”. *Neprikosnovenny zapas*. 2005;6. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/6/na-puti-k-revoljuczii-russkie-liberaly-pered-yaponskim-zerkalom.html> (accessed 05.07.2025). (In Russ.)
6. Esin, B. I. Russian pre-revolutionary newspapers and newspaper business (1702–1917). Vol. 2. Moscow, 2016. 244 p. (In Russ.)
7. Kashevarov, A. N. Press of the Russian Orthodox Church in the XX century: essays on history. St. Petersburg, 2004. 164 p. (In Russ.)
8. Kulanov, A., Molodyakov, V. Russia and Japan: image wars. Moscow, 2007. 480 p. (In Russ.)
9. Levina, V. P. “Vladivostokskie Eparkhialnie Vedomosti” about the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Scientific and Methodological Electronic Journal “Concept”*. 2014;20:491–495. (In Russ.)
10. Mayorov, A. D., Mayorova, N. S. The Russian Orthodox Church and the Russian-Japanese War of 1904–1905 (based on materials of the Kostroma Eparchial News). *Ipatievsky Vestnik*. 2025;3(31):160–170. (In Russ.)
11. Marchenko, A. N. Church history topics on the pages of the diocesan press based on the example of the newspaper *Permskie eparchial'nye vedomosti* (Perm Diocesan News). *Christian Reading*. 2021;1:70–80. (In Russ.)
12. Makhonina, S. Ya. Russian pre-revolutionary press (1905–1914). Moscow, 1991. 205 p. (In Russ.)
13. Mikheev, D. V. The image of Japan on the pages of the Magazine “Mir Bozhii”. *Metamorphoses of History*. 2025;35. Available at: <https://history-metamorph.ru/s241436770033279-6-1> (accessed 03.07.2025). (In Russ.)
14. Molodyakov, V. E. “The image of Japan” in Europe and Russia in the second half of the XIX and the early XX centuries. Moscow, 1996. 184 p. (In Russ.)
15. Netuzhilov, K. E. Church periodical press in Russia during the XIX century. St. Petersburg, 2008. 268 p. (In Russ.)
16. Senyavskaya, E. S. Russia’s enemies in the wars of the XX century: evolution of the “image of the enemy” in the consciousness of the army and society. Moscow, 2006. 288 p. (In Russ.)
17. Filippova, T. A. “Enemy from the East”. Images and rhetoric of enmity in Russian satirical journalism of the early XX century. Moscow, 2012. 384 p. (In Russ.)

Received: 7 August 2025; accepted: 27 February 2026; published: 29 May 2026

ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ КОЗЛОВСКИЙ

независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
dmitry.kozlowsky@yandex.ru

РОЛЬ ИНОСТРАНЦЕВ В ТОРГОВЛЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ ДРЕВНОСТЯМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А н н о т а ц и я . Рассмотрено участие иностранных исследователей и коллекционеров в скупке древностей в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. Ставится задача выявить их роль в развитии рынка археологического антиквариата. Тема покупки и вывоза антиквариата исследователями из Европы еще недостаточна изучена в отечественной историографии. В научный оборот вводятся не публиковавшиеся ранее документы, цитируются исследования на английском и немецком языках, которые позволяют взглянуть на проблему с перспективой европейских ученых. Рассматриваются материалы периодической печати, доклады, рапорты и переписка крупнейших российских исследователей. Это дает более цельную картину международного рынка антиквариата, который все чаще становится предметом изучения в России и других странах. На основе архивных материалов показано, что коллекционеры, туристы, исследователи и агенты заграничных музеев посещали те регионы России, где археологические раскопки велись особенно активно, – Крым, Кавказ и Закавказье, а также Центральную Азию. Эти иностранные граждане и подданные активно и успешно конкурировали с российскими учеными и собирателями за право приобрести как уникальные находки, так и массовые археологические артефакты. Сделаны выводы о значимой, но не первостепенной роли зарубежных ученых в покупке древностей. Бюджеты западных исследователей на приобретение археологических находок были очень ограниченными, вынуждая тщательно обдумывать каждую сделку. Гораздо большими финансовыми возможностями обладали частные коллекционеры. Не менее массово древности скупали туристы и путешественники. Поскольку антикварный рынок в России был совершенно легальным, то местные торговцы антиквариатом стремились удовлетворить возрастающий спрос. Без них вывоз древностей не принял бы такого масштаба. В последние десятилетия существования Российской империи страна лишилась огромного числа памятников древности, которые пополнили частные собрания и государственные музеи Англии, Германии, Франции и других стран.

К л ю ч е в ы е с л о в а : археология, торговля древностями, иностранные исследователи, коллекционеры, музеи, европейские ученые, Российская империя

Д л я ц и т и р о в а н и я : Козловский Д. В. Роль иностранцев в торговле археологическими древностями в Российской империи // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 101–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1325

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XIX – начале XX века участие иностранцев в торговле археологическим антиквариатом было заметным и широко обсуждаемым явлением не только в Российской империи, но и в странах Европы. Однако проблема покупки гражданами и подданными других стран археологических древностей и их вывоза из России изучена не в полной мере. Имеющиеся работы посвящены прежде всего научной деятельности зарубежных исследователей в Российской империи, а покупка древностей в них упоминается лишь эпизодически и вскользь [2: 55]. От-

дельные исследования о вывозе древностей европейцами также не уделяют достаточно внимания данному рынку и роли иностранцев в нем [8: 170]. В настоящей статье автор стремится показать типичные формы торговли археологическим антиквариатом с участием иностранцев, выявить причины, которые к этому привели, и охарактеризовать реакцию научного сообщества Российской империи на данную проблему.

В разных странах степень контроля антикварного рынка была различной, но в целом торговля археологическим антиквариатом была чрезвычайно распространена во всей Европе,

а также в Америке (в отличие от сегодняшнего дня, когда она строго запрещена). Во всех этих странах свободно существовали крупные антикварные фирмы, которые проводили многочисленные аукционы. Среди них можно выделить: S. H. & H. Charman из Филадельфии, Adolph Hess Nachfolger из Франкфурта-на-Майне и Jacob Schulman из Амстердама¹. Собрания частных коллекционеров представляли для исследователей не меньшую ценность и интерес, чем, например, коллекции Британского музея. На заседании Императорского Московского археологического общества (ИМАО) в 1889 году отмечалось, что из 20 известных вавилонских ваз из Южной Месопотамии почти половина находилась в частных руках².

Огромный интерес для европейцев представляли древности Османской империи, Греции, Египта, а также Италии. Крупный торговец древностями, профессор Афинского университета Атанасиос Росополос часть своей коллекции продал Британскому музею через британского торгового агента Чарльза Мерлина [10: 621]. Росополос совершал аналогичные сделки и с русским чрезвычайным посланником при греческом дворе А. Д. Блудовым. В музее греческого города Олимпии у сторожа можно было недорого купить античные светильники, недавно найденные археологами и еще не получившие инвентарные номера³.

Россия тоже весьма активно приобретала древности за границей. Еще в 1851 году Николай I согласился продать участок земли в Риме на Палатинском холме, купленный специально для археологических раскопок, в обмен на античные статуи, бюсты и барельефы для Эрмитажа. В 1861 году заведующий Римской археологической комиссией С. А. Гедеонов приобрел в Риме для Эрмитажа собрание древностей маркиза Д. Кампана, а в 1884 году Александр III стал владельцем коллекции проживавшего в Париже русского коллекционера А. П. Базилевского [6: 430–433]. В 1880-е годы исследователь-египтолог и коллекционер В. С. Голенищев приобрел в Египте и Османской империи множество очень ценных предметов [5: 8–9]. К началу 1900-х годов цены на египетские древности выросли более чем в пять раз, так как многие специалисты считали, что их запасы находятся на грани исчерпания⁴. В 1896 году Русский археологический институт в Константинополе в своем отчете отмечал, что «на древности есть спрос и что крестьяне даже на месте имеют скупщиков»⁵. В целом же в XIX – начале XX века торговля древностями

была чрезвычайно распространена во всей Европе и на Ближнем Востоке.

Российская империя представляла не меньший интерес для иностранных покупателей археологического антиквариата. Формирование антикварного рынка России начинается уже на рубеже XVIII–XIX веков, а к середине XIX века южные губернии России стали источником материалов для пополнения коллекций зарубежных собирателей и музеев [8: 170]. В 1861 году купец и сардинский подданный Людвиг Аллиауди на купленной им земле обнаружил «два мраморных пьедестала от больших статуй с уцелевшими на носах карнизами и греческими надписями»⁶. Аллиауди колебался между продажей находок российскому правительству и британскому консулу. Англичанин предложил за них 500 рублей, тогда как российские власти готовы были заплатить не более 300 рублей⁷. В итоге Керчь-Еникалейским градоначальником были «приняты надлежащие меры к наложению на оные формального запрета на вывоз их за границу», и российское правительство смогло оставить эти находки себе, хотя специального закона, запрещавшего экспорт древностей, не существовало⁸.

Однако история с Людвигом Аллиауди осталась исключительным случаем предотвращения покупки древностей иностранцем. В 1867 году директору Керченского музея древностей А. Е. Люценко принесли краснофигурный кратер, найденный в кургане на земле крестьянина С. Ерохина из селения Эльтиген. Люценко пытался договориться с помещицей Гурьевой о праве раскопать другие курганы, которые находились поблизости, но уже на ее земле. Гурьева требовала за это право 3000 рублей, но у Люценко таких средств не было. В это время известный кладоискатель, прусский подданный Биллер, договорившись с Гурьевой, обследовал многие курганы и гробницы на ее земле. Найденные древности он продал за границу, и они оказались в Оксфордском музее. В 1884 году эти древности были изданы Е. Гарднером как найденные в окрестностях Керчи [1: 71–72].

Член-корреспондент Одесского общества истории и древностей (ООИД) В. Х. Кондаракки в 1884 году в письме к А. В. Адрианову отмечал, что множество керченских древностей «ушло и по сей день уходит за границу»⁹. В 1887 году на пленарном заседании Таврической ученой архивной комиссии в Симферополе обсуждалась проблема продажи древностей из России. Присутствовавший на заседании губернатор отмечал, что это массовое явление: «Я

случайно видел в Керчи целый ящик собранных древностей, приготовленный к отправке за границу»¹⁰. В 1892 году директор Керченского музея К. Е. Думберг сообщал в Императорскую археологическую комиссию (ИАК), что керченские древности через торговцев массово попадают в руки путешественников и вывозятся за границу [8: 170].

Огромный интерес для коллекционеров, в том числе иностранных, представлял Херсонес. После начала научных раскопок ООИД стало известно, что привлекавшиеся для этих целей солдаты особо активно похищали и продавали древности любителям старины. По данным ООИД за 1882–1883 годы, значительное количество ценных находок было приобретено частными лицами и продано за границу. Многие древности продавались мальчиками и рабочими у пристаней в Севастополе как раз во время прихода пароходов, весьма вероятно, расчет был в том числе и на гостей из других стран¹¹.

В начале XX века агент германской фирмы по экспорту хлеба Арнольд Фогель составил коллекцию из 1364 предметов, добытых грабителями в Ольвийском некрополе. С аукциона в Германии она разошлась по музеям Мюнхена, Берлина, Лейпцига и Майнца. Обширную коллекцию древностей собрал француз Мерлен де Массоно, который с 1884 года занимал пост управляющего царских виноделен в Крыму и на Кавказе. В начале XX века одну часть он продал Берлинскому музею, а другую – итальянскому коллекционеру Эркюлю Канессе [7: 178].

Проводившиеся в разных городах России археологические съезды привлекали не только ученых. Так, археологический съезд в Тифлисе 8–20 августа 1881 года широко представил кавказские древности для европейских исследователей и, как неизбежное следствие, коллекционеров с торговцами. Австрийский этнолог из Музея естественной истории в Вене Франц Хегер в дни работы съезда, только гуляя по городу, приобрел 33 глиняных сосуда всего за 9 рублей 80 копеек. Но, познакомившись с местными коллекционерами, он за 250 рублей купил у Хабоша Дударовича Канукова коллекцию бронзовых предметов из погребений Верхнего Кобана. Тогда же Рудольфу Вирхову удалось приобрести «прекрасную коллекцию доисторических бронзовых изделий» [13: 118–119]. Вероятно, их продал все тот же Кануков. Всего он раскопал от 500 до 1000 погребений, а древности из них распродал в многочисленные музеи Берлина, Вены, Будапешта, Лондона, Нью-Йорка, Парижа и Санкт-

Петербурга, а также в частные коллекции. «Многие сотни гробниц были раскопаны местным населением, а их содержимое распродано по всему миру», – писал Хегер в 1890 году после возвращения из экспедиции на Кавказ [13: 130].

В парижском археологическом журнале «Revue Archeologique» за январь 1885 года была опубликована статья Германа Бапста о раскопках, проведенных им на Кавказе в 1883 году. В ней описываются не только раскопки, но и покупки различных древностей, которые были вывезены в Париж¹². В связи с этим председатель ИАК обратился в МВД с просьбой оградить памятники Кавказа от подобных раскопок и не отказывать ИАК в защите их прав, «бесцеремонно попираемых на всем протяжении от Анапы до Батума»¹³.

В 1886 году на эту проблему обратил внимание историк, археолог и антиквар Т. В. Кибальчич. По его оценкам, лишь незначительная часть находок оставалась в России. «Некоторые любители собирают коллекции древностей, находимых в пределах России, для выгодной продажи за границу», – писал он в ИАК. Он также докладывал, что агенты заграничных музеев действовали в Одессе, Киеве, Севастополе, Керчи, Тамани, Тифлисе, Виннице и других городах¹⁴. Так как Кибальчич сам был опытным коллекционером, он говорил о происходящем, зная ситуацию изнутри.

В значительной степени иностранные исследователи, такие как прусский профессор Рудольф Вирхов или французский археолог Эрнест Шантр, обогащали древностями музеи в Берлине и Лионе за счет своих собственных раскопок, проводимых на Кавказе и в южной части Закавказья¹⁵. Хотя в 1880-е годы Вирхов поручал другим немцам проводить раскопки и покупать древностей у местных жителей. Так, предметы для его коллекции приобретал геолог Вальдемар Белк, работавший электротехником на фабрике «Siemens» в Кедабеке [7: 177]. В 1880-е годы Археологическая комиссия неоднократно обращалась к Кутаисскому губернатору с просьбой прекратить раскопки возле Сухума, которыми занимались греки и немецкие колонисты¹⁶.

В 1889 году Хегер во время экспедиции на Кавказ покупал как отдельные находки, так и коллекции. Вторые он приобретал коробками по стандартной цене 20 рублей за штуку. В селе Кумбулта местные жители предложили Хегеру приобрести у них либо более полную коллекцию за 5000 рублей, состоящую из 130 коробок, либо вторую из 40 коробок без значительного числа дубликатов, но за 800 рублей. При этом вторую

коллекцию Хегер хотел сократить до 15–20 коробок. Такая избирательность была связана с нехваткой средств на более крупные покупки [13: 131]. После возвращения во Владикавказ он купил одну коллекцию за 300 рублей. Вторая ему обошлась всего в 35 рублей, хотя изначально она стоила 65 рублей, но Хегер сумел сторговаться [13: 134–135]. Посетив Кавказ в 1890 и 1891 годах, он вновь приобрел древности у местных археологов-коллекционеров. Он и сам занимался раскопками, вывезя с 1881 по 1893 год в Вену в общей сложности около 5000 археологических предметов [13: 138]. В 1890 году по поручению французского министерства просвещения французский этнолог, археолог и коллекционер барон Жозеф де Бай приобрел массу археологических предметов для Лувра и других французских музеев [7: 178].

Даже у представителей крупнейших музеев был ограниченный бюджет на такие цели, и они не спешили тратить на археологические находки большие деньги. Покупка же крупных коллекций была не очень частым явлением. В январе 1898 году графиня Уварова писала председателю Государственного совета князю Михаилу Николаевичу:

«Русской науке придется изучать свой Кавказ не на Кавказе, а в Берлине, Вене, Лионе и в других зарубежных ученых центрах, подвергаясь насмешкам той же западной науки за неумение сохранить свои же собственные научные богатства»¹⁷.

Большой интерес у иностранных туристов и исследователей вызывала Сибирь. Еще в 1847 году российский исследователь и путешественник М. А. Кастрен, путешествуя по Сибири, собирал археологические древности, найденные вдоль Енисея при распашке земли, а также приобрел у местных племен несколько старинных вещей из Минусинского округа¹⁸. Со второй половины XIX века среди ученого сообщества Европы значительно возрос интерес к древностям Сибири и Центральной Азии. С 1891 по 1905 год несколько экспедиций предпринял австрийский ученый Ханс Ледер, собрав внушительную коллекцию археологических находок¹⁹.

Как и на Кавказе, сам факт заинтересованности европейских и российских исследователей в археологических древностях Сибири демонстрировал местным жителям, что на этом можно заработать. Во многих городах действовали ярмарки, на которых можно было свободно продавать и приобретать любые предметы антиквариата. Древности скупались также у местного населения и вывозились за границу. Обнаруженные в Енисейской губернии фигурки были выку-

плены в Константинополе в 1901 году. Находки, обнаруженные в 1894 году в одном из курганов Семипалатинской области, в 1904 году оказались на антикварном рынке в Бухаре и были куплены Прусским королевским музеем в Берлине. В Лондонском музее находятся древние серебряные блюда, приобретенные в 1870 и 1875 годах на Нижегородской ярмарке. Археологический музей в Лионе в 1890 году купил у французского коллекционера Эрнеста Сейера серебряный кувшин, найденный в сибирском кургане. Музеем Национальной библиотеки Парижа были приобретены древние монеты из собрания князя П. Д. Салтыкова²⁰. В начале XX века некоторые частные археологические коллекции, собранные на территории Сибири, были приобретены европейскими музеями²¹.

Большое внимание коллекционеров-иностранцев было приковано и к Центральной Азии. 24 апреля 1887 года на заседании Московского археологического общества М. В. Никольским было предложено учредить Восточную комиссию для занятия «ориентальной археологией» на территории Российской империи. Никольский считал, что нужно составить план «систематического завоевания этого края для науки собственными силами» до того, как там появятся иностранцы²². В 1888 году в Самарканд была подведена Закаспийская железная дорога, в результате чего значительно облегчился доступ всех желающих к древним памятникам. Только в 1890-х годах было зарегистрировано 289 иностранцев, путешествовавших по Бухарскому эмирату и Туркестану, среди которых было 75 англичан, 70 немцев и 57 французов. Это не считая туристов, которые не регистрировались отдельно, а закреплялись за своими гидами [12: 78].

Для удовлетворения спроса со стороны европейских путешественников, коллекционеров, а также агентов крупных европейских музеев практически во всех крупных городах Центральной Азии появлялись торговцы антиквариатом. На рынках Самарканда были представлены ювелирные изделия, изделия из металла, керамика периода Саманидов IX и X веков, которая была чрезвычайно популярна у коллекционеров. Крупный антикварный рынок действовал и в Бухаре. Зарубежные исследователи, посещавшие Туркестан, высоко оценивали развитие нумизматического рынка, который в значительной степени существовал за счет спроса со стороны зарубежных туристов и коллекционеров. Местные торговцы успешно продавали древности в розницу,

а также тесно сотрудничали с особо важными клиентами [14: 146–149].

Еще в 1895 году Н. И. Веселовский возглавил архитектурно-археологическую экспедицию в Самарканд, чтобы снять планы и рисунки архитектурных археологических памятников до того, как они будут разрушены. В Самарканде иностранные скупщики и туристы охотно приобретали цветные изразцы с облицовки древних мечетей. В самом начале XX века неизвестным туристом был вывезен из усыпальницы близ Регистана огромный намогильный камень султана Абу-Саида с резными украшениями и надписями на нем [2: 55–57].

В начале XX века в Центральной Азии работали экспедиции английских, французских и немецких ученых (М. Стейн, А. Грюнведель, А. фон Ле Кок и др.).

«Покупка древностей и современных местных артефактов на рынках была самым обычным способом коллекционирования в рассматриваемый период, и каждый коллекционер, без исключения, прибегал к этому методу»,

– пишет С. Горшенина [12: 41]. Следует отметить, что далеко не все исследователи проводили самовольные раскопки, а наоборот, относились к соблюдению законов крайне ответственно. Американский геолог, профессор Р. В. Пампелли в 1904 году проводил свои раскопки в Закаспийской области под строгим надзором ИАК. Все добытые древности он, согласно обязательствам перед ИАК, отправил в Петербург [2: 54].

Российские коллекционеры, проживавшие в Туркестане, также охотно продавали предметы из своих коллекций иностранцам. Французский профессор естествознания Ж. Шафанжон купил коллекцию древностей у археолога и натуралиста Л. С. Барщевского; крупный немецкий этнограф Адольф Бастиан купил для Берлинского этнографического музея коллекцию предметов у ученого-ориенталиста Н. П. Остроумова. Ташкентский музей отказался приобрести ее, назвав «неинтересным хламом», чем спровоцировал скандал в Москве и столице. Тогда же историк-востоковед В. В. Бартольд отмечал:

«Пока продолжается беспрепятственное и необратимое разграбление исторических объектов [Туркестана], мы можем только приветствовать иностранных ученых, музейных агентов или даже туристов, приобретающих их. Рано или поздно их коллекции могут попасть в музеи или будут предоставлены ученым их владельцами» [12: 52].

В 1901 году в ИАК отмечали, что иностранцы «совершенно развратили в этом случае туземцев», а карательные меры на данном этапе

не действовали²³. Когда в том же году встал вопрос о выдаче разрешений проводить раскопки на территории Хивинского ханства, ИАК выступила против, так как в Самарканде после отъезда исследователя местное население хищнически «набрасывается на курганы» и распродает находки все тем же заграничным туристам и коллекционерам. В ИАК отмечали, что, как и ранее на Кавказе, купленные вещи лишь изредка описывались и издавались:

«Вещь, приобретенная на память о поездке, затеривалась, а после смерти владельца утрачивала всякое значение, так как пропадали все сведения о ее происхождении»²⁴.

К 1910 году антикварная торговля в Центральной Азии достигла своего пика, и древности массово поступали на европейский антикварный рынок, где их приобретали такие люди, как швейцарский коллекционер Х. Мозер [11: 50].

Поскольку основной экспортной артерией была Транскаспийская железная дорога, то, как правило, среднеазиатский антиквариат попадал в Европу и Америку через Иран и Турцию. Генерал А. В. Комаров в письме А. А. Бобринскому отмечал, что «все монеты, посуда и другие находки из Закаспийского региона проданы в Персию евреями и армянами» [12: 51]. Путь через Афганистан и Индию был более опасным, но и на антикварных рынках этих стран встречались древности, добытые на территории Российской империи. Найденное в 1829 году в районе верхнего течения р. Амударья сасанидское серебряное блюдо было куплено в 1890-х годах уже в Бадахшане для музея «Victoria and Albert» в Лондоне²⁵.

Местные торговцы перепродавали древности, и особенно много древних монет, в Британскую Индию через индийских и других торговцев, посещавших Туркестан [14: 149]. Британский исследователь Ауфель Стейн 1 июня 1893 года предложил министру внутренних дел правительства Индии разослать инструкции своим агентам в различных частях Центральной Азии с тем, чтобы они проводили исследования и вывозили древности [15: 148–149]. В 1895 году археологическая служба Индии издала каталог монет, приобретенных в разных странах, среди которых был и русский Туркестан. Несколько десятков монет, указанных в каталоге, были приобретены в Бухаре, Фергане, Коканде, Хорезме и Самарканде²⁶.

При этом иностранным исследователям музеев выделяли довольно скромные суммы на покупку археологического антиквариата. В 1891 году Франц Хегер за 35 рублей, при изначальной цене

в 65 рублей, приобрел несколько серебряных вещей, железный меч, две дощечки с серебряной чеканкой, а также бронзовый бокал с жемчугом. Можно предположить, что каждая коробка, купленная за 20 рублей, также содержала всего несколько предметов, ведь исследователи стремились не покупать дублирующие предметы, а выбирали наиболее ценные находки. Купленные во Владикавказе за 300 рублей 15 коробок могли содержать всего более сотни находок. В целом это совпадает с упоминавшейся покупкой отдельных находок в среднем за 1 рубль или дешевле, когда речь шла о массовом материале. И все же за границу вывозились тысячи предметов, иногда очень ценных. Известно, что за 12 лет Франц Хегер отправил в Германию около 5000 предметов [13: 134]. У исследователей просто не хватило бы денег выкупить их все. Об этом свидетельствует и практика покупок древностей в других странах.

В 1870-х годах профессор Росополос в Афинах продал Джорджу Роллстону почти целый скифский череп V в. до н. э. за 4–5 фунтов. Целый скелет стоил 8 фунтов. У менее квалифицированных продавцов такие находки стоили еще дешевле [9: 173]. Британский музей получал сотни писем от торговцев древностями из Османской империи с предложениями купить их находки, но лишь малая часть из них удостоивалась внимания. Некоторые торговцы считали, что им предлагают слишком мало, но в итоге уступали. В 1895 году Британский музей после года обсуждений приобрел древнюю табличку всего за 10 фунтов. В 1899 году уже другие торговцы были готовы продать весьма ценные древности за 20 фунтов, хотя сначала хотели получить 65 фунтов²⁷.

В последующие годы ситуация с расхищением древностей в регионе не улучшилась. Единственным хранителем древностей в Самарканде был В. Л. Вяткин, а реставрация и консервация архитектурных памятников Туркестана не проводились. Выступая в 1909 году в Государственной думе, председатель ИАК А. А. Бобринский отмечал, что сейчас о выделении средств на объекты культурного наследия в Туркестане речи не идет [16: 509].

Столь массовая скупка древностей иностранцами и вывоз их за границу во второй половине XIX века стали реальностью не только из-за активной деятельности агентов крупных европейских музеев и коллекционеров, но в первую очередь благодаря законодательству самой Российской империи, не препятствовавшему не только свободной торговле древностями, но и вывозу

их из страны. Без этого условия деятельность иностранных граждан значительно осложнилась бы.

Древности, выкопанные совершенно законно на частной земле, смешивались с находками, найденными на землях государственных и общественных. В результате было почти невозможно разделить находки на полученные легально и нелегально. Российское законодательство даже разграничивало клад и находку. Находкой «считалось обретение вещей и других движимых имуществ, которых владелец неизвестен», и по закону все археологические находки оставались нашедшему²⁸. Даже если удавалось установить, что древности найдены на государственной земле, то нужно было еще доказать, что они целенаправленно выкопаны, а не найдены случайно.

Директор Эрмитажа в 1879–1888 годах Александр Васильчиков неоднократно обращался к министру двора с проектом реорганизации Комиссии в настоящий надзорный орган. В одном из таких обращений он привел следующий аргумент в пользу создания в России службы охраны памятников: «Даже в Турции есть нечто подобное» [4: 49]. В 1890-е годы ИАК неоднократно предлагала ужесточить ответственность за нарушение закона от 11 марта 1889 года, который давал ей исключительное право производить раскопки на казенных и общественных землях. Предлагалось также полностью запретить кладоискательство и установить строгую ответственность за утайку не только кладов, но и случайных археологических находок²⁹. Однако никаких поправок в законодательство внесено не было, и Комиссия могла лишь констатировать «равнодушие местной полиции к охране древностей или сознание представителями своего полного бессилия в борьбе с кладоискательством»³⁰. Прусский подданный Виллибальд Иоппих получал у генерал-губернатора Гродно разрешение на поиск кладов в 1890 и 1892 годах. И только когда в 1894 году он подал новое ходатайство, оно попало в ИАК и ему отказали на основе закона 1889 года³¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нельзя точно сказать, какую долю вывезенных из России древностей составляли найденные иностранцами на раскопках, а какую – купленные европейскими туристами, музейными агентами, коллекционерами и исследователями. Туристы зачастую покупали у торговцев массовый материал вроде монет, но такие покупки никак не регистрировались и не оставили документальных следов. Многие торговцы не до-

кументировали свою деятельность и часто даже не вели опись товаров. Что касается именно профессиональных исследователей, то, скорее всего, купленные древности составляли меньшую часть от вывезенных ими за границу.

Не следует преувеличивать роль иностранных покупателей в торговле древностями в целом. Рынок археологического антиквариата в Российской империи сформировался бы и без них. Они сыграли в его развитии заметную, но не ведущую роль. При этом частные лица даже охотнее, чем ученые и представители музеев, тратили деньги на различный археологический антиквариат. Эта практика скупки древностей может быть в полной мере отнесена и к российским туристам, коллекционерам и исследователям. Иностранцы действова-

ли в рамках существующего законодательства или не отступали от него сильнее, чем местные жители. При этом во всех рассмотренных регионах, от Херсонеса до Самарканда, формы, которые принимали покупка и вывоз древностей в другие страны, были практически одинаковыми. Однако в европейской части страны контроль за раскопками был несоизмеримо выше, чем в присоединенном к Российской империи в 1867 году Туркестане. При этом российские учреждения и коллекционеры также крайне активно приобретали отдельные древности в других странах либо в ходе путешествий, как В. С. Голенищев, либо по итогу переговоров с крупными коллекционерами, как С. А. Геденов, пополняя коллекции Эрмитажа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Catalogue of fine ancient Greek gold & silver and a few fine Roman coins. (S. H. & H. Chapman, Ed.). Philadelphia: S. H. & H. Chapman, 1878. P. 7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/catalogueoffinea00shhc/page/n7/mode/2up> (дата обращения 31.10.2025).
- ² Соловейчик И. И. О новооткрытой еврейско-вавилонской вазе // Древности восточные. Труды Восточной Комиссии. Т. 1. Вып. 1–3. М., 1889. С. 90.
- ³ Бильвина О. Л. Частное коллекционирование произведений античного искусства в России (вторая половина XIX – первые два десятилетия XX в.): Дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2007. С. 93.
- ⁴ РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 112. Л. 9.
- ⁵ Известия Русского Археологического Института в Константинополе. Вып. I. Одесса: «Экономическая» типография, 1896. С. 28.
- ⁶ РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. 1861 г. Л. 2.
- ⁷ Там же. Л. 6.
- ⁸ Там же. Л. 18.
- ⁹ РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1884 г. Д. 5. Л. 18.
- ¹⁰ РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1886 г. Д. 43. Л. 28.
- ¹¹ РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1884 г. Д. 5. Л. 24.
- ¹² РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1885 г. Д. 5. Л. 8.
- ¹³ Там же. Л. 7.
- ¹⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1886 г. Д. 10-А. Л. 4.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1885 г. Д. 5. Л. 7.
- ¹⁶ Там же. Л. 5.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 77. Л. 7–8.
- ¹⁸ Борисенко А. Ю. Изучение древних и традиционных культур народов Сибири и прилегающих к ней районов Центральной Азии европейскими учеными в конце XVII – начале XX века: Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2023. С. 270.
- ¹⁹ Там же. С. 304–307.
- ²⁰ Смирнов Я. И. Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Издание Имп. Археологической Комиссии ко дню 50-летия ее деятельности. СПб., 1909. С. 9–17.
- ²¹ Борисенко А. Ю. Изучение древних и традиционных культур... С. 322.
- ²² Древности восточные. Труды Восточной Комиссии. Т. 1, вып. 1. М., 1889. С. 6.
- ²³ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Внутр. оп. 474/2423. Д. 178. Л. 7.
- ²⁴ Там же. Л. 7.
- ²⁵ Смирнов Я. И. Восточное серебро... С. 9–17.
- ²⁶ Catalogue of the coins collected by Chas. J. Rodgers and purchased by the government of the Panjab Part IV. (Chas. J. Rodgers, Ed.). Calcutta: Baptist Mission Press, 1895. P. 21–26 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ignca.gov.in/Asi_data/15770.pdf (дата обращения 31.10.2025).
- ²⁷ Ghanem N. When things go wrong: Smuggling artefacts from Baghdad to London in the late 19th century. 2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://blogs.soas.ac.uk/soashistoryblog/2022/02/04/when-things-go-wrong-smuggling-artefacts-from-baghdad-to-london-in-the-late-19th-century/> (дата обращения 31.10.2025).
- ²⁸ Свод Законов Российской Империи. Т. X: 1912 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/60.html> (дата обращения 31.10.2025).

²⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 192. Л. 3–4.

³⁰ Там же. Л. 5.

³¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 51. Д. 74. Л. 16–18.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: Деметра, 1999. 160 с.
2. Длужневская Г. В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. 296 с.
3. Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: Коллективная монография: В 2 т. Т. 1 / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 888 с.
4. Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 371 с.
5. Струве В. В. Значение В. С. Голенничева для археологии // Очерки по истории русского востоковедения. 1960. № 3. С. 1–69.
6. Тихонов И. Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 427–479.
7. Чандрасекаран С. Западные коллекционеры на Кавказе и в Северном Причерноморье в дореволюционное время // Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке / Ред.: М. Т. Кашуба, М. В. Медведева, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 177–180.
8. Шаманаев А. В. Вывоз из Крыма археологических находок за рубеж в XVIII – начале XX века: перспективы исследования проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68), № 2. С. 162–173.
9. Galanakis Y. An unpublished stirrup jar from Athens and the 1871–1872 private excavations in the outer Kerameikos // Annual of the British School at Athens. 2011. № 106. P. 167–200. DOI: 10.1017/S0068245411000074
10. Galanakis Y., Skaltsa S. Tomb robbers, art dealers and a dikast's pinakion from an Athenian grave // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 2012. Vol. 81, № 4. P. 619–653. DOI: 10.2972/hesperia.81.4.0619
11. Gorshenina S. Russian archaeologists, colonial administrators, and the “natives” of Turkestan: Revisiting the history of archaeology in Central Asia // “Masters” and “natives” digging the others’ past. (S. Gorshenina, Ph. Bornet, M. E. Fuchs, C. Rapin, Eds.). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2019. P. 31–86. DOI: 10.1515/9783110599466-004
12. Gorshenina S. The private collections of Russian Turkestan in the second half of the 19th and early 20th century // Central Asian Studies. 2004. № 15. 205 p. DOI: 10.1515/9783112400326
13. Heinrich A. Franz Hegers Reisen und Ausgrabungen im Kaukasus und die Entstehung der “Sammlung Kaukasischer Alterthümer” im Naturhistorischen Museum in Wien // Mitteilungen der. Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. 2007. 136/137. S. 107–143.
14. Naymark A. Coin collecting in colonial Turkestan (from Russian conquest to the end of the 19th century) // Polymnia. Numismatica Antica e Medievale. Studi 9. Università di Trieste. 2015. P. 139–156.
15. Strauch I. Priority and exclusiveness: Russians and Germans at the Northern Silk Road (materials from the Turfan-Akten) // L’orientalisme des marges. 2014. № 2-3. P. 147–178. DOI: 10.4000/edl.676
16. Yunusov M. A history of scientific archeological research by the Imperial Archeological Commission in Samarkand // International Journal on Integrated Education. 2022. № 6. P. 504–520.

Поступила в редакцию 01.11.2025; принята к публикации 27.02.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Dmitry V. Kozlovsky, Independent Researcher (St. Petersburg, Russian Federation)
dmitry.kozlovsky@yandex.ru

THE ROLE OF FOREIGNERS IN THE TRADE OF ARCHAEOLOGICAL ANTIQUITIES IN THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract. The article examines the participation of foreign researchers and collectors in the purchase of antiquities in the Russian Empire in the second half of the XIX and early XX centuries. The objective of the study is to clarify their role in the development of the archaeological antiques market. The purchase and export of antiques by researchers from Europe has not yet been sufficiently studied by Russian historiography. Previously unpublished documents are introduced into scientific circulation. Also studies in English and German are cited, showing the problem from the European scientists’ perspective. The sources include regional newspapers, official documents, reports, and personal communications of prominent Russian scholars. This provides a more complete picture of the international antiques market, which is increasingly becoming the subject of research in Russia and other countries. According to archival

materials, private collectors, tourists, researchers, and agents of foreign museums visited those regions of Russia where archaeological excavations were very active at that time, primarily Crimea, the Caucasus and Transcaucasia, as well as Central Asia. These foreigners actively and successfully competed with Russian scientists and collectors for the right to acquire both unique finds and massive archaeological artifacts. The findings shed new light on significant, but not the paramount role of foreign scientists on the antique market. The budgets of Western researchers for the purchase of archaeological finds turned out to be very limited, forcing them to consider each transaction carefully. Private collectors had much greater financial resources. Tourists and travelers bought up antiquities no less massively. Since the antiques market in Russia was completely legal, local antiques dealers themselves sought to satisfy the increasing demand for antiquities. Without them, the export of antiquities would not have taken on such a scale. Thus, in the last decades of the Russian Empire, the country lost a huge number of ancient monuments, replenishing private collections and state museums in Britain, Germany, France, and other countries.

Keywords: archaeology, antiquities trade, foreign researchers, collectors, museums, European scientists, Russian Empire

For citation: Kozlovsky, D. V. The role of foreigners in the trade of archaeological antiquities in the Russian Empire. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):101–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1325

REFERENCES

1. Borovkova, V. N. Collectors and dealers of Kerch antiquities. Kerch, 1999. 160 p. (In Russ.)
2. Dluzhnevskaya, G. V. Archaeological research in Central Asia and Siberia in 1859–1959 (according to the documents of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). St. Petersburg, 2011. 296 p. (In Russ.)
3. The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): the history of the first state institution of Russian archeology from its foundation to its reform: Collective monograph: In 2 vols. Vol. 1. (A. E. Musin, M. V. Medvedeva, Eds.). St. Petersburg, 2019. 888 p. (In Russ.)
4. Musin, A. E. Glaring stones. The Russian Church and the cultural heritage of Russia at the turn of the millennium. St. Petersburg, 2006. 371 p. (In Russ.)
5. Struve, V. V. The significance of V.S. Golenishchev for archeology. *Essays on the History of Russian Oriental Studies*. 1960;3:1–69. (In Russ.)
6. Tikhonov, I. L. Archeology in the Imperial Hermitage. *Russian Archaeological Yearbook*. 2014;4:427–479. (In Russ.)
7. Chandrasekaran, S. Western collectors in the Caucasus and the Northern Black Sea region in pre-revolutionary times. *Antiquities of the Northern Black Sea region, Caucasus, and Central Asia: from the discoveries of N. I. Veselovsky to modern science*. (M. T. Kashuba, M. V. Medvedeva, E. O. Stoyanov, Eds.). St. Petersburg, 2024. P. 177–180. (In Russ.)
8. Shamanayev, A. V. The Crimean archaeological finds moving to abroad in the 18th – early 20th century: the problems and perspectives of study. *Scientific notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University*. Series: Historical Science. 2016;68(2):162–173. (In Russ.)
9. Galanakis, Y. An unpublished stirrup jar from Athens and the 1871–1872 private excavations in the outer Kerameikos. *Annual of the British School at Athens*. 2011;106:167–200. DOI: 10.1017/S0068245411000074
10. Galanakis, Y., Skaltsa, S. Tomb robbers, art dealers and a dikast's pinakion from an Athenian grave. *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. 2012;81(4):619–653. DOI: 10.2972/hesperia.81.4.0619
11. Gorshenina, S. Russian archaeologists, colonial administrators, and the “natives” of Turkestan: Revisiting the history of archaeology in Central Asia. “Masters” and “natives” digging the others’ past. (S. Gorshenina, Ph. Bornet, M. E. Fuchs, C. Rapin, Eds.). 2019:31–86. DOI: 10.1515/9783110599466-004
12. Gorshenina, S. The private collections of Russian Turkestan in the second half of the 19th and early 20th century. *Central Asian Studies*. 2004;15:205. DOI: 10.1515/9783112400326
13. Heinrich, A. Franz Hegers Reisen und Ausgrabungen im Kaukasus und die Entstehung der “Sammlung Kaukasischer Alterthümer” im Naturhistorischen Museum in Wien. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. 2007;137:107–143.
14. Naymark, A. Coin collecting in colonial Turkestan (from Russian conquest to the end of the 19th century). *Polymnia. Numismatica Antica e Medievale. Studi* 9. 2015;9:139–156.
15. Strauch, I. Priority and exclusiveness: Russians and Germans at the Northern Silk Road (materials from the Turfan-Akten). *L'orientalisme des marges*. 2014;2-3:147–178. DOI: 10.4000/edl.676
16. Yunusov, M. A history of scientific archeological research by the Imperial Archeological Commission in Samarkand. *International Journal on Integrated Education*. 2022;6:504–520.

Received: 1 November 2025; accepted: 27 February 2026; published: 29 May 2026

ИРМА ИВАНОВНА МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5279-4880; irma.mulonen@mail.ru

АНГЕЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА КОНДРАТЮК

лаборант МНОЦ Nordica Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
angelinapug23@gmail.com

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ КАРТЫ СОЛОМЯНСКОГО ПОГОСТА XV ВЕКА

А н н о т а ц и я . Анализируются ойконимы одного из погостов Корельского уезда Водской пятины – Соломянского с целью локализации названных ими поселений XV века на исторической карте местности. Привлечены топонимы из исторических документов и карт XV–XX веков, а также собранные в разные годы в полевых экспедициях и хранящиеся в топонимических архивах Финляндии и Карелии. Исследование опирается, с одной стороны, на методы исторической географии (ретроспективный анализ источников разного времени и последовательное картографирование выявленных в них топонимов), с другой – на само содержание наименований поселений, в котором нередко заключена отсылка к характеристике места, позволяющей идентифицировать его расположение. В ходе анализа решались и собственно топонимические задачи: впервые проведена этимология ряда топонимов или исправлена существующая. Исследование показало значительную устойчивость как самих мест поселений, так и их названий на протяжении столетий. Оно подтвердило сделанный ранее вывод об ареальной дистрибуции ойконимных моделей и привязке названий с формантом *-la* к центральным, ядерным поселениям погоста. Реконструирован ряд традиционных карельских антропонимов, а также лексем, входивших в ономастикон и лексикон XV века. Продемонстрированы особенности передачи карельских топонимов в русское бытование. Эти результаты актуальны в контексте этнокультурной истории и языкового наследия карельского Приладожья.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ойконим, антропоним, топонимная модель, карелы, карельский язык, письменные источники, Северное Приладожье

Б л а г о д а р н о с т и . Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН № 125032004283-0 «Духовные традиции народов Карелии: тексты и контексты».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Муллонен И. И., Кондратюк А. А. Опыт реконструкции топонимической карты Соломянского погоста XV века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 110–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1326

ВВЕДЕНИЕ

Рождественский Соломянский погост был описан вместе с другими погостами Корельского уезда в писцовой книге Водской пятины 1499/1500 года (далее – ПКВП 1500)¹ с целью установления податного обложения. В нем перечисляются поселения и их жители – соответственно ойконимы и антропонимы. Это са-

мое раннее из сохранившихся описаний, но далеко не самое первое. В его тексте встречаются отсылки к «старому письму», конца 1470–1480-х годов, которое, в свою очередь, основывалось на фискальных списках времен независимости Великого Новгорода [4: 43]. Так что ойконимы – названия поселений, отмеченные в ПКВП 1500 года, в действительности могут иметь зна-

чительно более раннюю историю и не только сохранять память о системе номинации, но и служить источником карельского языка эпохи Средневековья. Северное Приладожье – территория, на которой на рубеже I–II тыс. н. э. происходило формирование карельского этноса. В конце XV – начале XVI века она еще не испытала мощной восточно-финской колонизации, начавшейся после вхождения в состав Шведского королевства. Соответственно, зафиксированная в это время топонимия еще не была разбавлена финскими названиями. Она, конечно, адаптирована русским языком, однако ее карельские оригиналы в целом хорошо просматриваются.

Описание Рождественского Соломянского погоста – самое короткое из всех описаний погостов Корельского уезда рубежа XV–XVI веков, хотя территориально он крупнее остальных. Однако погост был слабо заселен: практически все поселения концентрируются на узкой территории, прилегающей к побережью Ладожского озера, от устья р. Уксы до села Кондуши на границе с Обонежской пятиной. Внутри материковой территории выделяется только один участок, привязанный к озеру Суоярви. Он демонстрирует внутреннюю колонизацию из центра погоста, которая выводила на важную водную магистраль – реку Шую. Последующие – уже шведского времени – описания фиксируют появление новых поселений «на Северике» – в центре и на северной окраине земель исторического погоста и формирование в XVII веке новых Шуйстомского – Suistamo и Шуезерского – Suojärvi погостов на этих землях.

На фоне более западных карельских погостов Северного Приладожья эта территория обладала своей языковой спецификой. Здесь соприкоснулись территориально два наречия карельского языка – собственно карельское и ливвиковское. Располагаясь на границе ливвиковских земель Обонежской пятины, она практически служила их продолжением на северо-запад. На современной диалектной карте карельского языка салминский диалект – один из диалектов ливвиковского языка, близкий по всем параметрам к видлицкому. В то же время северная часть территории бывшего Соломянского погоста на диалектной карте входит в регион собственно карельских диалектов. Здесь до Второй мировой войны бытовали три собственно карельских диалекта Приграничной Карелии: Суоярви, Суйстамо и Корписелькя, демонстрирующие переходный между собственно карельским и ливвиковским наречиями характер [8: 28]. На рубеже XV–XVI веков северная материковая часть территории пого-

ста была еще практически не заселена. Ее освоение происходило позднее и отражено в фискальных описаниях шведского времени – XVII века, когда сюда происходил отток собственно карельского населения с территории смежных Сердовольского и Иломанского погостов и в меньшей степени – из Салми [13].

В статье предпринята реконструкция исторической карты Соломянского погоста периода Писцовой книги 1499/1500 года с опорой на топонимические данные. Несмотря на значительную устойчивость топонимов во времени, не все из названий пятисотлетней давности сохранились до наших дней. Для реконструкции их местоположения на карте, а также для выявления цепочки смены ойконимов в последующие века привлечены русские писцовые и шведские поземельные книги XVI–XVII веков и карты XVIII–XX веков. Активно использовались данные, хранящиеся в топонимическом архиве Финляндии и доступные благодаря электронному ресурсу Nimiarkisto (<https://nimiarkisto.fi/>). Они были собраны в рамках специальной программы в послевоенные годы от бывших жителей Салми и округа, оказавшихся в Финляндии. Основным источником материала послужил электронный ресурс «Топонимия Карелия» (сокращенно ТопКар), который создается в ИЯЛИ КарНЦ РАН на основе коллекции полевых сборов топонимов с 1970 года, а также данных письменных и архивных источников. Ресурс размещен по адресу <http://topkar.krc.karelia.ru>.

Как и многие другие исследования, основанные на топонимических данных, предложенный в статье анализ носит междисциплинарный характер. Будучи проведенным в русле исторической географии, которая сочетает пространственный и исторический подходы, он одновременно обращается к лингвистическим данным и методам. Наиболее востребованы общенаучные картографический, а также метод ретроспективного анализа, из лингвистических – комплекс методов этимологического исследования. Кроме этого, использованы некоторые частные приемы, эффективные для решения поставленной задачи. Среди них обращение к антропонимическим данным, то есть патронимам и прозвищам жителей, оставившим свой след в ойконимии, к семантике топооснов, которая может содержать указание на возможное размещение исторического поселения, к топографии местности, что естественно для картографирования. Информативным для целей исследования оказывается иногда и сам порядок описания территории в документе.

Отметим в заключение, что реконструкция поселенческой сети на территории Карелии по данным исторических источников имеет давние традиции. Некоторые ее существенные положения разработаны на материале заонежских погостов М. В. Витовым [1]. Методика была в дальнейшем применена А. Ю. Жуковым к локализации поселений других погостов Обонежской пятины, в частности Сямозерья [3]. Она получила развитие в исследовании А. А. Селина на материале южных уездов Водской пятины [10]. Наше мини-исследование на фоне этих работ отличается бóльшим вниманием к собственно топонимическим фактам и выходом через расшифровку их содержания на отражение языковой и историко-культурной ситуации пятисотлетней давности в регионе.

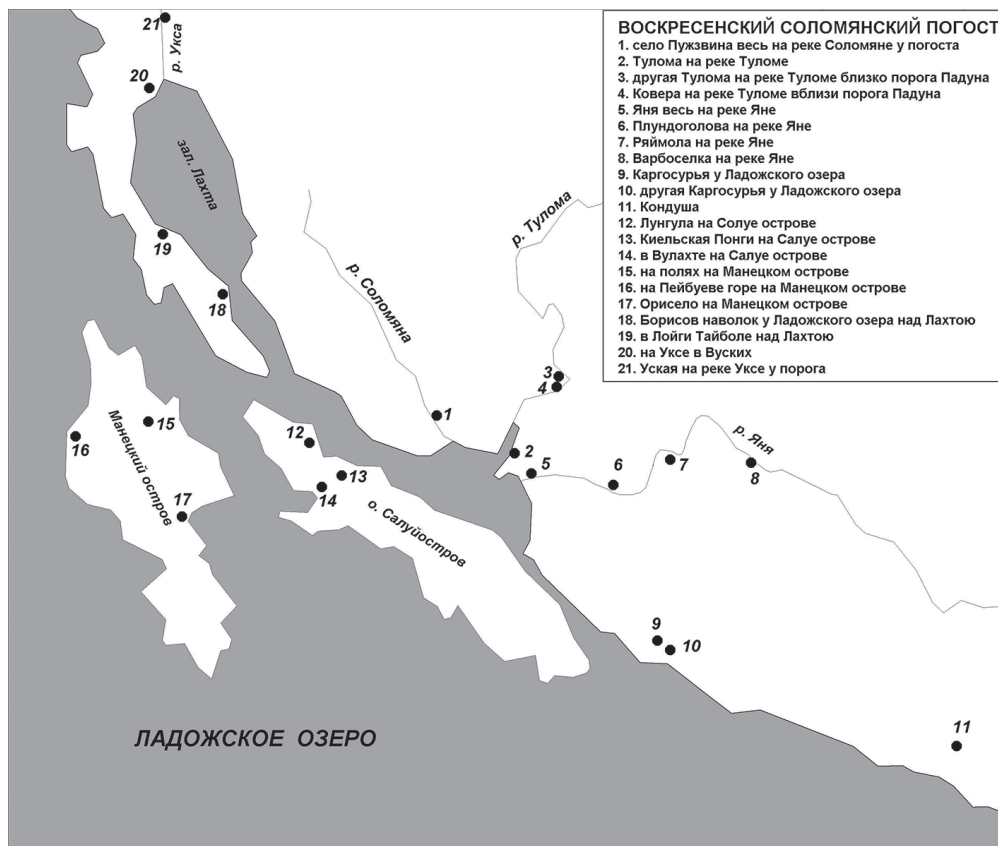
АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ

Погост-место и его окрестности

Последовательность описания Воскресенского Соломянского погоста позволяет выделить в тексте несколько фрагментов сообразно их геогра-

фическому размещению. Один из них можно квалифицировать как центральный, размещающийся в низовьях рек *Соломяна («...на реке Соломяне у погоста»), Тулома и Яня, устья которых практически соседствуют друг с другом (рисунок).

Из них первый топоним не сохранился, однако расположение названной им реки без труда реконструируется по привязке к ней церкви-погоста и прилегающего обширного поселения *Пужжвина весь*, включающего более 70 домов. В последующем описании 1568 года фигурирует река *Погоская* (то есть *Погостская*)². В шведское время название переводится на финский и превращается в реку *Kirkkojoki* ‘церковная река’. В транскрибированном на русский язык виде *Кирккойоки* оно доживает до наших дней (таблица). Логично полагать, что именно название реки *Соломяна* – из др.-рус. *солома* ‘пролив, протока’³ – лежит в основе именованного погоста. Известно, что сам термин является ранним заимствованием из прибалтийско-финского источника *salmi*⁴ с тем же значением⁵. При этом не до конца понятно, какой именно пролив имелся в виду. Ло-

Исторические поселения Соломянского погоста.

Реконструкция карты И. И. Муллонен. Рисунок Н. Л. Шибановой

От Соломянского погоста до поселка Салми
From the Solomyansky Pogost to the village of Salmi

ПКВП 1499/1500	Исторические источники XVI–XIX веков	XX век (фин.)	XX век (рус.)
Борисов наволок у Ладожского озера над Лахтою	Borisan Sari 'Борисов Остров' (1650)	Uksalonpää	Уксалонпя
село Пужзвина весь на реке Соломяне у погоста	(деревня) над Погоскою рекой (1568), Kircko Joki (1590), Pogost eller Kyrkio by (1618), Kirko joki (1631), Кирккойёки бю (1871)	Kirkkojoki	Кирккойоки
Яня весь на реке Яне	деревня Анея на устьи реки Анеи от Ладожского озера; в Анее же от погоста по другой стороне реки Анеи (1568), Mijnan Joki (1590, 1618, 1631), Mina Joki (1637), Минола (1805), Мианала (1871)	Miinala	Мийнала
Плундголова на реке на Яне	Kalliosuria (1618), Kalli syriä (1631), Пебро (1805, 1871)	Pebru	Пебру
Ряймола на реке на Яне	Деревня Аневис над рекою над Ряймелою (1568), Reimelä (1590), Rämälä (1618), Rämälä By (1631), Räjälä by (1637), Раймала (1871)	Rämälä	Ряймьяля
Варбоселка на реке на Яне	Деревня Варбаселья над рекою над Анею над Мининою (1568), Warpas selke (1590), Warbaselgä (1618), Warba selkä (1631), Варпаселья (1797), Варпаселья (1871)	Varpaselkä	Варпаселья
Тулома на реке Туломе	Деревня Тулома на берегу реки Туломы (1568), Tulema Joki (1590), Tuloma Joki nedre i Äminnet (1618), Tuloma Joki (1631), деревня Тулома (1637), Тулома (1797), Салмис (1871)	Salmi	Поселок Салми
другая Тулома на реке Туломе близко порога Падуна			
деревня Ковера на реке на Туломе близко Падуна	Деревня Коверино над Туломою рекою (1568), Kowera (1618), Ковера (1797), Коверо (1871)	Kovero	Коверо
другая Каргосурья у Ладожского озера	Деревня в Каргусах над Ладожским озером; в Каргасех (1568), Karcos (1590), Karkus By (1631), Karcuss by (1637), Каркку (1871)	Karkku	Каркку
Дер. в Вулахте на Салуе ж острове	Улахто (1797), Улахть (1871).	Ulahto	Улахто
Киельская Понги на Салуе острове	Kijala på Kurolax holmen (1727)		
на Полях на Манецком острове	на Полях на Манецком же острове (1568), Peldosa (Mansensari öhn) (1618), Mantzi Pälldo (1637), Пелдойсь (1871)	Peltoinen	Пелтойнен
на Пейбуеве горе	Peibegora (1618), Peibon Mäki (1631), Пейбойсь (1871)	Peiposenkylä	
Орисело на Манецком же острове	Орисело на Манецком же острове (1568), Oriselgä på samma öhn (Mansensari öhn) (1618), Orich selgä (1631), Орихселья (1871)	Oritselkä	Оритселья
в Кузминску в Наволоке	Kuusi Niemi (1631), Kusanawolok på samma öhn (1618), Kuusi Niemi (1637)		
в Янежнеме наволоке	Мьсь Янённиemi (1871)	Jänisniemi	
Ялгалакша Кайбалыский наволок у озера Суярвы	Kaijbanpää By (1618), Kaibahan pä (1631), Kairainen (1637), Кайбайсь (1805), Кайпайсь (1871)	Kaipaa	Кайпа

гичнее всего исходить из того, что это был пролив между побережьем и вытянутым на много километров в длину островом Лункулансаари.

Поселение, которое именуется *селом Пужзвина весь на реке Соломяне у погоста*, являлось по совокупности признаков предком современного населенного пункта Кирккойоки, входящего в состав поселка Салми. Об этом свидетельствует помимо его расположения у погоста использование применительно к нему термина «село», то есть поселение с церковью, а также его размеры – более 70 домов. Это был некий конгломерат или куст отдельных частей, концов, углов со своими названиями. Последние всплывают в следующей известной нам пере-

писи 1568 года как деревни над «*Погоскою рекою*», названия которых оформлены «поселенческим» суффиксом *-la* с локативной семантикой, присоединяющимся к отантропонимной основе. Модель известна всем прибалтийско-финским языкам. При этом генетически это именованья домов и однодворных деревень, которые постепенно разрастались до многодворных, сохраняя исходное название [12]. В документе 1568 года перечисляются деревня *Рахкула*, волостки *Киврала*, *Пензула*, *Карала*, *Кетчула* и даже *Пузвила весь*. В них отчетливо просматриваются именные основы: в *Рахкула* – карел. **Rahko(i)la* хорошо известно именованью разных прибалтийско-финских языков личное имя *Rahkoi*; *Киврола* –

**Kiurula* воспроизводит карельский антропоним *Kiuru* ← *kiuru* ‘жаворонок’; в основе топонима Карала – карел. **Karala* можно реконструировать прозвищное именование **Kara* ← *kara*, *karahaine* ‘вспыльчивый, неуживчивый’; *Кетчула* – карел. **Keččula*, из *kečoi* ‘прясло (свинцовое колечко, надеваемое на веретено для тяжести)’⁶, переносно ‘о небольшом ростом и бойком человеке’. В последнем случае отантропонимную интерпретацию подтверждает патроним одного из жителей Фетька Микитина Кетчуева⁷. Для каждого из приведенных имен или прозвищ существует убедительный ряд аналогов в традиционном карельском ономастике и, шире, в прибалтийско-финском мире. Не все топонимы приведенного ряда прозрачны для расшифровки, однако сам принцип (суффикс *-la* присоединялся в традиционной прибалтийско-финской ойконимии к антропониму) не ставит под сомнение их именную природу. Нельзя исключать, что перечисленные топонимы бытовали раньше, но в качестве именовании частей крупного поселения не попали в перепись.

Потамоним *Тулома* продолжает функционировать в современной топонимической системе территории. Исторически к реке Туломе были привязаны три поселения – одно, судя по модели именованья, явно в устье реки (*Тулома на реке Туломе*)⁸ – современный поселок Салми, два других «*близко порога Падуна*», под которым скрывается, без сомнения, известный порог *Juka*, состоящий из двух частей – *Pieni Jukankoski* ‘Малый порог Юка’ и *Suuri Jukankoski* ‘Большой порог Юка’ в Салми, на которых стоят электростанции. Одна из деревень именуется *Коверой* («*деревня Ковера на реке на Туломе близко Падуна*»), из карел. *koveri* ‘кривой’ – отсылка к кривому руслу реки, делающему крутой поворот. Название сохранялось вплоть до середины XX века.

Наконец, третья река, отмеченная в ПКВП 1500 года рядом с Туломой и рекой Соломяна, названа *Яня* и соответствует современному *Änäjäjoki* / *Эняйоки*. На ней на рубеже XV–XVI веков размещались четыре поселения: при устье большое поселение *Яня весь на реке Яне*, далее вверх по реке *Плундоголова на реке на Яне*, *Ряймола на реке на Яне* и *Варбоселка на реке на Яне*. Все они существовали и в XX веке, однако названия первых двух подверглись трансформации. Первая преобразовалась к концу XVI века в деревню *Miinala* / *Мийнала*, причем река Яня в низовьях стала именоваться сообразно поселению вначале *Mijnan Joki*, букв. ‘река (деревни) Мийна’, а затем *Mijnalanjoki* / *Мийналанйоки* ‘река (деревни) Мийнала’. Ойконим образован по традиционной

прибалтийско-финской модели «антропоним + суффикс *-la*», которая была свойственна однодворным деревням и содержала указание на имя, патроним (в том числе родовой) или прозвище ее основателя. В нашем случае им был некий *Мина* (карел. *Miina*).

Второй из несохранившихся топонимов на реке Яне – *Плундоголова* – именовал в 1500 году, судя по порядку описания, современное поселение *Pebru* / *Пебру*. Причем эта связь основывается не только на расположении деревни относительно соседних поселений, но и на совокупности других факторов. В основе современного ойконима, который отмечается источниками по крайней мере с начала XX века, лежит родовой патроним *Pebru*, при этом последний зафиксирован уже в документах середины XVII века как именование жителя деревни Каллисюря. В ней проживала одна семья, главой которой числился вначале отец *Oxentiko Wobrov* (1618), *Oxentiko Bebroi* (1631), а затем, видимо, его сын *Онита Бебров* (1637). Это обстоятельство дает основание полагать, что деревня *Каллисюря*⁹ или *Kalli syriä*¹⁰, *Kalliosuria*¹¹ была, собственно, предшественницей поселения Пебру. Ее название восходит к исходному **Kalliosyrjä* ‘скалистая гора’, убедительно подтверждаемому географически: на топографической карте¹² рядом с поселением *Пебру* отмечена гора *Syrjämäki* (оба элемента сложного топонима включают топографический термин, номинирующий возвышенность: *syrjä* ‘возвышенность, гора вытянутой формы’, *mäki* ‘гора’). Название же *Pebru* могло первоначально использоваться как неофициальное, а затем перейти на официальный уровень. Именно такой сценарий смены названия прослежен на материале ойконимов ливвиковского, людиковского и вепсского ареалов [2], [6].

Но как эта история соотносится с *Плундоголовой* рубежа XV–XVI веков? Она строится на косвенных обстоятельствах: кроме отмеченного порядка описания это географическая характеристика места. Деревня *Pebru* / *Пебру* стояла на крутом порожилом повороте реки Мийналанйоки, и это дает основания видеть за элементом -голова перевод карельского термина *-pää* ‘голова’, маркирующего начало речного порога. Атрибутивная часть сложного по структуре топонима *Плундоголова*, к сожалению, не поддается расшифровке. Патроним же *Pebru*, *Bebroi*, с учетом варианта *Wobrov*, отсылает, видимо, к рус. *бобр*, причем в его раннем виде *бебрь*¹³. Прозвище Бебрия было известно русскому именователю¹⁴. При этом, имея русские истоки, антропоним со-

всем необязательно свидетельствует о русских корнях его носителя. Известно, что в карельской среде бытовали, пусть и не очень широко, русские нехристианские имена и прозвища [5]. Кроме того, лексема была воспринята в карельские говоры и бытовала в виде *bobru* ‘бобер’ как раз в говоре Салми.

Продолжением этого фрагмента реконструируемой средневековой карты на юго-восток были еще две поселенческие структуры, которые так или иначе тяготели к бассейну р. Яни (совр. Эняйоки). Это, во-первых, две деревни с названием *Каргосурья* и *Другая Каргосурья* у Ладожского озера, которые являются предками современного поселения *Карку* / *Karkku*. Исторический вариант *Каргосурья* отсылает к карельскому оригиналу **Karkonsyrjä* или **Karkunsyrjä*, в котором *-syrjä* ‘возвышенность, гора вытянутой формы’¹⁵. Первый элемент *Karkku* (Gen. *Karkun*) – имя / патроним, из карел. (говор Суоярви) *karkku* ‘молодая овца, ярка’. Слово могло использоваться метафорически для номинации пугливого животного и человека, как это происходит в финских говорах¹⁶. Во-вторых, это расположенная на самой границе с Обонежской пятиной деревня *Кондуша*, которая всплывает позднее в описании 1568 года как *деревня в Маньшеле в Кондушах*¹⁷. В XVII веке *Mansila* полностью вытесняет *Кондушу* из документов Кексгольмского лена, поскольку, по условиям Столбовского мирного договора 1617 года, граница разделила Маньшелу и Кондушу. Последняя в виде *Погранкондуши* / *Rajakondu* продолжает жизнь в составе Олонецкого района Республики Карелия. Само название *Кондуши* восходит к карельскому оригиналу *kondu* ‘крестьянский двор, земельный участок, однодворная деревня’ и, видимо, возникло на основе продуктивной в топонимии диминутивной формы *konduine* (словоизменительная основа *konduiže-*) → *Кондуши*. Ойконим же *Мансила* (историческое *Маньшела*) / карел. *Manššila* принадлежит к числу отыменных названий, сохранивших имя поселенца *Manšši* – карельский народный вариант русского православного имени *Мануил* (*Имануил*) [11: 246].

Итак, первый фрагмент объединил материковые деревни, тяготевшие территориально к устьям трех рек, впадающих в ладожский залив Лункуланлахти.

Островные поселения

Второй фрагмент текста образуют островные поселения, расположенные на островах Салуи и Манетский. За ними стоят современные Лункулансаари и Мантсинсаари. Преимущество пары

Салуи – Лункулансаари ‘остров Лункула’ устанавливается благодаря характеристике «*деревня Лунгула на Салуе же острове*»¹⁸. Документ отмечает еще две деревни, бытовавшие к тому времени на острове, из которых «*Дер. в Вулахте на Салуе ж острове*» отмечалась в источниках до конца XIX века в виде *Ulahto* / *Улахть*. Второй же «*Киельская Понги на Салуе острове*», видимо, соответствует дер. *Tiiala* или *Tiijala* / *Tuuala* более поздних описаний, в названии которой произошла характерная мена **ki > ti*. Элемент *Понги* в таком виде не поддается расшифровке. Возможно, за ним скрывается неверно записанное писцами или прочитанное позднее издателями документа *Vonga*, из ливв. *vonga, vongu* ‘залив, бухта’¹⁹, что согласуется с расположением поселения. В целом проведенная идентификация записей ПКВП 1500 года позволяет утверждать, что на рубеже XV–XVI веков поселения острова концентрировались в районе бывшего пролива, делившего остров на две части. На исторических картах действительно присутствует такой пролив, на современных же его место отмечено обширной, тянущейся через весь остров топкой низиной *Laisinluhta* (фин., карел. *luhta* ‘заливаемое весной водой место; заливной луг’, фин. *laisi* ‘низкий пологий берег’), название которой адекватно передает характер местности. Собственно, не менее точно особенность места передает и карельский термин *ulahto* (или *uulahto*) ‘низинное место’, зафиксированный в самостоятельном бытовании в ливвиковском сямозерском говоре, а также в составе сложного термина *ulahtolambi* ‘озеро на болоте’ в собственно карельском говоре Суоярви²⁰. Его присутствие в названии поселения *Ulahto* позволяет расширить былой ареал термина и на ливвиковский говор Салми. Заселение этого участка острова может объясняться как его сельскохозяйственными (заливные луга), так и дорожными преимуществами. Освоение привело к вытеснению традиционного названия острова (*Салуи*, из *salu* ‘(большой) остров’) новым, отсылающим к ойкониму *Lungula*. Это универсальный принцип, хорошо известный и другим именованьям островов, ср. в ближайшей округе острова *Тулолансаари* ‘остров [деревни] Тулола’ и *Риеккалансаари* ‘остров [деревни] Риеккала’ в окрестностях г. Сортавалы.

Для *Lungula* предложена этимология, которая возводит топоним к отглагольному имени от глагола *lunkata* ‘хромать’ [11: 240], однако она проблематична, поскольку глагол и его производные являются фактом западных финских говоров, в которые к тому же пришли как шведские

заимствования позднего времени²¹, поэтому вряд ли могли присутствовать в языковом репертуаре средневековых карелов Приладожья. Очевидно, в основе лежит другой фонетически близкий источник, ср., например, в финском юго-восточном говоре *lunka(silmä)* ‘о человеке с прищуренными глазами или смотрящем исподлобья’²².

В отличие от исторических поселений острова Лункулансаари, которые удалось разместить на карте XX века, на острове Мантсинсаари такая процедура оказалась возможной только для трех поселений из шести. Среди них родоначальник главной деревни острова *Peltoinen* (карел. *Peldon'e*) / *Пелтойнен*, который в документе 1500 года характеризуется как *на Полях на Манецком острове*: карел. *peldo* ‘поле’. Особый статус поселения проявляется в использовании применительно к нему варианта *Mantzin saari*²³ и его двойном названии *Манцы Пелдозы*²⁴, отсылающем к названию острова, а также в том, что именно здесь появляется первая на острове часовня. Об этом свидетельствует перепись 1568 года: «*волостка Пелдоши у часовни*»²⁵. Знаково и само название деревни, отсылающее к сельскохозяйственному освоению острова.

На исторической карте Мантсинсаари размещалась деревня «*на Пейбуеве горе*», дожившая до XX века как фин. *Peiposenkylä*, карел. *Peiboin'e*. При этом родовой патроним, породивший название, сохранялся в деревне в виде фамилии *Peiponen* вплоть до Второй мировой войны [14: 50]. Это один из ярких примеров традиционного карельского антропонима, ведущего свою историю со Средневековья. Он пополняет ряд так называемых птичьих фамилий, популярных в традиционном карельском антропонимиконе. Карел. *peiboi*, *peiboin'e* ‘зяблик’ использовалось как метафора для характеристики шустрого, юркого, проворного человека²⁶. До XX века дожил еще один ойконим (то есть наименование поселения) из документа 1500 года: дер. *Oriselö* (в XVII веке *Oriselgä*, *Orich selgä*) – совр. *Oritselkä* / карел. *Orihselgy*. Поселение с таким названием располагалось в центральной части о. Мантсинсаари, на вытянутой по форме возвышенности, маркированной карельским ландшафтным термином *selgä*, *selgy*. Местная традиция связывала истоки топонима с карел. *orih* ‘конь, жеребец’, а мотив номинации с тем, что сельга имеет форму спины лошади²⁷.

Три других ойконима из ПКВП 1500 года не удастся локализовать, хотя два из них еще упоминаются в документах первой половины XVII века: *на речном конце* и *в Кузминску в Наво-*

локе – последний в виде *Кузнаволок*, *Kuusi Niemi* ‘еловый берег’, но далее их след теряется. Лакуна в документах XVIII века, особенно картографических, не позволяет проследить их связь с поселениями XIX века.

Поселения при заливе Уксунлахти

Третий хорошо выделяющийся фрагмент – это поселения «у Ладожского озера над Лахтою»: *Борисов Наволок* (житель Захарко Борисов!), а также две деревни и починок в *Лойги Тайбале*. Все они обложены общим налогом, что указывает на их географическую близость. К ним примыкают четыре деревни в низовьях реки Уксы. Направление поиска локализации поселений этого фрагмента задают два топонима – *Укса* и *Тайбола*. С первым все ясно, особенно с учетом того, что деревни на Уксе характеризуются как расположенные на пороге – имеется в виду, конечно, порог, на котором значительно позднее, в конце XIX века, возникает лесопилка, а затем и электростанция. Второй – *Тайбола* – именуется, видимо, одно из самых примечательных мест в здешней местности – узкий перешеек между берегом и длинным полуостровом *Uksalo* / Уксало. Нынешний облик топонима обусловлен закономерной фонетической редукцией на границе двух элементов сложного топонима **Uksasalo* > **Ukssalo* > **Uksalo*, в котором концовка *-salo* ‘большой (лесистый) остров’ (см. выше), *Uksa-* ‘Укса’, то есть ‘Уксинский остров’. Топографически он действительно значительно больше соответствует острову, чем мысу. За *Тайболой* стоит ск., ливв. *taibal*, *taibaleh*, ‘путь, расстояние; переход (напр., из деревни в другую по глухой местности); перешеек между двумя водоемами; дорога посуху между двумя водоемами’²⁸. В карельской топонимии основа характерна для водораздельных волоковых мест, каковым был, безусловно, узкий перешеек. Подтверждение предоставляет карта «Донационные земли Выборга 1873 года», где перешеек именуется *Weneenveto*²⁹ ‘волок’, то есть место, где перетаскивают лодки из залива Уксунлахти в открытое Ладожское озеро. Кроме того, здесь же располагалась еще в довоенное время деревенька *Regirandu* ‘санный берег’ – знак того, что этот путь использовался и зимой, например, для поездок на Валаам. Вполне вероятно, что деревня является потомком одного из трех поселений местности «в *Лойги Тайбале*» рубежа XV–XVI веков. Первый элемент в историческом топониме *Лойги Тайбола* отсылает к карел. *louhi* ‘большой камень; каменное место’. Историческим же ойконимом *Борисов Наволок* именовалась, видимо, деревня, получившая позднее название *Uksalonpää* ‘конец [острова] Уксало’. Его удалось локализовать бла-

годаря записи *Borisan Sari* 'Борисов Остров', которой отмечен современный мыс Уксало на карте 1650 года³⁰.

Наконец, последний фрагмент налогового описания 1500 года связан с территорией, расположенной на далекой окраине погоста, у истоков реки Шуи из оз. Суоярви. Описание 1568 года удачно характеризует находящиеся там деревни как расположенные «на Северике». Из трех отмеченных поселений удается локализовать только одно: *Ялгалакша Кайбальский наволоок у озера Суярвы*³¹, сохранившееся до сегодняшнего дня как район г. Суоярви *Кайнаа*. Несмотря на преобразования, в нем узнается традиционный дохристианский карельский антропоним *Каираа*- [12: 126] с семантикой 'долгожданный, ожидаемый (ребенок)'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Удалось идентифицировать большинство топонимов Соломянского погоста пятисотлетней давности. Обзор ойконимии показал, что опорные ее элементы сохранились до XX века, несмотря на все перипетии истории, и донесли следы карельского языка (хотя и через призму русской адаптации) середины II тыс. н. э. Он доказывает, например, что термин *salu* 'лесная глушь, большой глухой лес' был известен и в значении 'остров', даже, видимо, 'большой остров', что подтверждается двумя именованиями островов – *Салуи* и *Уксало*. Соответствующая «островная» семантика зафиксирована у термина в восточно-финском диалекте Саво, а также в некоторых саамских языках. В свою очередь, лексема *surjä* 'край, бок, сторона' имела и топографическую семантику 'гора, возвышенность, вытянутая по форме', подтверждаемую и другими примерами из ПКВП по территории Корельского уезда. В Салми был известен термин *ulahto* 'низина', утраченный уже местным ливвиковским говором.

Проведенное картографирование установило основные места поселений, которые однозначно тяготели к устьям рек Туломы, Кирконйоки, Эняйоки и Уксы. Топонимы позволяют выявить предпочтительные для поселений прибрежные ландшафты: в притяжении речных порогов (*близко порога Падуна, на реке Уксе у порога, Плунодоглова на реке Яне*), на островах (*на Салуе острове, на Манецком острове*), на озерных мысах (*на наволоке*) и заливах (*на*

Лакме). Прибрежным ландшафтам значительно уступают материковые. Здесь в приоритете возвышенности, обозначаемые терминами *selgä* 'сельга' (*Варбоселка, Орисело*) и *surjä* 'вытянутая по форме гора' (*Каргосурья, Каллисюра*), маркирующие места, пригодные для подсечного земледелия. Популярный в последующие века в Приладожье термин *vaara* 'высокая (лесистая) гора', пришедший, видимо, с переселенцами из более западных областей еще не достиг к началу XVI века северо-восточного побережья Ладожского озера. Нет реальных следов и родового термина *-mägi* 'гора', который приобрел популярность в ойконимии только в XIX веке в связи с Генеральным межеванием.

Присутствие человека маркировано слабо, всего несколькими названиями, что особенно заметно на фоне более поздних описаний, в которых отантропонимные названия превалируют. Причина кроется в том, что в Соломянском погосте чрезвычайно скудно представлена так называемая *-l*-овая ойконимная модель, которая как раз основана на антропонимах. Здесь всего четыре ойконима против почти 40 в соседнем Сердвольском погосте: *Киельская (Понги) < *Kijjala, Лунгула < Lungola, Ряймола < Raimälä* и далекий *Кайбольский наволоок на оз. Суоярви < *Kaibola* при современном *Каираа*. Причина кроется в слабой продуктивности модели на восточной окраине Северного Приладожья, а также в особенностях фиксации поселений и, соответственно, их названий здесь.

Из четырех *-l*-овых ойконимов из ПКВП 1500 года три группируются в центральной части погоста: *Лунгула* – карел. *Lungula, Ряймола* – карел. *Raimälä* и **Киела (< Киельская Порги)* – карел. *Tijjala*. Такая маркировка ядерных поселений характерна для этой модели и в двух других погостах Северного Приладожья – Кирьяжском и Сердвольском [7], [9]. Она помечает места первоначального заселения. При этом, как и в других погостах, среди основ господствуют нехристианские антропонимы. Очевидно, ко времени рождения ойконимов – а это совсем необязательно время их первой документальной фиксации – православный именовослов еще не вышел на первые роли.

В статье впервые предложена или уточнена этимологическая расшифровка ряда ойконимов (*Pebru / Пебру, Karkku / Карку, Lungula / Лунгула, Uksalo / Уксало*).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 года. Временник Московского общества истории и древностей Российских. Книга 12. М., 1852.

- ² Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta. I. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 52–178.
- ³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. М.: Наука, 2002. С. 135.
- ⁴ Здесь и далее карельские лексемы и их семантика приводятся по словарю Karjalan kielen sanakirja. О. 1–6 / Toim. P. Virtaranta, R. Koronen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; XVI) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kaino.kotus.fi/kks/> (дата обращения 15.11.2025). При обращении к другому источнику карельской лексики он указывается отдельно.
- ⁵ Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 753.
- ⁶ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 131.
- ⁷ Писцовая книга Водской пятины 1568 г. ... С. 172.
- ⁸ Ср. образованные таким же образом названия приустьевых поселений «Яня весь на реке Яне», «на Уксе в Уских» в Соломянском погосте (см. ниже), «Гелюля на реке Гелюле», «Сумера на речке Сумере», «Янолушка на устье реки Янолушки» в Сердовольском погосте.
- ⁹ Поземельная книга северного лена Какисалми 1637 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. II. Йоэнсуу, 1991. С. 725.
- ¹⁰ Kexholms läns Jordebok 1631. Kexholms Närre Lähn // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta. I. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 544.
- ¹¹ Käkisalmen läänin maakirja 1618 // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta. I. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 384.
- ¹² Karjalan kartat [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.karjalankartat.fi> (дата обращения 15.11.2025).
- ¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vasmer.slovaronline.com> (дата обращения 15.11.2025).
- ¹⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М.: Наука, 1975. С. 84.
- ¹⁵ Кузьмин Д. В. Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск: Периодика, 2020. С. 208.
- ¹⁶ Suomen murteiden sanakirja. Kotimaisten kielten keskuksen verkkojulkaisu 30. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kaino.kotus.fi/sms> (дата обращения 15.11.2025).
- ¹⁷ Писцовая книга Водской пятины 1568 г. ... С. 176.
- ¹⁸ Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года... С. 184.
- ¹⁹ Кузьмин Д. В. Словарь... С. 241.
- ²⁰ Кузьмин Д. В. Словарь... С. 227.
- ²¹ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja / Päätöim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Osat 1–3. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1992–2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kaino.kotus.fi/ses> (дата обращения 15.11.2025).
- ²² Suomen murteiden sanakirja... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kaino.kotus.fi/sms/> (дата обращения 15.11.2025).
- ²³ Kexholms läns Jordebok 1631... S. 542.
- ²⁴ Поземельная книга северного лена Какисалми 1637 г. ... С. 721.
- ²⁵ Писцовая книга Водской пятины 1568 г. ... С. 173.
- ²⁶ Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki: Otava, 2000.
- ²⁷ Suomen nimiarkisto / Топонимический архив Финляндии, находится в Центре национальных языков / Kotimaisten kielten keskus (Хельсинки, Финляндия).
- ²⁸ Кузьмин Д. В. Словарь... С. 215.
- ²⁹ Донационные земли Выбора 1873 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-peterburg_vyborg_1873-donacionnye (дата обращения 15.11.2025).
- ³⁰ Северное Приладожье от Кексгольма до Салми. 1650 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aroundspb.ru/karty/317/1650_Kexholm_Salmi.html (дата обращения 15.11.2025).
- ³¹ Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 1568 г. ... С. 186.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962. 292 с.
- Захарова Е. В., Жуков А. Ю. «Родословная» ойконимов Ведлозерья // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 3 (50). С. 426–435. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-426-435
- Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV–XVII веках // История и культура Сямозерья. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 41–106.
- Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII века. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 492 с.
- Кузьмин Д. В. Русские некалендарные имена в названиях поселений, топонимии и документах Карелии // Сучасныя праблемы анамастыкі. Вып. 1. Мінск: Беларускавая навука, 2022. С. 148–153.

6. Муллонен И. И. Ойконимическая система южной Карелии в развитии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 4. С. 567–577. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577
7. Муллонен И. И. Историческая ойконимия Сортавалы как свидетельство формирования поселенческой структуры // Ежегодник финно-угорских исследований. 2025. Т. 19, № 3. С. 357–366. DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-6-13
8. Новак И. П. Карельский языковой ландшафт в диалектометрической парадигме. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2025. 502 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/Novak_Landshaft_2.pdf (дата обращения 15.11.2025).
9. Петрова М. И. Реконструкция водно-волоковых путей Кирьяжского погоста по новгородским берестным грамотам и писцовым книгам XV–XVI вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 2021. Вып. 34. С. 165–171.
10. Селин А. А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 491 с.
11. Kerpä S. Viipurin läänin kylännimet. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus, 2024. 480 s.
12. Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu: Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö, 1975. 382 s.
13. Omal muual – vierahal muual: Suojärven historia. IV. Toim. Tapio Hämynen. Nurmes: Suojärven pitäjäseura, 2011. 414 s.
14. Patronen O. Rajakarjalaisen sukunimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistön suomalaistumista 1818–1925. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2017. 519 s.

Поступила в редакцию 09.12.2025; принята к публикации 27.02.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Irma I. Mullonen, Dr. Sc. (Philology), Professor, RAS Corresponding Member, Chief Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation) *ORCID 0000-0002-5279-4880; irma.mulonen@mail.ru*
Angelina A. Kondratyuk, Laboratory Assistant, Interdisciplinary Scientific and Educational Center NORDICA, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation) *angelinapug23@gmail.com*

EXPERIENCE OF RECONSTRUCTING A TOPONYMIC MAP OF THE SOLOMYANSKY POGOST IN THE XV CENTURY

Abstract. This article analyzes the oikonyms of the Solomyansky Pogost, one of the pogosts (parishes) comprising the Korela Uyezd of the Vodskaya Pyatina, with the aim of locating the corresponding fifteenth-century settlements on a historical map of the area. Toponyms are drawn from historical documents and maps spanning the XV to the XX centuries, as well as those collected during field expeditions and stored in toponymic archives in Finland and Karelia. The study relies on historical geographic methods (retrospective analysis of sources from various periods and consistent mapping of the toponyms identified in them), as well as on the content of settlement names themselves, which often contain references to distinctive characteristics of the place that facilitate precise location. The analysis also addressed toponymic issues: a number of toponyms were etymologized for the first time, while previous etymologies of others were revised. The study demonstrated the significant stability of both the settlement sites themselves and their names over the centuries. It confirmed earlier conclusion regarding the areal distribution of oikonym patterns and the association of names with the -la formant with the central, core settlements of the pogost. A number of traditional Karelian anthroponyms were reconstructed, along with lexemes included in the onomasticon and lexicon of the XV century. The study also demonstrated the specific features of transferring Karelian toponyms into Russian usage. These findings are relevant in the context of the ethnocultural history and linguistic heritage of the Karelian Ladoga region.

Keywords: oikonym, anthroponym, toponymic model, Karelians, Karelian language, written sources, Northern Ladoga region

Acknowledgements. The article was written as part of the state research project No 125032004283-0 “Spiritual Traditions of the Peoples of Karelia: Texts and Contexts” assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Citation: Mullonen, I. I., Kondratyuk, A. A. Experience of reconstructing a toponymic map of the Solomyansky Pogost in the XV century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):110–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1326

REFERENCES

1. Vitov, M. V. Historical and geographical essays on Zaonezhye in the XVI and XVII centuries. From the history of rural settlements. Moscow, 1962. 292 p. (In Russ.)

2. Zakharova, E. V., Zhukov, A. Yu. “Pedigree” of the oikonyms of Vedlozero area. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(3):426–435. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-426-435 (In Russ.)
3. Zhukov, A. Yu. Syamozero area in the XVI–XVII centuries. History and culture of Syamozero area. Petrozavodsk, 2008. P. 41–106. (In Russ.)
4. Zhukov, A. Yu. Self-government in Russian politics: Karelia between the XII and the early XVII centuries. Petrozavodsk, 2013. 492 p. (In Russ.)
5. Kuzmin, D. V. Russian non-calendar names in the names of settlements, toponymy, and documents of Karelia. *Modern problems of onomastics*. Issue 1. Minsk, 2022. P. 148–153. (In Russ.)
6. Mullonen, I. I. Oikonymic system of South Karelia in its development. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2022;16(4):567–577. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577 (In Russ.)
7. Mullonen, I. I. Historical oikonymy of Sortavala as evidence of the formation of the medieval settlement structure. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2025;19(3):357–366. DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-6-13 (In Russ.)
8. Novak, I. P. Karelian linguistic landscape in the dialectometric paradigm. Petrozavodsk, 2025. 502 p. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/Novak_Landshaft_2.pdf (accessed 15.11.2025). (In Russ.)
9. Petrova, M. I. Reconstruction of water routes and cart tracks of the Kiryazh Pogost according to Novgorod birch bark letters and scribes’ books of the XV and XVI centuries. *Novgorod and Novgorod land. History and archaeology*. Veliky Novgorod, 2021. Issue 34. P. 165–171. (In Russ.)
10. Selin, A. Historical geography of the Novgorod region in the XVI–XVII centuries. Novgorod and Ladoga uyezds of the Vodskaya Pyatina. St. Petersburg, 2003. 491 p. (In Russ.)
11. Kepsu, S. Viipurin läänin kylännimet. Helsinki, 2024. 480 s.
12. Nissilä, V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975. 382 s.
13. Omal mual – vierahal mual: Suojärven historia. IV. Toim. Tapio Hämynen. Nurmes, 2011. 414 s.
14. Patronen, O. Rajakarjalaisen sukunimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistön suomalaistumista 1818–1925. Helsinki, 2017. 519 s.

Received: 9 December 2025; accepted: 27 February 2026; published: 29 May 2026

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации
Государственный университет просвещения
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2815-6691; olnikitin@yandex.ru

Рец. на кн.: Архангельская (Двинская) таможенная книга 1719 года / Изд. подгот. И. А. Малышева / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: ИЛИ РАН, 2024. – 444 с.

Для цитирования: Никитин О. В. Рец. на кн.: Архангельская (Двинская) таможенная книга 1719 года / Изд. подгот. И. А. Малышева / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: ИЛИ РАН, 2024. – 444 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 121–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1327

Публикация памятников письменной культуры имеет большое значение для воссоздания исторического облика эпохи, выявления и уточнения фактов, дат, имен и событий. Без обнаружения архивных материалов летопись Отечества была бы лишена атрибуции многих ключевых явлений.

Автор-составитель рецензируемого издания «Архангельская (Двинская) таможенная книга 1719 года» – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (группа «Словаря русского языка XVIII века») И. А. Малышева. Ученица Р. И. Аванесова, она является крупным специалистом по лингвистическому источниковедению. В 2018–2023 годах руководила Отделом русской исторической лексикологии и лексикографии ИЛИ РАН. Скорописные таможенные книги XVIII века стали предметом ее научных исследований. Ученый справедливо замечает, что

«к XVIII веку относится большое количество ценнейших источников – региональных рукописных памятников делового языка, которые в своем большинстве мало известны или совсем неизвестны лингвистам» (с. 4).

Добавим – а также историкам, этнографам. И. А. Малышева справедливо отдает дань деятельности С. И. Коткова в этом направлении и отмечает роль возглавляемого им в 1960–1980-х годах Сектора лингвистического источниковедения Института русского языка АН СССР в изменении исследовательской парадигмы. Его призыв был услышан учеными, которые стали разрабатывать свои «деловые школы»: южноуральскую (Л. А. Глинкина), смоленскую (Е. Н. Борисова), пермскую (Е. Н. Полякова) и др. Таким образом, к началу XXI века региональные письменные традиции получили мощное развитие в виде публикаций текстов и составления словарей, подготовки диссертаций и документальных матери-

алов, написания учебных пособий и т. д. (см. обзор актуальных изданий на с. 4–5). В настоящее время мы имеем фундаментальные *исторические* словари: «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII века», «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.». Активно изучается терминология, в том числе и XVIII столетия (см., например: Мольков Г. А. Морские термины конца XVII – первой половины XVIII века: Материалы к словарю. СПб., 2025). Можно констатировать, что на нынешнем этапе развития историко-лингвистической науки XVIII век является приоритетным объектом изучения во многих отраслях знания. Кроме прочего, данная эпоха исключительно важна для понимания того, как происходило формирование русского литературного языка в центре и на местах, что закрепилось в письменной традиции, а что впоследствии утратилось.

Рецензируемая книга посвящена жанру таможенного делопроизводства. По мнению И. А. Малышевой, такие источники в большей степени исследуются историками, в меньшей – лингвистами (с. 5). Данные материалы содержатся и в областных архивах, но самая богатая коллекция находится в РГАДА (с. 7). И. А. Малышева считает, что «таможенные документы XVIII в. в отличие от таможенных книг XVII в. почти не издавались», и ссылается при этом на мнение историков, объясняющих данный факт социально-политическими причинами (с. 8). Таможенное делопроизводство включало в себя разные документы: явчие, выписные, ярмарочные, отъявочные, покупные, проезжие, расходные и т. п. книги, выписи, росписные списки:

«Виды таможенных документов, их состав, структура определялись характером действий, операций, которые производила таможня, контролируя торговый поток с целью сбора пошлин. В свою очередь деятельность та-

можен направлялась целым рядом указов, наказов, доношений, инструкций и др.» (с. 9).

Отсюда такое богатство поджанров таможенных документов и специфика их письменного оформления. Согласимся с автором-составителем книги в том, что ценность текстов заключается в датировке, указании на территориальную принадлежность, в возможности наблюдения над местным делопроизводством. Значит, мы можем атрибутировать слово, исторический факт, имя – это придает достоверность изложенным в текстах событиям. С лингвистической точки зрения

«самой важной... характеристикой таможенных документов является их насыщенность ценным в языковом отношении материалом, прежде всего лексическим. <...> это предопределяет богатый состав предметной лексики, названий различных вместилищ, метрологических и торгово-счетных единиц, наименований денежных единиц...» (с. 10).

Что касается книг пограничных и торговых таможен, то в них встречаются названия иностранных товаров, новых понятий и единиц, которые только входили в русскую словесную культуру: *акцизный, глобус, каперс, пудра, шкаф, шоколад* и др. (с. 11). Изучение иноязычной лексики данного периода по памятникам местной деловой письменности – актуальная научная проблема.

Характерной особенностью книг являются, по мнению И. А. Малышевой, «случаи разночтений» – лексической мены: *ансырь – фунт, веревка – прядено, животина – скотина, наметка – фата, рукавицы вареги – вязаницы* и т. п. (с. 14).

Не случайно составитель издания избрал для публикации и анализа *архангельские* таможенные книги. Русский Север, и особенно город Архангельск, играли исключительную роль в торговых отношениях России с Западом. В книге приводятся иллюстрации, исторические свидетельства о месте расположения таможни, ее структуре, наименованиях отдельных строев, например:

«Архангельская таможня в XVIII в. располагалась на берегу Двины в каменной крепости, построенной в 1668–1684 гг. на месте сгоревшей деревянной.

Крепость внутри была разделена на три части. Верхняя южная часть (по течению Двины) называлась Русским Гостиным двором, нижнюю северную часть крепости занимал Немецкий Гостиный двор. В нижних палатах Немецкого Гостиного двора находилась портювая таможня» (с. 16–17).

Весьма обстоятельно изложено археографическое описание «Архангельской (Двинской) таможенной книги 1719 года»: состав бумаги, герб, положение листов, структура и объем рукописи, скрепы, датировка и др. (с. 22–25). И. А. Малышева относит этот документ к типу явчих

книг, то есть таких, которые содержат «записи явок торговцами своих товаров для регистрации их в таможне с целью дальнейших операций...» (с. 24). Составитель указывает, что в книге содержится много архангельских топографических указаний типа *Юрьев взвоз, Аглинский мост* (с. 27). Показательны наблюдения И. А. Малышевой над писцами с включением фотографий страниц рукописи. Ими были подъячие, «ручники», поручители (с. 28–30). Ученый отмечает, что публикуемая книга представляет собой черновой вариант документа (с. 31).

Отдельно в издании характеризуются графика и орфография. Указываются свойства и особенности написания отдельных литер, например:

«При анализе начертаний букв *Ъ* и *Ь* в данной рукописи обнаружилось, что буква *Ъ* имеет большее количество графических вариантов, причем преобладает начертание с четко выраженным отворотом мачты влево. Буква *Ь* пишется или в один прием, или в три: мачта, нижняя горизонталь и дуга, соединяющая две линии» (с. 34).

Из других особенностей показательны такие: абсолютное преобладание буквы *Ѳ* над *Ф*, редкое употребление *ѣ*, большое количество вариативных графем. Так, буква *ѳ* представлена двумя вариантами и более двадцатью вариациями (с. 35–36). Из других особенностей графики И. А. Малышева разбирает строчные и прописные буквы, приемы сокращения письма, надстрочные знаки, знаки препинания, обозначения чисел и др. Одним из самых распространенных надстрочных знаков в тексте книги является перерок (*д'вор, на лис'ту, работ'никъ*) (с. 38). Писцы использовали также йотацию, которая изображалась в виде каморы или дважды изогнутой черточки, например, в случаях над буквами *е* и *я* присутствовали такие знаки: *ево, ему, явил* (с. 39). Были отмечены и символы густого и тонкого придыхания. И. А. Малышева справедливо замечает:

«Появление этих знаков над гласными объясняют традицией обозначения в более ранних рукописях долгих и кратких гласных. В письме Севера данная орфографическая традиция могла сохраняться и в первой половине XVII в. Однако, как показывают северные таможенные книги, традиция эта могла существовать и в начале XVIII века» (с. 41).

Интересно, что «единственным в книге надстрочным знаком, связанным с определенным значением, является знак ударения» (с. 41). Знаков препинания в нашем понимании в книге нет, «но иногда в записях встречаются знаки, подобные запятым» (с. 42), двоеточию.

И. А. Малышева отмечает характерную особенность таможенной книги – обилие цифровых обозначений, причем

«количество товара и денежные суммы могут обозначаться и словесно, и с помощью букв, в таком случае по обеим сторонам буквы или только с правой стороны могут стоять точки» (с. 43).

В отдельных случаях, по наблюдениям И. А. Малышевой, над числами и против статей помещен знак «+», свидетельствующий о том, что товар проверен (с. 44). Даты представлены еще буквами, а «цифровое обозначение дат встречается редко и преимущественно в более поздних записях 20-х годов» (с. 45).

Полезными дополнениями к публикуемым текстам являются «Указатель слов», «Указатель имен», «Указатель географических названий». В первом из них зафиксировано более 1600 лексических единиц. Чем интересен данный указатель? Прежде всего это небольшой «азбуковник», в котором содержатся слова таможенного делопроизводства. В нем приводятся и данные о количественном составе лексем. Так, наиболее часто встречаются, по нашим предварительным подсчетам, слова *бургомистр, веление, вес, место, выпись, вышеписанный, год, горожанин, два, двадцать, двинской, двор, день, досмотр, досмотреть, он, отпуск, приложить, пуд, рука, сей, свой, товар, тот, фунт, целовальник, явить*. Как видим, в этом перечне представлены не только таможенная лексика и терминология, но и слова общерусского литературного фонда, встречающиеся и в других деловых текстах. Отмечены и единичные случаи, например: *англичанин* (с. 288), *ансырь, аршинный, атлас, багровый* (с. 289), *базар, бархат* (с. 290) и др.

Мы обратили внимание на то, что в таможенной книге встречаются устойчивые обороты типа *по вышеписанному ерлыку* (с. 156), [имярек] *явил... товаров* (с. 167), *из вышеявленных своих товаров* (с. 180), *руку приложил, подлинный досмотр за руками* (с. 234–235) и др. Думается, что деловые тексты с их клишированным языком могут стать предметом анализа и в области идиоматики. Здесь она очень показательна.

Издание завершается разделом «Образцы листов рукописи» (с. 395–441). В публикуемых фотографиях воссоздана письменная культура оформления таможенных книг. Особенно показательны виды почерков (от беглого, почти небрежного до каллиграфического), особенности начертания литер, подписи и др. Эти живые приметы времени погружают нас в красивую делопроизводственную традицию Русского Севера, помогают понять, как эволюционировало письмо. Наверное, если понаблюдать только за одним писарем, который вел таможенные дела в течение длительного времени, можно подметить индивидуальные черты, составить социолингвистический портрет таможенника начала XVIII века.

Рецензируемая книга представляет собой уникальный историко-культурный и лингвистический материал, дополняющий «Словарь русского языка XVIII века» и показывающий развитие таможенной терминологии в период активной смены экономических отношений. Тексты свидетельствуют о том, что документы, созданные вдали от центральных канцелярий, во многом жили по своим законам, опирались на местную систему приказного письма.

Труды И. А. Малышевой в области лингвистического источниковедения, в том числе и обсуждаемая таможенная книга 1719 года, продолжают аванесовско-котковскую традицию изучения письменных памятников. Еще академик А. А. Шахматов обращал внимание на значимость исторических, культурных и языковых признаков двинских текстов. Весь Русский Север являет нам особенный мир, хранящий редкие факты о жизни людей, их интересах и профессиональных занятиях, социальном статусе, бытовом поведении. Изданные И. А. Малышевой тексты воссоздают достоверную картину мира русского человека и являются ценными источниками не только по их прямому назначению, но и шире – как документы семиотики деловой культуры XVIII века.

Поступила в редакцию 13.03.2026; принята к публикации 30.04.2026; дата публикации 29.05.2026

Review

Oleg V. Nikitin, Dr. Sc. (Philology), Professor, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2815-6691; olnikitin@yandex.ru

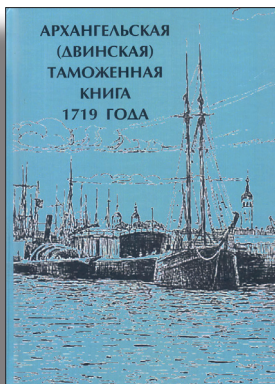
The book review: Arkhangelsk (Dvina) customs book of 1719. (I. A. Malysheva, Ed.). St. Petersburg, 2024. 444 p.

For citation: Nikitin, O. V. The book review: Arkhangelsk (Dvina) customs book of 1719. (I. A. Malysheva, Ed.). St. Petersburg, 2024. 444 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):121–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1327

Received: 13 March 2026; accepted: 30 April 2026; published: 29 May 2026

CONTENTS

<p><i>Nikonov S. A.</i> Editorial note 7</p> <p>ARCHAEOLOGY</p> <p><i>Vasilyeva T. A., Chebakovskaya A. V.</i> GRIGORY ALEKSANDROVICH PANKRUSHEV, ORGANIZER OF ARCHAEOLOGICAL SCIENCE IN KARELIA 8</p> <p><i>Popov E. V., Karmanov V. N., Zaretskaya N. E.</i> FLOODPLAIN SITES OF THE VYCHEGDA RIVER BASIN AND THEIR INFORMATIVE POTENTIAL 18</p> <p>WORLD HISTORY</p> <p><i>Baryshnikov V. N.</i> AIMS OF FINLAND'S POLITICAL LEADERSHIP IN THE WAR AGAINST THE USSR IN 1941 ... 27</p> <p><i>Zotov S. A.</i> BRITAIN-THEMED PUBLICATIONS IN <i>VESTNIK EVROPY</i> DURING ITS EARLY YEARS (1866–1869) 37</p> <p>HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH</p> <p><i>Zakharova A. M.</i> PUBLISHING SIMEON POLOTSKY'S COLLECTION OF SERMONS <i>SPIRITUAL DINNER</i> (1681) IN THE UPPER PRINT YARD 44</p> <p><i>Kurashov V. A.</i> <i>BULLETIN OF THE RUSSIAN NATIONAL COMMITTEE</i>: RECONSTRUCTING THE STRUCTURE, IDEOLOGY, AND PRACTICES OF ÉMIGRÉS' POLITICAL UNIFICATION 52</p>	<p>RUSSIAN HISTORY</p> <p><i>Bochkarev A. S.</i> FEATURES OF THE ESTATE STATUS OF OLONETS SOLDIERS AND DRAGOONS: REVISITING HORIZONTAL MOBILITY IN SEVENTEENTH-CENTURY RUSSIA 60</p> <p><i>Krivonozhenko A. F., Krizhanovsky A. A.</i> SMALL LOANS AND NON-AGRICULTURAL EARNINGS OF PEASANTS IN PRE-REVOLUTIONARY KARELIA 69</p> <p><i>Rezanov A. D.</i> CHIEFS OF THE ARKHANGELSK PROVINCE GENDARME DEPARTMENT IN 1834–1917: A PROSOPOGRAPHIC ANALYSIS 77</p> <p><i>Filimonchik S. N.</i> THE HISTORY OF KARELLES TRUST 85</p> <p><i>Ermolaev I. V.</i> THE IMAGE OF JAPAN IN THE PERIODICAL PRESS OF THE ORTHODOX CHURCH DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR 94</p> <p><i>Kozlovsky D. V.</i> THE ROLE OF FOREIGNERS IN THE TRADE OF ARCHAEOLOGICAL ANTIQUITIES IN THE RUSSIAN EMPIRE 101</p> <p>ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY, AND ETHNOGRAPHY</p> <p><i>Mullonen I. I., Kondratyuk A. A.</i> EXPERIENCE OF RECONSTRUCTING A TOPONYMIC MAP OF THE SOLOMYANSKY POST IN THE XV CENTURY 110</p> <p>Reviews</p> <p><i>Nikitin O. V.</i> The book review: Arkhangelsk (Dvina) customs book of 1719 121</p>
---	---

АРХАНГЕЛЬСКАЯ (ДВИНСКАЯ) ТАМОЖЕННАЯ КНИГА 1719 ГОДА

Впервые предлагается лингвистическое издание таможенной книги XVIII века. Она представляет интерес для лингвистов с точки зрения разных аспектов ее исследования: как объект лингвистического источниковедения, как источник по истории русского делового языка начала XVIII века, как источник для изучения лексики русского языка данного периода, важной особенностью книги является наличие повторяющихся статей, содержащих разночтения.

Публикация данного письменного памятника интересна не только для лингвистов, но и для историков – специалистов по истории Русского Севера XVIII века, истории таможенного дела в России, истории торговли Архангельска.

Архангельская (Двинская) таможенная книга 1719 года / Изд. подгот. И. А. Малышева / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: ИЛИ РАН, 2024. – 444 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

М. И. Петрова

КОРЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ. КУРКИЁКИ

В книге рассматриваются становление и развитие поселений на протяжении четырех столетий в изменяющихся политических и экономических условиях с XIV в. до Ништадтского мирного договора 1721 г.: в составе Новгородского государства, Русского централизованного государства, Швеции и в период возвращения территории Русскому государству. Церковно-административное деление Кирьяжского погоста унаследовало родовую поселенческую структуру новгородского времени. Границы общин определялись подконтрольными водно-волоковыми путями. Специализация деревень подразделялась на ряд групп: промысловые, торговые, торгово-промысловые и обслуживающие водно-волоковые пути. В монографии показана значительная роль Кирьяжского погоста в экономике монастырей Корельской земли. Идентифицированы и локализованы землевладения четырех монастырей: Спасского Валаамского, Богородицкого Коневского, Ивановского из Корелы, Никольского из Корелы.

Петрова М. И. Корельская земля. Куркиёки. История поселений Кирьяжского Богородицкого погоста от Ореховецкого мира до Петра Великого. – СПб.: Нестор-История, 2025. – 232 с.

П. Н. Базанов

ЗАЩИТА ЕДИНСТВА РОССИИ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ИСТОРИКА НИКОЛАЯ УЛЬЯНОВА

В новой книге известного специалиста по Русскому Зарубежью, доктора исторических наук, профессора П. Н. Базанова реконструируется биография крупнейшего представителя второй эмиграции, историка и культуролога Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Его жизнь напоминает захватывающий приключенческий роман с арестами, нахождением в концлагерях, бегством из плена, пребыванием в заморских странах – Марокко, Канаде, США.

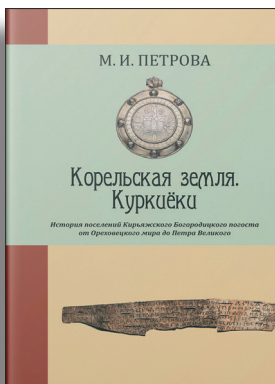
Базанов П. Н. Защита единства России: жизнь и творчество историка Николая Ульянова. – СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2025. – 688 с.

Е. В. Дианова

ШКОЛЬНАЯ КООПЕРАЦИЯ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ ХХ ВЕКА): УЧЕНИЧЕСКИЕ КООПЕРАТИВЫ И ДЕТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА АРТЕЛЬНЫХ НАЧАЛАХ

Данная монография знакомит читателей с кооперативными идеями русских педагогов и педагогическими идеями русских кооператоров. В ней рассказывается о школьных кооперативных объединениях первой трети XX века: детских сберегательных кассах, потребительских обществах, ученических сельскохозяйственных дружинах в годы Первой мировой войны, трудовых артелях в школах с сельскохозяйственным уклоном. В монографии раскрыто применение кооперативных начал в организации детской среды, школьного самоуправления и общественно-полезного труда учащихся в школах-коммунах и единой трудовой школе РСФСР; изложено содержание дискуссий педагогов и кооператоров о школьной кооперации; приведены примеры деятельности школьных кооперативов, показана роль комсомола и участие пионеров в школьном кооперативном движении в 1920-е годы.

Дианова, Елена Васильевна. Школьная кооперация (первая треть XX века): ученические кооперативы и детские организации на артельных началах / Е. В. Дианова ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образование высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2026. – 1 CD-ROM. – Текст : электронный.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004